

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Волянчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустовоит Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстоулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). DOI prefix: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalo, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoit, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (58) • 2023

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2>

СОДЕРЖАНИЕ

АЗИАТСКИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ МИГРАНТЫ В США И КАНАДЕ: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

От редактора рубрики	11
Гарусова Л.Н. Корейская диаспора в США: формирование и социальный статус	13
Владимирова Д.А. Японская диаспора в общественно-политической жизни США (вторая половина XX–XXI вв.)	23
Золотухин И.Н. Филиппинская диаспора в США: формирование и опыт коллективной адаптации	36
Журбей Е.В., Глазкова Е.А., Рыбаченко Е.А. Вьетнамская диаспора США в конце XX – начале XXI вв.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских иммигрантов	48
Винокурова А.В., Оролмаа М., Шагдар О. Образовательная миграция из Монголии в Канаду	64
Рыбачук Д.А. Формирование латиноамериканских диаспор в США и Канаде: сравнительный опыт коллективной адаптации и интеграции	74

ИСТОРИЯ

Кужель Ю.Л., Бреславец Т.И. Иконографические особенности японских скульптур светлых царей	87
Хисамутдинов А.А., Ли Янь. Русские страницы в истории Тяньцзиня по китайским источникам	98

ЛИНГВИСТИКА

Ахмыловская Л.А. Об интерпретации сюжетов японской литературы в контексте профессиональной подготовки актёра (на примере образовательного проекта 2021 года в Дальневосточном государственном институте искусств)	107
Стрижак У.П. Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности	116
Кузьменко Н.Н. Дзюкудзикун, атэдзи и кокудзи в современном японском языке (проблема функционирования)	127
Кисель П.О. Раздельно-слитные слова лихэцы в современном китайском языке: к вопросу уровневой принадлежности	138

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

Бондарева Е.В., Пожилова Д.Д. Прагматическая адаптация аудиовизуального текста как результат межкультурного взаимодействия (на примере американского ситкома "Young Sheldon" и его перевода на русский язык) 148

ПОЛИТИКА

Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и её практика в Северо-Восточной Азии 158

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2023

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 2 (58) • 2023

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2>

CONTENTS

ASIAN AND LATIN AMERICAN MIGRANTS IN THE USA AND CANADA: EXPERIENCE OF COLLECTIVE ADAPTATION AND INTEGRATION

From the editor of the section	11
Garusova L.N. Korean Diaspora in the USA: Formation and Social Status	13
Vladimirova D.A. The Japanese diaspora in the public and political life of the United States in the second half of the XX–XXI centuries	23
Zolotukhin I.N. Filipino Diaspora in the USA: Formation and Experience of Collective Adaptation	36
Zhurbey E.V., Glazkova E.A., Rybachenko E.A. The Vietnamese Diaspora in the United States in the late XX – early XXI Centuries: Problems of Adaptation and Integration of Vietnamese Immigrants	48
Vinokurova A.V., Orolmaa M., Shagdar O. The Educational Migration from Mongolia to Canada	64
Rybachuk D.A. The Formation of Latin American Diasporas in the USA and Canada: A Comparative Experience of Collective Adaptation and Integration	74

HISTORY

Kuzhel' Yu.L., Breslavets T.I. Iconographic features of the Japanese sculptures of light kings	87
Khisamutdinov A.A., Li Yan. Russian pages in the history of Tianjin according to Chinese sources	98

LINGUISTICS

Akhmylovskaja L.A. Interpretation of the Japanese Literature Plots in Context of Professional Training of an Actor (based on the educational project-2021 at the Far Eastern State Institute of Arts)	107
Strizhak U.P. Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality	116
Kuzmenko N.N. Jukujikun, ateji and kokuji in modern Japanese (functional problem)	127
Kisel P.O. Separable words liheci in modern Chinese: on the issue of level differentiation	138
Bondareva E.V., Pozhilova D.D. Pragmatic adaptation of the audiovisual text as a result of intercultural interaction (based on the Russian translation of the American sitcom Young Sheldon)	148

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

POLITICS

Huang Suozhu. Evolution of China's Security
Concept and its practice in Northeast Asia 158

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2023

АЗИАТСКИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ МИГРАНТЫ В США И КАНАДЕ: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ASIAN AND LATIN AMERICAN MIGRANTS IN THE USA AND CANADA: EXPERIENCE OF COLLECTIVE ADAPTATION AND INTEGRATION

От редактора рубрики From the editor of the section

Миграция в Северной Америке на протяжении вот уже многих десятилетий характеризуется доминированием входящей миграции в этот регион. Сегодня в Северной Америке проживает свыше 60 миллионов мигрантов из самых разных регионов мира. Крупнейшую группу составляют выходцы из стран Латинской Америки, а за ними следуют выходцы из Азии. За последние 30 лет в результате эмиграции из Латинской Америки и стран Азии число мигрантов в Северной Америке более чем удвоилось, что определяется привлекательностью североамериканского региона, который характеризуется высоким уровнем политической стабильности и экономическим ростом.

Открывает рубрику статья Л. Н. Гарусовой "Корейская диаспора в США: формирование и социальный статус". В данной статье автор проанализировал процесс формирования корейской диаспоры в США, уточнил его этапы и их содержание. В статье были выявлены основные характеристики и особенности современного социально-экономического и политического статуса американских корейцев.

В статье Д. А. Владимировой "Японская диаспора в общественно-политической жизни США (вторая половина XX–XXI вв.)" представлена жизнь японской диаспоры (японских американцев) в третьем поколении. Выявлены проблемы, с которыми сталкиваются уже ассимилированные в американском обществе японцы, затронуты проблемы интернированных японских американцев.

И.Н. Золотухин в статье "Филиппинская диаспора в США: опыт коллективной адаптации" рассматривает процессы формирования филиппинской диаспоры в США, особенности её адаптации к условиям страны проживания. В работе исследованы социально-демографические и культурные характеристики филиппинской диаспоры, её экономический потенциал, участие в политической жизни.

В статье Е.В. Журбея, Е. А. Глазковой, Е.А. Рыбаченко "Вьетнамская диаспора США в конце XX – начале XXI вв.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских иммигрантов" исследуются трудности адаптации и интеграции в американском обществе вьетнамских иммигрантов, которым пришлось адаптироваться к новой культуре, языку и образу жизни. Авторы исследуют исторический контекст вьетнамской диаспоры и факторы, приведшие к миграции тысяч беженцев в США. Статья предлагает анализ проблем, с которыми сталкиваются вьетнамские иммигранты, включая дискриминацию, расизм и предрассудки. Авторы также исследует психологическое воздействие вынужденной миграции на вьетнамское сообщество, в том числе вопросы, связанные с идентичностью, травмами и потерями.

В статье, подготовленной международным российско-монгольским научным коллективом (А. В. Винокурова, Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар), основное внимание уделено трендам, характеризующим образовательную миграцию из Монголии в Канаду. Авторы отмечают, что в Канаде в настоящее время актуализируются проблемы, связанные с постарением населения, оттоком трудовых ресурсов в соседние США и другие страны с более высоким уровнем жизни. Высвобождающиеся места заполняются иностранными мигрантами, в первую очередь, перспективной молодежью из других государств, в том числе и из Монголии. Монгольские мигранты в Канаде – это одна из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов. Сделан вывод о том, что образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства и профессиональной самореализацией.

Д. А. Рыбачук в статье "Формирование латиноамериканских диаспор в США и Канаде: сравнительный опыт коллективной адаптации и интеграции" предпри-

нял попытку провести комплексное исследование формирования латиноамериканского населения в США и Канаде. Сравнительный анализ дал возможность определить ряд закономерностей, отличающих латиноамериканские диаспоры в двух схожих по своей сути обществах США и Канады. Временные рамки, а также социально-экономические и политические процессы, происходящие внутри рассматриваемых государств, наложили заметный отпечаток на формирование современного облика латиноамериканского населения Северной Америки.

Рубрика не претендует на полноту описания всех процессов и явлений азиатской и латиноамериканской миграции в Северную Америку, а фокусируется лишь на ключевых сюжетах, но ее содержание позволяет воссоздать общую картину миграции и интеграционной практики азиатских и латиноамериканских иммигрантов в исторической динамике.

Е.В. Журбей

Корейская диаспора в США: формирование и социальный статус

Лариса Николаевна ГАРУСОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, Igarusova@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализирован процесс формирования корейской диаспоры в США. Уточнены его этапы и их содержание. Информационной основой работы являются результаты опросов ведущих американских исследовательских центров, статистические данные, аналитические статьи, официальные документы. Выявлены основные характеристики и особенности современного социально-экономического и политического статуса американских корейцев.

Ключевые слова: иммиграция, этапы, корейская диаспора, США, социальный статус, политическая активность

Для цитирования: Гарусова Л.Н. Корейская диаспора в США: формирование и социальный статус // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/13-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/13-22>

Korean Diaspora in the USA: Formation and Social Status

Larisa N. GARUSOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Igarusova@mail.ru

Abstract. This article analyzes the process of formation of the Korean diaspora in the United States. Its stages and their content are specified. The informational basis of this work is the analysis of the sociological surveys of leading American research centers, statistics, academic articles, as well as official documents on the studied issues. The main characteristics and features of the modern socio-economic and political status of the American Koreans are revealed.

Keywords: immigration, stages, Korean diaspora, US, social status, political activity

For citation: Garusova L.N. Korean Diaspora in the USA: Formation and Social Status // Oriental Institute Journal. 2023. No. 2. P. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/13-22>

Введение

Миграционные процессы являются важнейшим фактором формирования современного миропорядка, а иммиграционная привлекательность – индикатором международной значимости того или иного государства. Это во многом объясняет актуальность данной темы и широкий исследовательский интерес к ней. Иммиграционный опыт корейцев в США подтверждает тот факт, что трудолюбие, готовность развиваться и обучаться приветствуются в любой стране. Корейская диаспора, состоящая из иммигрантов разных поколений и их потомков, в настоящее время является одной из самых благополучных социально-этнических групп Америки. Выходцы с Корейского полуострова, которые в подавляющем большинстве представлены переселенцами из Южной Кореи, занимают десятое место по численности среди иммигрантов в Соединенных Штатах. Они составляют более 2% от их общего количества в 44,9 миллиона человек (2019 г.). Американо-корейцы также являются пятой по величине группой выходцев из Азии [18]. Современные иммигранты из Кореи – это, как правило, образованные, квалифицированные специалисты с высокой дисциплиной и качеством труда, востребованные в Соединенных Штатах.

Этапы и особенности формирования корейской диаспоры в США

Становление и развитие корейской диаспоры на территории Соединенных Штатов Америки проходило в несколько этапов, которые отличаются друг от друга интенсивностью иммиграционного потока и особенностями его социального и половозрастного состава. Существенное влияние на данный процесс оказала им-

миграционная политика, проводимая корейскими, американскими и японскими властями в разные исторические периоды.

Этапы миграции корейцев в США у современных авторов прописаны по-разному. Например, Г.Н. Ким выделил три этапа: первый – незначительная по масштабам трудовая миграция мужчин-корейцев (1903–1905) и иммиграция молодых кореянок (1910–1924) на Гавайи; второй – иммиграция "военных невест" американских военнослужащих, корейских детей-сирот и незначительного числа квалифицированных работников (1951–1964); третий, современный – относительно массовая семейная и трудовая иммиграция (с 1965) [4, с. 32].

Периодизация Е.Н. Фаттаховой во многом похожа хронологически и содержательно на предыдущее разделение. Автор выделила следующие этапы: первый – 1903–1949 гг.; второй этап 1950–1964 гг.; третий этап иммиграции – после 1965 года [9, с. 27].

Музей наследия американских корейцев в Нью-Йорке (The Museum of Korean American Heritage) в своих экспозициях дал собственную периодизацию: начальный период (1880–1940-е гг.); средний период (1940–1960-е гг.); массовый иммиграционный период (1970–1990-е гг.); современный период (с 2000-х гг. – по настоящее время) [34].

Представляется, что наиболее точно и полно особенности миграционного процесса отражает следующая обобщающая периодизация: первый, начальный этап – 1880–1940-е гг., для него характерна локальная и маломасштабная иммиграция корейцев в США в силу ограничительно-запретительного для азиатов характера американской иммиграционной политики. Для второго этапа корейской иммиграции (с конца 1940-х до середины 1960-х гг.) характерны преимущественно форс-мажорные причины (война и ее последствия) переселения в США. Третий, современный этап корейской иммиграции длится со второй половины 1960-х гг. по настоящее время. Он проходит в условиях обновленной иммиграционной политики США, лояльной ко всем расам и этносам.

Правовой основой иммиграции из Кореи в США стал Американско-корейской договор о дружбе и торговле 1882 г., подписанный в Чемульпо (г. Инчхон). В 1888 г. малочисленная группа корейских студентов, политических беженцев, продавцов женьшеня и чернорабочих впервые иммигрировала в Соединенные Штаты [34].

На территорию США многие корейцы прибывали через Гавайи – контролируруемую на тот момент американцами территорию островного государства. В 1896 году один из крупнейших американских плантаторов Х. Хакфельд от имени владельцев сахарных плантаций предложил гавайскому правительству разрешить ввоз корейских рабочих вместо португальцев [4, с. 35]. Осенью 1898 года, иммиграционный агент из Маньчжурии предлагал плантаторам поставить не менее 700 корейцев по цене 12 долларов 50 центов в месяц по трехгодичным контрактам при условии, что плантаторы заплатят по 50 долларов за перевозку каждого иммигранта. Но плантаторы не проявили заинтересованности и послали в Маньчжурию заявку только на 60 корейских рабочих [7, с. 114]. Однако по мере убытия с Гавайев японской рабочей силы, потребность в корейцах возросла.

Первая значительная группа иммигрантов (101 кореец) отправилась в Гонолулу 13 января 1903 г. на небольшом судне "С. С. Гейлик". К 1905 году общее число корейцев на Гавайях достигла уже 7226 человек [4, с.32; 8, с. 52]. С этого времени и почти до конца 1940-х гг. корейцы лишь небольшими группами эмигрировали в США, что во многом было связано с японской экспансией на Корейском полуострове. До конца японского колониального режима (1910–1945 гг.) корейцам было запрещено эмигрировать в Соединенные Штаты [3].

Иммигрантами первой волны являлись преимущественно представителями городского населения, 90% из них были молодыми мужчинами в возрасте от 20 до 30 лет, не имевшие образования. С 1910 по 1924 год для молодых холостяков был организован приезд 1100 "невест по фотографиям", молодых кореянок в возрасте 17–18 лет из сельской местности. Более трех тысяч корейцев остались до конца жизни неженатыми и лишь около 100 из них женились на местных гавайских де-

вушках [24]. К первой волне корейских иммигрантов также причисляют несколько групп студентов, прибывших на учебу в Америку, общая численность которых составила к 1940 году менее 600 человек [13]. Большинство из них вынуждено было работать и не имело отношения к американским университетам. Из этих корейских студентов вышли известные политические деятели, в том числе и Ли Сын Ман – первый президент Республики Корея.

Расовая дискриминация в отношении иммигрантов из стран Азии долгие годы являлась преградой для развития их бизнеса в Америке. Как и выходцы из Китая и Японии, корейцы были объявлены иностранцами, не имеющими право становиться гражданами США по существующему тогда законодательству. Однако уже к 1930-м гг. местные власти отдельных городов узаконили корейскую коммерцию – овощные лавки, небольшие магазины и ресторанчики. К 1940-м годам ситуация заметно улучшилась. У большинства корейских семей уже было собственное дело. Сферой интересов американских корейцев, помимо мелкой торговли, являлись медицина, стоматология, архитектура, наука и высокие технологии. В 1940-е гг. ежегодная иммиграционная квота для Кореи была определена в 100 человек [2, с. 124].

В 1948 году Корея была разделена на два политических образования: Южная Корея при поддержке Соединенных Штатов и Северная Корея в сотрудничестве с Советским Союзом и Китаем. Соперничество СССР и США стало главной причиной войны на Корейском полуострове. Во время Корейской войны (1950-1953) новая волна корейских мигрантов, в том числе беженцев, прибыла в Америку. Этому способствовало и изменение иммиграционного законодательства в США. В 1952 году иммиграционный закон Маккарена-Уолтера отменил введённые ранее иммиграционные квоты по расовому признаку, допуская в страну всех иностранцев, включая азиатов, и предоставляя им гражданство.

Иммиграционный поток из Кореи на втором этапе отличался социальным многообразием. С 1950 по 1975 год в США иммигрировали свыше 28 тыс. женщин-кореенок вместе со своими американскими мужьями. Закон о военных невестах 1946 года облегчал иммиграцию корейских жен американских военнослужащих. С 1955 по 1966 год более 6 тыс. корейских детей-сирот прибыло в Америку на усыновления в американские семьи [1]. Корейки в США страдали от социального отчуждения и культурного барьера. Они были изолированы как от корейских, так и от американских общин, большинство из них должны были оставаться на американских военных базах. Трудности в самоидентификации и адаптации в Америке испытывали также дети смешанного этнического происхождения.

В период с 1950 по 1964 год в США приехало около 6000 корейских специалистов – врачей, юристов, профессоров университетов [4, с. 36]. Несмотря на то, что эти корейские иммигранты также испытывали на себе тяготы сегрегации и расизма, в целом они были хорошо приняты и интегрированы в американское общество, став "образцовым меньшинством". Для укрепления отношений между США и Южной Кореей расширялись возможности для обучения в США корейских студентов. В период с 1945 по 1965 г. 6000 корейских студентов приехали учиться в колледжи и университеты США [27, р. 179].

Третья волна корейской иммиграции началась с принятием демократического и лояльного ко всем расам Закона об иммиграции и натурализации 1965 года. В этот период численность корейских иммигрантов заметно увеличилась – с 11 000 человек в 1960 году до 290 000 человек в 1980 году. Большинство корейских иммигрантов были образованными и обеспеченными представителями среднего и высшего класса. В 2000 году корейская диаспора выросла до 568 000 человек, а в 2010 – до 1,1 миллиона [18]. В настоящее время 95% американских корейцев состоит из иммигрантов 1960-х годов и их детей [17]. В последние несколько лет прирост численности американских корейцев замедлился, однако они остаются влиятельным азиатским сообществом. К 2020 году корейская диаспора в США насчитывала почти 2 млн. человек (1.908 млн.) [15]. Наибольшие по численности корейские диаспоры проживают в штатах Калифорния, Нью-Йорк, Нью-Джерси.

Социальный статус корейцев в современном американском обществе

Иммигранты третьей волны, как правило, хорошо образованы. Почти половина (47%) иммигрантов в возрасте 25 лет и старше, прибывших в США в течение последних пяти лет, имеют степень бакалавра или выше [30]. Однако не все они в достаточной мере владеют английским языком, необходимым для успешной социализации. В отличие от них, второе и третье поколение корейцев в США по образу жизни и знанию английского языка мало чем отличается от своих американских сверстников. В большей степени, чем другие этнические группы, корейцы нацелены на получение высшего образования. В настоящее время американские корейцы имеют один из самых высоких уровней образования в стране. В 2019 году 57% представителей корейской диаспоры в США имели степень бакалавра, магистра или доктора наук. Для сравнения, данный показатель в среднем по стране составляет 33% [15].

Стремление достичь успеха, трудолюбие, высокий уровень образования позволили корейцам третьей волны в короткий срок добиться значительного прогресса, особенно в сфере мелкого и среднего бизнеса. В середине 1980-х годов 76% предпринимателей-корейцев использовали труд 4-х и менее наемных работников и около 10% – 20 и более человек [29]. Если первые корейские иммигранты действовали в сфере услуг и торговли, то в настоящее время корейцы-бизнесмены широко задействованы в производственно-строительной и банковской системе. Американские корейцы во втором и третьем поколении являются экономически преуспевающей группой населения. Так, по данным Центра Пью, доход в домохозяйствах представителей корейской диаспоры в 2019 году составил в среднем 72200 долларов, а у корейцев, родившихся в США, уже 88100 долларов. Для сравнения: доход домохозяйства американцев азиатского происхождения был равен 85800 долларам [15]. Средние по стране доходы населения заметно уступают азиатскоамериканским аналогам, не достигая и 69560 долларов на домохозяйство [32].

Таким образом, корейцы в США в настоящее время по ряду показателей обгоняют американцев в целом. Профессор Маркус Ноланд пришел к заключению, что если бы удалось удвоить количество корейцев, которые участвовали бы в экономической жизни США, то темпы роста доходов на душу населения увеличились бы 0,1 на 0,2 процента [14].

Несмотря на очевидные социально-экономические успехи корейской диаспоры, ее представители еще сравнительно недавно сталкивались с проблемами расовой дискриминации и личной безопасности. Так, во время беспорядков Родни Кинга в 1992 году, афроамериканцы-мародеры и поджигатели нападали на магазины и мелкие предприятия корейцев в Калифорнии. На долю корейского сообщества пришла почти половина ущерба, нанесенного погромами, в сумме 1 млрд. долларов [21].

Уличные беспорядки в Лос-Анджелесе стали катализатором политической активности корейской диаспоры по всей стране. С этого времени американо-корейское сообщество перешло от роли политического наблюдателя к роли участника и заинтересованной стороны [25, р. 342]. Реакцией на события 1992 г. стал рост политического сознания американских корейцев, проявившийся в создании общественно-политических объединений для защиты собственных интересов. Были созданы "Американо-корейский ресурсный и культурный центр" (KRCC) в Чикаго и "Национальный американо-корейский консорциум по сервису и образованию" (NAKASEC), а также изменились программные и политические приоритеты сообщества [21]. Общепризнанной целью корейской диаспоры стало гражданское участие в политической жизни США по вопросам противодействия национализму и расизму.

К настоящему времени американские корейцы уже создали критическую массу политически активных граждан, которые организовались вокруг вопросов прав иммигрантов и заявили о себе на национальном уровне. Под их влиянием трансформируется иммиграционное и социально-политическое законодательство. Уча-

стие в выборах и электоральное поведение – это важнейшая составляющая политического участия корейской диаспоры.

Американцы азиатского происхождения – это самая быстрорастущая этническая группа в Соединенных Штатах, и от их политических предпочтений в скором времени будет во многом зависеть экономическая и политическая ситуация в стране. Прогнозируется, что к 2044 году азиатоамериканцы составят 10% от всех избирателей в США, поэтому ожидается усиление борьбы Демократической и Республиканской партий за влияние на данное электоральное сообщество. Однако в некоторых районах страны доля избирателей-азиатов уже сегодня существенно выше. Так, округ Ориндж в Калифорнии, где проживают большие азиатские общины, дает более 20% всех избирателей – азиатоамериканцев [22]. Что касается их политических взглядов, то они различны и плохо укладываются в такие категории, как "либеральный", "консервативный", "умеренный" [6, с. 170]. Корейская диаспора долгое время проявляла амбивалентность и поддерживала как Республиканскую, так и Демократическую партии. Однако в последнее десятилетие американские корейцы стали отдавать предпочтение демократам. Согласно данным Центра Пью, в 2017 году 65% американцев корейского происхождения поддерживали Демократическую партию, по сравнению с 53% в 1994 году [23]. По данным Калифорнийского института государственной политики за август 2019 года, на долю американских избирателей азиатского происхождения приходится 12% вероятных избирателей, зарегистрировавшихся в качестве сторонников Демократической партии [20].

Политические предпочтения и активность азиатоамериканцев различаются от штата к штату и от поколения к поколению. Среди корейских американцев в округе Ориндж в Калифорнии старшее поколение традиционно голосует более консервативно и склоняется к республиканцам, а молодое, выросшее в городах, наоборот, – к демократам. "Молодое поколение корейцев в округе Ориндж становится более политически активным, чем их родители и дедушки", – считает Алекс Ким, американско-корейский республиканец – специалист по связям с общественностью, который ранее работал политическим консультантом у демократа Джеймса Хана, бывшего мэра Лос-Анджелеса, и у Арнольда Шварценеггера, бывшего губернатора Калифорнии от Республиканской партии [11].

На президентских выборах 2020 г. почти две трети (63%) американцев азиатского происхождения голосовали за демократов и Дж. Байдена и лишь 31% за республиканцев и Д. Трампа [12].

Причины такого голосования кроются в иммиграционной стратегии самого Трампа. Так, многие американцы азиатского происхождения были обеспокоены политикой по разделению семей на границе США и Мексики и думали, что это может затронуть и их семьи [26]. Даже те, кто находился в стране на законных основаниях, оказались под угрозой потери своего правового статуса в соответствии с предложенными Трампом изменениями в системе грин-карт. Вид на жительство и грин-карты могли быть изъяты, а гражданство аннулировано у тех иммигрантов, которые участвовали в федеральных программах социальной помощи: жилищной, продовольственной, медицинской. В этих программах участвовали и пожилые корейцы. Их дети и родственники в случае отказа от программ должны были принять на себя социальное обеспечение старшего поколения. Все это могло стать причиной для депортации престарелых родителей и родственников обратно в Корею. Тем не менее многие американские корейцы старшего поколения традиционно придерживались консервативных взглядов, голосуя за Трампа.

Среди современных американских политиков пока не так уж много американских корейцев, но политический потенциал у диаспоры есть. Самым первым кандидатом, выигравшим выборы в Палату представителей от округа Южная Калифорния в 1992 года, был Джей Ким от Республиканской партии, родившийся в Республике Корея и иммигрировавший в США. Он трижды переизбирался в Конгресс, но в 1999 г. проиграл первичные выборы. Британский социолог Кристиан Фукс утверждает, что с 1999 года по 2018 г. в Конгрессе США не было ни одного

американца корейского происхождения [19]. Ситуация изменилась сравнительно недавно.

В 2018 году, по данным адвокатской группы "Корейские американцы в действии", в некоторых штатах заявили о себе корейцы, готовые побороться за место в Конгрессе. Среди них Энди Ким из Нью-Джерси, Янг Ким из Калифорнии, Дэн Ко из Массачусетса и Перл Ким из Пенсильвании [31]. Они выросли во времена беспорядков в Лос-Анджелесе 1992 года, когда нельзя было найти ни одного корейца с хорошим знанием английского языка, чтобы высказаться от имени всей диаспоры. Возможность увеличения численности политиков среди американских корейцев гарантирует защиту интересов диаспоры на федеральном уровне. Например, Энди Ким, кандидат от Демократической партии, в 2018 году выдвинул свою кандидатуру в Конгресс после завершения карьеры на государственной службе и баллотировался в округе Южный Джерси, где и вырос [19].

Показательна биография и политическая карьера южнокорейской иммигрантки, женщины-политика Янг Ким. Она родилась в Инчхоне, а детство провела в Сеуле. Её семья в 1975 году эмигрировала на Гуам. Высшее образование Янг Ким получила в университете Южной Калифорнии в 1981 году со степенью бакалавра в области делового администрирования. Эд Ройс, сенатор штата, нанял г-жу Ким на работу. Когда Ройс был избран в Конгресс США, она продолжала работать на него в качестве представителя корейского сообщества и директора по азиатским делам в общей сложности 21 год. В течение этого времени она также регулярно появлялась в своем собственном телешоу "Сеул, Лос-Анджелес вместе с Янг Ким" и своем собственном радио-шоу "Радио Сеула", на котором г-жа Ким обсуждала политические вопросы, затрагивающие корейских американцев [28].

В Конгресс США 117 созыва (2021 г.) были избраны четыре представителя американо-корейского сообщества: Энди Ким (Нью-Джерси), Янг Ким (Калифорния), Мишель Пак Стил (Калифорния), Мэрилин Стрикленд (Вашингтон), – победившие на выборах 2020 г. в своих округах [35]. Трое из них – женщины, что характеризует не только достаточно высокий политический статус современной корейской диаспоры в США, но и радикально изменившееся в американском обществе положение корейцев.

Заключение

Таким образом, длительный и сложный процесс корейской иммиграции в Соединенные Штаты завершился формированием благополучной диаспоры, хорошо интегрированной в современное американское общество. Высокий социально-экономический статус и уровень образования американских корейцев формируют сегодня модели их политического поведения и участия. В то же время память о прошлой расовой и социально-экономической дискриминации является важным стимулом для их политического активизма. Создание профессиональных организаций, защищающих права корейцев в США, развитие и продвижение своих интересов на национальном уровне через государственные институты стали для корейской диаспоры важным шагом в политической сфере.

Литература

1. Ем Н.Б. Межэтнический союз корейских женщин и американских военнослужащих, как этап в истории межнациональных браков корейцев в США / Н. Ю. Ем // Институт им. ак. У.А. Джолдасбекова. Талдыкорган, 2010. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/nhbyterfw.shtml (дата обращения: 14.10.2022).
2. Ефремов И. Иммиграционная политика в США / И. Ефремов // Демографическое образование. 2015. № 2. С. 121–129. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.1786>
3. Ким Г.Н. Корейцы в Южной Америке // Заграница. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/25.shtml (дата обращения: 17.02.2023).
4. Ким Г.Н. Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее, будущее / Г.Н. Ким. Алматы: Гылым, 1995. 202 с.
5. Корейская диаспора США. URL: <https://hansanglab.com/2020/03/04/korejskaya-diaspora-ssha/> (дата обращения: 11.10.2022).
6. Кувалдина А. В. Этнические и расовые меньшинства США: идеологическая ориентация, политические предпочтения, электоральная активность. / Кувалдина А. В. // ПОЛИС. Политические исследования.

2012. № 6. С. 165–174.

7. Тен В.А. Американский дипломат Х.Н. Аллен и начало корейской иммиграции в США / В.А. Тен // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 4. С. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-diplomat-h-n-allen-i-nachalo-koreyskoy-immigratsii-v-ssha/viewer> (дата обращения: 17.10.2022).

8. Тен В.А. Корейская диаспора в США в XX в.: формирование и адаптация: дисс. доктора ист. наук. / В.А. Тен. М., 2000. 472 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/koreiskaya-diaspora-v-ssha-v-xx-veke-formirovanie-i-adaptatsiya> (дата обращения: 25.02.2022).

9. Фаттахова Е.Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция (конец XIX–XX вв.): дисс. канд. ист. наук. / Е.Н. Фаттахова. Краснодар, 2004. 235 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/koreiskie-diaspory-v-rossii-i-ssha-istoriya-adaptatsiya-i-integratsiya-konets-xix-xx-vv> (дата обращения: 10.11.2022).

10. Фаттахова Е.Н. Особенности социокультурной адаптации этнических корейцев в США XX в. / Е. Н. Фаттахова // Мир Востока. Краснодар. 2005. URL: <https://www.academia.edu/31961439/> (дата обращения: 15.09.2022).

11. Asian Americans in the Political Arena // Asia Society. 2019. URL: <https://asiasociety.org/new-york/events/asian-americans-political-arena> (дата обращения: 14.10.2021).

12. Asian Americans voted for Biden 63% to 31%, but the reality is more complex // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/asian-americans-voted-biden-63-31-reality-more-complex-n124717> (дата обращения: 25.02.2022).

13. Baik T. The historical development of early Korean immigration to Hawaii and its legal structure. / T. Baik, D.L. Murabayashi // University of Hawaii at Manoa. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/server/api/core/bitstreams/46c845db-3851-479d-9d5f-9e1397da2238/content> (дата обращения: 14.10.2021).

14. Bergsten F. The Korean Diaspora and Globalization: Past contributions and Future Opportunities. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics. URL: https://www.piie.com/publications/chapters_preview/365/1iie3586.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

15. Budiman A. Koreans in the U.S. Fact Sheet. April 29, 2021 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-koreans-in-the-u-s/#economic-characteristics-of-u-s-korean-population-2019> (дата обращения: 06.03.2023).

16. Chen S. Racial Wealth Snapshot: Asian Americans / S. Chen // Prosperity Now. 2018. URL: <https://prosperitynow.org/blog/racial-wealth-snapshot-asian-americans> (дата обращения: 14.10.2021).

17. Chung S. History of Korean Immigration to America, from 1903 to Present / S. Chung // Boston University School of Theology: Boston Korean Diaspora Project. 2019. URL: http://sites.bu.edu/koreandiaspora/issues/history-of-korean-immigration-to-america-from-1903-to-present/#_ftnref10 (дата обращения: 14.10.2021).

18. Esterline C. Korean Immigrants in the United States. April 14, 2022. / C. Esterline, J. Batalova // Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states> (дата обращения: 05.03.2023).

19. Fuchs C. There hasn't been a Korean American in Congress since 1999. Come November, there could be 4. / C. Fuchs // NBS Asian America. 2018. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/there-hasn-t-been-korean-american-congress-1999-come-november-n904211> (дата обращения: 14.10.2021).

20. Hobson J. California Democrats Hope Asian-American Voters Can Help Flip Red Districts. / J. Hobson // Here & Now Compass. 2018. URL: <https://www.npr.org/2018/10/12/656393080/california-democrats-hope-asian-american-voters-can-help-flip-red-districts> (дата обращения: 14.10.2021).

21. Johnson C. Lessons of Sa-i-gu. / C. Johnson // City Journal. 2012. URL: <https://www.city-journal.org/html/lessons-sa-i-gu-11013.html> (дата обращения: 05.01.2023).

22. Kandil C. Y. Asian Americans' numbers and political influence are growing / C. Y. Kandil // Los Angeles Times. 2016. URL: <https://www.latimes.com/socal/daily-pilot/entertainment/tn-wknd-et-0925-asian-american-voting-20160903-story.html> (дата обращения: 14.10.2021).

23. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population // Pew Research Center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/08/key-facts-about-asian-americans/> (дата обращения: 15.10.2022).

24. Kim H. The Koreans in America. 1882–1974. / H.C. Kim, W. Patterson. NY, 1993. URL: <http://www.ihpress.hawaii.edu/p-947-9780824816506.aspx> (дата обращения: 14.10.2021).

25. Lee E. The Political Awakening of Korean Americans / E. S. Lee, C. Hyock, C. K. Kwang, K. Shin // East Rock Institute for the Centennial Publication Committee of Chicago, 2005. P. 337–350. URL: <https://krcla.org/en/history/awakening> (дата обращения: 14.10.2021).

26. Lee S. Why Voting for Immigration Reform Is Critical for Korean Americans / S. Lee // Truthout. 2018. URL: <https://truthout.org/articles/why-voting-for-immigration-reform-is-critical-for-korean-americans/> (дата обращения: 14.10.2021).

27. Lee Y. Brief History of Korean Diaspora and Educational Issues of Korean Diaspora Churches / Y.W. Lee // Torch Trinity Journal. Korea, 2010. № 3. P. 173–190. URL: http://www.ttgst.ac.kr/upload/ttgst_resources13/20124-262.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

28. Mai-Duc C. Meet Young Kim, an Asian American immigrant woman running for Congress under Trump's Republican Party / C. Mai-Duc // Los Angeles Times. 2018. URL: <https://www.latimes.com/politics/la-pol-ca-young-kim-39th-district-20181005-story.html> (дата обращения: 14.10.2021).

29. Min P.G. Korean's Immigration to the U.S.: History and Contemporary Trends / P.G. Min // The Research Center for Korean Community Queens College of CUNY. 2011. № 3. P. 1–38. URL: <https://www.qc.cuny.edu/Academics/Centers/RCKC/Documents/Koreans%20Immigration.pdf> (дата обращения: 28.11.2021).

30. O'Connor A. Korean Immigrants in the United States / A. O'Connor // Migration Policy Institute. 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states#AgeEducationEmployment> (дата обращения: 14.10.2021).

31. Okamoto N. Asian American Politicians You Need to Know About / N. Okamoto // TeenVogue. 2018. URL: <https://www.teenvogue.com/story/4-asian-american-politicians-you-need-to-know-about> (дата обращения: 14.10.2021).

32. Shrider E. Income and Poverty in the United States: 2020. September 14. / E. Shrider, M. Kollar. URL: <https://www.census.gov/library/publications/2021/demo/p60-273.html> (дата обращения: 06.03.2023).

33. The Korean Diaspora in the World Economy / edited by Bergsten C. and Choi I. January 2003. URL: <https://www.piie.com/bookstore/korean-diaspora-world-economy> (дата обращения: 13.12.2022).

34. The Museum of Korean American Heritage / The Museum of Korean American Heritage. URL: <https://www.mokah.org/exhibit> (дата обращения: 16.04.2022).

35. Three Korean American women, two representing California, win seats in Congress // Los Angeles Times. Nov. 15. 2020. URL: <https://www.latimes.com/california/story/2020-11-15/korean-american-women-in-congress> (дата обращения: 07.03.2023).

References

1. Em N.B. Interethnic Union of Korean women and American servicemen, as a stage in the history of interethnic marriages of Koreans in the USA / N.Yu. Em // Institute named after ak. U. A. Dzholdasbekov. Taldykorgan, 2010. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/nhbyterfw.shtml (accessed 14.10.2022). (In Russ.).

2. Efremov I. Immigration policy in the USA / I. Efremov // Demographic education. 2015. No. 2. P. 121–129. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.1786> (accessed 06.10.2022). (In Russ.).

3. Kim G.N. Koreans in South America // Abroad. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/25.shtml (accessed 17.02.2023). (In Russ.).

4. Kim G.N. Koreans abroad: past, present, future / G. N. Kim. Almaty: Gylym, 1995, 202 p. (In Russ.).

5. The Korean diaspora of the USA. URL: <https://hansanglab.com/2020/03/04/korejskaya-diaspora-ssha/> (accessed 11.10.2022). (In Russ.).

6. Kuvaldina A.V. Ethnic and racial minorities of the USA: ideological orientation, political preferences, electoral activity / Kuvaldina A.V. // Polis. Political studies. 2012. No. 6. P. 165–174. (In Russ.).

7. Ten V.A. American diplomat H. N. Allen and the beginning of Korean immigration to the USA / V.A. Ten // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2002. No. 4. P. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-diplomat-h-n-allen-i-nachalo-koreyskoy-immigratsii-v-ssha/viewer> (accessed 17.10.2022). (In Russ.).

8. Ten V.A. The Korean Diaspora in the USA in the XX century: formation and adaptation: diss. doctors of historical sciences. / V.A. Ten. M., 2000. 472 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/koreiskaya-diaspora-v-ssha-v-xx-veke-formirovanie-i-adaptatsiya> (accessed 25.02.2022). (In Russ.).

9. Fattakhova E.N. Korean Diasporas in Russia and the USA: History, adaptation and integration (late XIX–XX centuries): Dissertation of the Candidate of Historical Sciences / E. N. Fattakhova. Krasnodar, 2004. 235 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/koreiskie-diaspory-v-rossii-i-ssha-istoriya-adaptatsiya-i-integratsiya-konets-xix-xx-vv> (accessed 18.11.2022). (In Russ.).

10. Fattakhova E.N. Features of socio-cultural adaptation of ethnic Koreans in the USA of the XX century / E. N. Fattakhova // The world of the East. Krasnodar. 2005. URL: <https://www.academia.edu/31961439/> (accessed 15.09.2022). (In Russ.).

11. Asian Americans in the Political Arena // Asia Society. 2019. URL: <https://asiasociety.org/new-york/events/asian-americans-political-arena> (accessed 14.10.2021).

12. Asian Americans voted for Biden 63% to 31%, but the reality is more complex // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/asian-americans-voted-biden-63-31-reality-more-complex-n124717> (accessed 25.02.2022).

13. Baik T. The historical development of early Korean immigration to Hawaii and its legal structure / T. Baik, D.L. Murabayashi // University of Hawaii at Manoa. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/server/api/core/bitstreams/46c845db-3851-479d-9d5f-9e1397da2238/content> (accessed 14.10.2021).

14. Bergsten F. The Korean Diaspora and Globalization: Past contributions and Future Opportunities. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics. URL: https://www.piie.com/publications/chapters_preview/365/1iie3586.pdf (accessed 17.12.2022).

15. Budiman A. Koreans in the U.S. Fact Sheet. April 29. 2021 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-koreans-in-the-u-s/#economic-characteristics-of-u>

s-korean-population-2019 (accessed 06.03.2023).

16. Chen S. Racial Wealth Snapshot: Asian Americans / S. Chen // Prosperity Now. 2018. URL: <https://prosperitynow.org/blog/racial-wealth-snapshot-asian-americans> (accessed 14.10.2021).

17. Chung S. History of Korean Immigration to America, from 1903 to Present / S. Chung // Boston University School of Theology: Boston Korean Diaspora Project. 2019. URL: http://sites.bu.edu/koreandiaspora/issues/history-of-korean-immigration-to-america-from-1903-to-present/#_ftnref10 (accessed 14.10.2021).

18. Esterline C. Korean Immigrants in the United States. April 14, 2022. / C. Esterline, J. Batalova // Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states> (accessed 05.03.2023).

19. Fuchs C. There hasn't been a Korean American in Congress since 1999. Come November, there could be 4. C. Fuchs // NBS Asian America. 2018. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/there-hasn-t-been-korean-american-congress-1999-come-november-n904211> (accessed 14.10.2021).

20. Hobson J. California Democrats Hope Asian-American Voters Can Help Flip Red Districts / J. Hobson // Here & Now Compass. 2018. URL: <https://www.npr.org/2018/10/12/656393080/california-democrats58hope-asian-american-voters-can-help-flip-red-districts> (accessed 14.10.2021).

21. Johnson C. Lessons of Sa-i-gu. / C. Johnson // City Journal. 2012. URL: <https://www.city-journal.org/html/lessons-sa-i-gu-11013.html> (accessed 05.01.2023).

22. Kandil C.Y. Asian Americans' numbers and political influence are growing / C.Y. Kandil // Los Angeles Times. 2016. URL: <https://www.latimes.com/socal/daily-pilot/entertainment/tn-wknd-et-0925-asian-american-voting-20160903-story.html> (accessed 14.10.2021).

23. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population // Pew Research Center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/08/key-facts-about-asian-americans/> (accessed 15.10.2022).

24. Kim H. The Koreans in America. 1882–1974. / H.C. Kim, W. Patterson. NY, 1993. URL: <http://www.uhpress.hawaii.edu/p-947-9780824816506.aspx> (accessed 14.10.2021).

25. Lee E. The Political Awakening of Korean Americans / E.S. Lee, C. Hyock, C.K. Kwang, K. Shin // East Rock Institute for the Centennial Publication Committee of Chicago, 2005. P. 337–350. URL: <https://krcla.org/en/history/awakening> (accessed 14.10.2021).

26. Lee S. Why Voting for Immigration Reform Is Critical for Korean Americans / S. Lee // Truthout. 2018. URL: <https://truthout.org/articles/why-voting-for-immigration-reform-is-critical-for-korean-americans/> (accessed 14.10.2021).

27. Lee Y. Brief History of Korean Diaspora and Educational Issues of Korean Diaspora Churches / Y. W. Lee // Torch Trinity Journal. Korea, 2010. № 3. P. 173–190. URL: http://www.ttgst.ac.kr/upload/ttgst_resources13/20124-262.pdf (accessed 14.10.2022).

28. Mai-Duc C. Meet Young Kim, an Asian American immigrant woman running for Congress under Trump's Republican Party // Los Angeles Times. 2018. URL: <https://www.latimes.com/politics/la-pol-ca-young-kim-39th-district-20181005-story.html> (accessed 14.10.2021).

29. Min P. G. Korean's Immigration to the U.S.: History and Contemporary Trends / P. G. Min // The Research Center for Korean Community Queens College of CUNY. 2011. №3. P. 1–38. URL: <https://www.qc.cuny.edu/Academics/Centers/RCKC/Documents/Koreans%20Immigration.pdf> (accessed 28.11.2021).

30. O'Connor A. Korean Immigrants in the United States / A. O'Connor // Migration Policy Institute. 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states#AgeEducationEmployment> (accessed 14.10.2021).

31. Okamoto N. Asian American Politicians You Need to Know About / N. Okamoto // TeenVogue. 2018. URL: <https://www.teenvogue.com/story/4-asian-american-politicians-you-need-to-know-about> (accessed 14.10.2021).

32. Shrider E. Income and Poverty in the United States: 2020. September 14. / E. Shrider, M. Kollar. URL: <https://www.census.gov/library/publications/2021/demo/p60-273.html> (accessed 06.03.2023).

33. The Korean Diaspora in the World Economy / edited by Bergsten C. and Choi I. January 2003. URL: <https://www.piie.com/bookstore/korean-diaspora-world-economy> (accessed 13.12.2022).

34. The Museum of Korean American Heritage / The Museum of Korean American Heritage. URL: <https://www.mokah.org/exhibit> (accessed 16.04.2022).

35. Three Korean American women, two representing California, win seats in Congress // Los Angeles Times. Nov. 15. 2020. URL: <https://www.latimes.com/california/story/2020-11-15/korean-american-women-in-congress> (accessed 07.03.2023).

Лариса Николаевна ГАРУСОВА, д-р ист. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: lgarusova@mail.ru

Larisa N. GARUSOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 20.03.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Научная статья
УДК 325
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>

Японская диаспора в общественно-политической жизни США (вторая половина XX–XXI вв.)

Диана Альбертовна ВЛАДИМИРОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vladimirova.da@dvfu.ru

Аннотация. В данной статье представлена жизнь японской диаспоры (японских американцев) в третьем поколении, хронологические рамки исследования – вторая половина XX в. – конец 2022 г. Выявлены проблемы, с которыми сталкиваются уже ассимилированные в американском обществе японцы, затронуты проблемы интернированных японских американцев. Представлен ряд законов, принятых Американским правительством, которые позволили американским японцам занять свою нишу в американском социуме, однако проблемы азиатского происхождения по-прежнему являются актуальными как для самих японцев, так и для американцев. В исследовании данного вопроса использованы такие методы, как сравнительный анализ, системный анализ, прогнозирование.

Ключевые слова: японская диаспора, США, иммиграция, гражданские права, американцы японского происхождения, поколение "сансей", интернирование японцев

Для цитирования: Владимирова Д.А. Японская диаспора в общественно-политической жизни США (вторая половина XX–XXI вв.) // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 23–35. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>

The Japanese diaspora in the public and political life of the United States in the second half of the XX–XXI centuries

Diana A. VLADIMIROVA

Far Eastern Federal University Vladivostok, Russia, vladimirova.da@dvfu.ru

Abstract. This article presents the life of the Japanese diaspora (Japanese Americans) in the third generation, the chronological scope of the study is the second half of the 20th century, the end of 2022. It reveals the problems faced by Japanese Americans already assimilated in American society, touches on the problems of interned Japanese Americans. A number of laws passed by the American government that have allowed Japanese Americans to carve out a niche for themselves in American society are presented, but the problems of Asian descent are still a concern for Japanese and Americans alike. In the study of this issue used the next methods as: comparative analysis, system analysis, forecasting.

Keywords: japanese diaspora, USA, immigration, civil rights, Japanese Americans, "sansei" generation, internment of Japanese

For citation: Vladimirova D.A. The Japanese diaspora in the public and political life of the United States in the second half of the XX–XXI centuries // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 23–35. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>

Американцы японского происхождения являются одной из крупнейших иммигрантских групп в США и представляют собой значительную часть населения в таких штатах, как Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс и Гавайи. Многие американские японцы занимают высокие политические должности, включая членство в Конгрессе США и руководящие посты в правительственных структурах. Они также активно участвуют в общественной жизни, осуществляют благотворительную деятельность, поддерживают социальные проекты. В прошлом американские японцы столкнулись с дискриминацией и преследованием во время Второй мировой войны. В настоящее время они продолжают бороться за справедливость и равноправие в обществе.

Послевоенная жизнь для американцев, имеющих японские корни, складывалась непросто. Несмотря на меняющиеся к лучшему настроения в обществе, все же еще имели место настороженность и определенное чувство превосходства соб-

© Владимирова Д.А., 2023

ственной расы. Многие японские американцы и японские иммигранты были лишены доступа к некоторым рекреационным и розничным услугам. Большинству пришлось начинать жизнь заново – строить свои дома, налаживать бизнес, восстанавливать разрушенную жизнь. Квалифицированные специалисты во многих областях не могли найти работу по специальности, брались за любую работу, не требующую высокой квалификации. Как когда-то их предки японцы первого поколения, японцы второго и третьего поколений работали в сфере обслуживания, в сельскохозяйственной и угледобывающей промышленности, то есть в отраслях, малопривлекательных для белых американцев. Однако было и значительное отличие между поколениями: «иссэй» были иммигрантами без западного образования и подтвержденной квалификации, в отличие от «нисэй» и «сансэй», которые уже имели образование в различных сферах, но не могли работать по своим специальностям из-за расизма и дискриминации при приеме на работу.

В 1952 году был принят Закон Уолтера-МакКаррана, в значительной степени благодаря усилиям японских американцев, задействованных в правительстве на разных должностях. Этот закон позволил японским иммигрантам и другим азиатским иммигрантам, ранее не имевшим права на получение гражданства, стать гражданами США. К 1965 году более 48,000 человек стали полноправными гражданами США. Активное содействие принятию данного решения сыграла «Японская Американская гражданская лига» – крупнейшая азиатско-американская организация по защите гражданских прав в Соединенных Штатах Америки. Она активно лоббировала интересы представителей японских граждан внутри и за пределами страны после Второй мировой войны. Данный документ Лига рассматривала как потенциально важный прецедент для дальнейшей возможности ассимиляции японцев в американском обществе [7, р. 36].

Движение афроамериканцев за гражданские права в 1950-60хх гг. стало важным событием, повлиявшим на жизнь и самоопределение японцев в США. Многие из них родились уже в послевоенное время, часть ещё помнили время, проведенное в лагерях для интернированных, хотя и были младшего возраста. Лишь небольшая часть американцев с японскими корнями были достаточно взрослыми в период интернирования. Основная часть выросла в период более мирный. Движения афроамериканцев за равные гражданские права, женские движения, движения против войны во Вьетнаме, проходившие в 1960-1970-х годах, в значительной степени оказали влияние на молодых представителей третьего поколения японских американцев.

Это молодое поколение «сансэй» начали свое «Движение за реабилитацию и возмещение ущерба». Создавая это движение, молодые японские американцы хотели добиться получения официальных извинений от правительства США и полной компенсации убытков за заключение в тюрьму своих родителей, бабушек и дедушек во время войны. Они делали упор не на документально подтвержденных потерях, а на ментальных и моральных потерях и потрясениях своих родственников в период Второй мировой войны. Данная общественно-политическая активность молодых «сансэй» привела к возрождению истории японского интернирования. Хотя только малый процент японцев третьего поколения помнит об опыте концентрационных лагерей, все же период интернирования оказал огромное влияние на становление и взросление «сансэй» – можно сказать, что они были психологически травмированы опытом своих родителей. Хотя многие из японцев-иммигрантов первого поколения и японцев второго поколения предпочитали не говорить о том периоде, который они охарактеризовали как «позор» и «унижение», за что они испытывали стыд даже перед своими детьми-«сансэй». Помимо устройства собственных судеб, для восстановления исторической памяти и справедливости некоторые американцы японского происхождения (особенно на Гавайских островах и Западном побережье США) стремились к работе в политической сфере общества и активно были задействованы в государственной службе на местном, региональном и государственном уровнях [20, р. 256].

В 60-х годах XX века серия правительственных решений оказала значительное влияние на развитие японской диаспоры в США. Правительство Соединенных Штатов приняло решение увеличить иммиграционную квоту, в том числе для эмигрантов из Японии. Ответственность за данную инициативу взял на себя Джон Ф. Кеннеди. Другое знаменательное событие 60-х годов – отмена сегрегационного Закона об иммиграции 1924 года. По мнению Кеннеди, данный закон «не имел никаких оснований на существование. США, которые стремятся к свободному и демократичному миру, не могут издавать такие законы» [18, p. 118].

В 1963 году умер Кеннеди, пост президента занял Линдон Джонсон, он призвал правительство к реформированию иммиграционного законодательства. В результате в 1965 году был принят Закон об иммиграции. Согласно закону, иммиграция японцев в США увеличилась с 2,000 до 4,000 человек в год. Закон отдавал предпочтение образованным и высококвалифицированным японцам. В течение следующего десятилетия в США въехало около 20,000 японских иммигрантов [8, p. 73].

Японское «Движение за реабилитацию и возмещение ущерба» постепенно давало результаты, многие американцы японского происхождения смогли занять должности в политике. В 1959 году Гавайские острова вошли в состав США, и Дэниэл Иноуэ, ветеран знаменитой боевой группы 442-го полка во время Второй мировой войны, стал первым сенатором японского происхождения [9]. Японский американец Норман Минэтта в раннем возрасте был интернирован вместе с родителями в лагерь Харт-Маунтин (Вайоминг). Его политическая карьера началась в 1967 году, он был назначен на вакантное место в городском совете Сан-Хосе [17]. В 1964 году Пэтси Такэмото Минк стала первой американкой японского происхождения, избранной в Палату представителей [12].

В декабре 1969 года молодые «сансэй» решили привлечь внимание к вопросу интернирования и провели акцию в поддержку «Движения за реабилитацию и возмещение ущерба». Группа из примерно 150 человек – в основном молодых японцев третьего поколения – поехала в долину Оуэнс, штат Калифорния, где находился концентрационный лагерь Манзанар. Они развернули акцию протеста у лагеря. Данное событие освещалось в новостях по всей стране и было названо «Паломничество Манзанар». Многие молодые американцы присоединились к движению, начали изучать историю периода интернирования. Таким образом, движение набирало силу и поставило своей задачей побудить правительство взять на себя ответственность за процесс интернирования [8, p. 64].

В 1972 году Лагерь Манзанар и Туле-Лейк, штат Калифорния получили статус исторического памятника, на сегодняшний день уже 10 бывших лагерей для интернированных лиц получили статус исторического памятника. Туристы, в огромных количествах посещающие эти лагеря, могут увидеть, как выглядели концентрационные лагеря для японских американцев, а также подробнее узнать историю интернирования японских американцев в концентрационные лагеря в период Второй мировой войны [21, p. 79].

Вопрос о возмещении ущерба поднимался на встрече Японской Американской гражданской лиги в Сан-Франциско и Чикаго в 1970 году. Конгрессмен Норман Минэтта из Калифорнии – этнический японец, озвучил свое предложение в Конгрессе в 1972 году. В результате «Японской Американской гражданской лигой» был создан Национальный комитет по возмещению ущерба. В 1978 году на встрече в Солт-Лейк-Сити Лига выступила с обращением, где было отмечено, что японские американцы не получили компенсации за свои потери, произошедшие в период интернирования в концентрационные лагеря, и призвала правительство к выплатам, определив размер компенсации для каждого пострадавшего в 25,000 долларов США [8, p. 75].

Правительство США согласилось с доводами «Японской Американской гражданской лиги» что японские американцы, пострадавшие от интернирования, имеют право на выплаты. Спустя тридцать четыре года после того, как Франклин Д. Рузвельт подписал Чрезвычайный указ № 9066, указ был отменен другим президентом – в 1976 году президент США Джеральд Форд признал, что «интернирова-

ние было ошибочной мерой, американцы японского происхождения были и остаются лояльными американцами». Приемник Форда Джимми Картер полностью разделял мнение, высказанное Фордом. При поддержке членов Конгресса этнических японцев, таких как сенатор С. И. Хаякава, он создал Президентскую комиссию по рассмотрению дел по переселению и интернированию гражданских лиц с японскими корнями во время войны (CWRIC) [6, p. 73].

Комиссия пыталась установить, являлся ли процесс интернирования таким необходимым действием по обеспечению безопасности Соединенных Штатов в военное время. Комиссия было опрошено 750 свидетелей – японцев из разных штатов. Комиссия также изучила архивные записи периода Второй мировой войны и приняла к рассмотрению исследования историков того периода. В 1983 году Комиссия опубликовала свой окончательный отчет. В отчете Комиссия отразила основные положения об исследовании ситуации с интернированием, а также приложила список рекомендаций. Правительству было рекомендовано принести извинения пострадавшим японским американцам за пережитый ими опыт в концентрационных лагерях, создать организацию поддержки всех пострадавших лиц во время интернирования, а также выплатить компенсацию всем пострадавшим в размере 20,000 долларов на человека. Первый пункт не вызвал возражений в отличие от второго пункта [15, p.107].

В результате Закон о возмещении ущерба был принят Палатой представителей только в 1987 году, Сенат также принял его только несколько месяцев спустя. Президент Рональд Рейган подписал Закон о гражданских правах 4 августа 1988 года. Закон содержал официальные правительственные извинения, но не выделял средств-компенсаций бывшим интернированным лицам. В конце 1989 года сенатор Д. Иноуэ добавил важные пункты к законопроекту, предложив новое чтение. На этот раз Конгресс принял Закон «О денежной компенсации». Президент Джордж Буш - старший подписал законопроект 21 ноября 1989 года [6, p. 75].

Согласно закону, все выжившие жертвы интернирования численностью 82,219 человек получили выплаты в размере 20,000 долларов США. Хотя выплаты компенсации и извинения никогда не могли полностью восполнить отдельным выжившим огромные материальные потери, унижение и психологическую травму, перенесенную японцами, американское общество в целом почувствовало, что огромное бремя снято. Тем более что кроме социально-политической реабилитации и материальной компенсации, в адрес пострадавших в тот период японских американцев не раз высказывались извинения от официальных представителей власти федерального уровня. Не стал исключением и нынешний президент Джоозеф Байден, который выступил 19 февраля 2021 года, ровно через 79 лет после подписания печально известного Указа Рузвельта, с заявлением, в котором подтвердил «официальные извинения федерального правительства перед американцами японского происхождения, пострадавшими от такой политики» [11].

Подавляющее большинство японских американцев всегда старались интегрироваться в современную американскую жизнь и занимать активную гражданскую позицию, многие из них преуспели в политике, бизнесе, культурной и научной областях - каждый своим примером старался показать, что «Америка – страна великих возможностей». Приведем лишь несколько примеров:

Рэй Ёсида родился на Гавайских островах в 1930 году и, закончив учебу, поступил в Школу Художественного института (SAIC, Чикаго), а затем в 1958 году в Сиракузский университет (Нью-Йорк). Будучи профессором Школы Чикагского художественного института, Ёсида оказал влияние на большое количество художников, в том числе имагинистов 1960-1970-х годов [19].

Кевин Кен Цудзихара (род. 1964 г.) – американский бизнесмен японского происхождения. Цудзихара является бывшим председателем и генеральным директором кинокомпании Ворнер Бразерс (Warner Bros Entertainment) – компании ежегодно выпускающей сотни мультфильмов, фильмов и сериалов в США. Цудзихара сменил Барри Мейера на посту генерального директора в марте 2013 года и председателя правления в декабре 2013 года, ранее занимая пост президента Warner

Bros. Цудзихара присоединился к Ворнер Брос в 1994 году в качестве директора по финансированию специальных проектов, в основном занимаясь интересами компании в тематических парках, которые были приобретены материнской компанией. Взяв на себя роль генерального директора, Цудзихара стал первым американцем азиатского происхождения, возглавившим крупную киностудию [27].

Мидори Гото – американская скрипачка японского происхождения. Мидори родилась в 1971 году. Она дебютировала с Нью-Йоркским филармоническим оркестром в возрасте 11 лет в качестве приглашенной солистки на новогоднем гала-концерте в 1982 году. В 1986 году ее выступление на музыкальном фестивале в Тэнглвуде с Леонардом Бернштейном, дирижирующим своей собственной композицией, попало на первые полосы газет Нью-Йорк Таймс (The New York Times). Мидори назвали «вундеркиндом» в мире классической музыки. Она является одной из выдающихся скрипачек мира [8, p. 83].

По результатам переписи населения США в 2000 году, численность японцев составляло 1,152,324 человека, из них 61% являлись гражданами США.

Благодаря достижениям таких общественных деятелей, как сенаторы США С.И. Хаякава, Спарк Мацунага и Дэниэл Иноуэ (ветеран 442-й полковой боевой группы), а также генерал Эрик Синсэки, архитектор Минору Ямасаки, фигуристка Кристи Ямагути и скульптор Исаму Ногучи, американцы японского происхождения широко известны в американском обществе и находятся в постоянном фокусе внимания.

В августе 2021 года в Лос-Анджелесе в Музее Японских американцев прошла выставка работ Минэ Окубо. В 2021 году исполнилось 75 лет графическим мемуарам Минэ Окубо «Гражданин 13660», впервые её мемуары были опубликованы в 1946 году. Это был не только первый полноформатный отчет об американских концентрационных лагерях с точки зрения бывшего заключенного, но и ранний пример графических мемуаров. В «Гражданин 13660» через серию из почти 200 иллюстраций, каждая из которых сопровождается подписью, Минэ Окубо запечатлела, как Вторая мировая война и последующее заключение в тюрьму перевернули ее жизнь.

Музей проводит активную работу среди американцев через своих волонтеров американцев с японскими корнями. Национальный музей Американской истории посвятил несколько интерактивных экспозиций тем японцам, которые пережили период интернирования, затем были призваны в армию и погибли на полях сражения. Таким примером может служить судьба Стэнли Хаями, который погиб в 1945 г. в Италии, оказывая помощь двум раненым сослуживцам. В 16 лет он вместе с родителями был интернирован в лагерь Хатмаунтин.

В 2000 году перепись населения показала, что в США проживает 800 тыс. японских иммигрантов, в то же время данные Pew Research Center фиксируют, что большинство из них прибыло в США в конце XX в. в качестве студентов или бизнесменов. Начало XXI в. характеризуется более спокойной иммиграцией [10].

Японская иммиграция в США пережила активный период и вошла в фазу вялотекущего процесса. По данным Статбюро, количество резидентов с японскими корнями на период с 2013 по 2022 годы переживало как спады, так и подъемы. По состоянию на конец 2022 года в США проживало 418,84 тысячи японцев, что показывает уменьшение их числа по сравнению с 2020 г. – около 426,4 тысячи жителей Японии. Период пандемии сыграл свою роль; так, количество японцев по сравнению с 2019 годом уменьшилось на 27 тысяч человек. Статистика основана на информации, собранной дипломатическими представительствами Японии за рубежом, не включает потомков японских эмигрантов (никкэйджин), не имеющих японского гражданства [27].

Данные Pew Research Center, основанные на показателях Бюро по переписи населения, говорят о стабильном росте количества японцев, проживающих в США и считающими себя американцами. По данным на 2019 год японская диаспора в США составляла 1,498,000 человек, это 7% от всего азиатского населения Америки. Из них 63% проживают в США более 10 лет, 37% от года до десяти лет. 73%

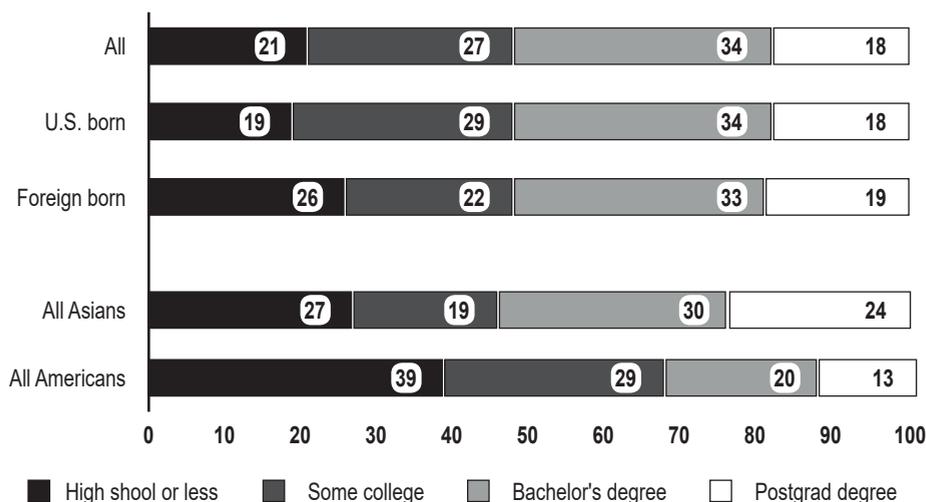

Рис. 1. Уровень образования японских американцев.

Источник:[3].

Fig. 1. Educational attainment of Japanese Americans.

Source [3].

от общего числа были рождены в США. Средний возраст американцев японского происхождения составляет 41 год, интересно отметить, что средний возраст японцев, рожденных вне США и ныне проживающих в США, составляет 48 лет, в то время как средний возраст рожденных в США – 36 лет. Одни приехали с устойчивым культурным багажом в рамках традиции дальневосточной цивилизации, другие постигали свою культуру через призму американской культуры в искусственно созданных условиях своей культурной реальности. Молодое поколение японцев (возраст старше 21 года), прибывшее в США, составляет 47%.

Из них 85% хорошо говорят по-английски, это те, кто говорит дома только по-английски, или, если они говорят дома не на английском языке, они указывают, что могут говорить по-английски как минимум «очень хорошо». Из них 98% родились в США, 53% за пределами США, взрослое население составляет 84%.

Японцы остаются традиционно верными ведению бизнеса, основанному на семейном домохозяйстве. Статистика показывает, что 65% японцев – это семейные пары, ведущие совместный бизнес, лишь 22% японцев не заняты в семейном бизнесе, а 13% ведут бизнес в кооперации с другими семьями. Разнятся показатели по самозанятости японцев, 70% – это рожденные в США, вести свой бизнес им позволяет знание английского языка, местного законодательства.

Интересны данные того же Центра по уровню бедности американцев с японскими корнями, что свидетельствует о проблемах среди японских американцев. Информация дана на 2019 год и интересна тем, что можно сравнить с общими цифрами по представителям азиатских народов (китайцы, корейцы, вьетнамцы). Как видно из приведенных данных, 9% японцев, родившихся вне США, проживают на уровне черты бедности, 7% японцев, родившихся в США, также живут в черте бедности, что составляет 8% от всего азиатского населения США. В целом же азиаты, чьи условия жизни характеризуются как «бедность», составляют 10%. Если посмотреть эти показатели по возрастной категории, то большую часть составляют люди старше 65 лет – 7%, из них рожденные в США – 6%, рожденные вне США – 10%. Уровень безработицы невысок – всего 3%. Статус работающего имеет 60% японцев.

Все исследователи отмечают, что американцы азиатского происхождения являются самой быстро растущей этнической группой в электорате США. По данным Pew Research Center, в 2020 году 5% имеющих право голоса на избирательном

участке составляли американцы азиатского происхождения, а это 11 млн. человек. 67% – это натурализованные граждане и лишь 33% – те, кто родился в США. Шесть групп происхождения: китайцы, филиппинцы, индийцы, вьетнамцы, корейцы и японцы – составляют большинство азиатских избирателей США. Японцы как электорат – это 530 тыс. избирателей [2]. К сожалению, нет данных, какой партии отдают предпочтение японцы. Однако многолетние наблюдения Pew Research Center показывают, что азиатские избиратели поддерживают Демократическую партию [25].

Необходимо отметить и стремление японцев получить образование как на уровне бакалавриата, так и ученую степень.

Как видно из приведенной таблицы, японцы, рожденные вне США, но получающие степень бакалавра в США, составляют 33%, примерно столько же американских японцев (рожденных в США) стремятся получить высшее образование – 34%. В этих данных учитываются резиденты старше 25 лет. Диаграмма также показывает, что 18% японцев стремятся получить ученую степень. В 2019 году 52% японцев имели степень бакалавра.

Как правило, американцы японского происхождения более здоровы, чем другие американцы. Они имеют самый низкий уровень детской смертности среди всех этнических групп в Соединенных Штатах. Относительно небольшое количество младенцев, рожденных в таких семьях, имеют низкий вес при рождении, и только 8 процентов родов были преждевременными по сравнению с 10 процентами среди всех рас в 1997 году. Сравнивая здоровье японцев старше 60 лет, проживающих на Гавайских островах, с другими этническими группами можно отметить их крепкое здоровье. Исследователи связывают это с традиционными культурными ценностями – это связь с семьей, приоритет семейных интересов над личными, забота о старших членах семьи. В то же время исследователи отмечают, что американцы японского происхождения недостаточно пользуются услугами психиатрических служб по сравнению с другими этническими группами [23]. Однако подвержены различным психическим заболеваниям, например шизофрении. Японцы считают постыдным обращаться за помощью к врачу при наличии подобных заболеваний.

На 2019 год можно выделить города США с наиболее компактным японским населением, это Гонолулу – 190 тыс., Лос-Анджелес – 177 тыс., Сан-Франциско – 66 тыс., Нью-Йорк – 56 тыс., Сиэтл – 57 тыс., далее такие города, как Сан-Хосе, Сан-Диего, Сакраменто, Вашингтон, в которых японские американцы составляют около трёх десятков тысяч.

Помимо резидентов США, Министерство иностранных дел Японии составило «Статистические данные о количестве японцев, проживающих за границей», в которой суммируется оценочное количество японских граждан, которые находились за пределами Японии в течение трех или более месяцев. Самый высокий показатель в США – 426 354 человека, что на 4% меньше по сравнению с 2019 годом. По-прежнему самыми популярными городами для японцев являются Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сиэтл стоит лишь на 7-м месте [29].

Среднегодовой доход домохозяйств составляет 82,880 USD, среди японцев низкий процент безработных – 3%, что не сильно отличается с цифрами в целом по азиатам, проживающим в США. 70% японцев являются частными предпринимателями, это характерно и для рожденных в США, и для тех, кто приехал и стал резидентом страны.

Азиатское население в США выросло за период 2000–2019 гг. на 81%, с примерно 10,5 миллиона до рекордных 18,9 миллиона, согласно анализу Pew Research Center по оценкам населения Бюро переписи населения США [1].

Рост численности американцев азиатского происхождения в США происходит на фоне сообщений о дискриминации и насилии в отношении этой группы с начала вспышки коронавируса. По данным опроса Pew Research Center, проведенного в начале марта 2021 года (до того, как 16 марта в Атланте были застрелены шесть азиатских женщин и еще два человека), 87% американцев азиатского происхождения заявили, что в обществе существует значительная или некоторая дискри-

минация по отношению к ним. В ходе опроса, проведенного в июне 2020 года, 31% азиатов сообщили, что они стали предметом оскорблений или шуток с момента начала вспышки COVID-19, а 26% заявили, что опасались, что кто-то может угрожать им или физически напасть на них из-за их расы или этнической принадлежности [1]. С мая по июль 2020 года в США произошло более 2100 случаев физического нападения на американских граждан азиатского происхождения [4]. Опросы показывают, что 4 из 10 американцев стали относиться с подозрением к лицам азиатской национальности, при этом они не делают различий между китайцами и японцами.

Многие американцы азиатского происхождения обвиняют бывшего президента Дональда Трампа в том, что он усилил опасность и враждебное отношение к лицам азиатских корней, говоря о вирусе в расовых тонах. Их били ножом, избивали, издевались, плевали, толкали, преследовали, основываясь на ложном предположении, что они виноваты в распространении Covid-19. Дж. Байден продемонстрировал полную поддержку американцам азиатского происхождения. В мае президент подписал двухпартийный Закон о преступлениях на почве ненависти COVID-19, ускоряющий рассмотрение Министерством юстиции антиазиатских преступлений на почве ненависти и предоставляющий федеральные гарантии.

Однако есть опасения, что расследование в США о происхождении COVID-19 приводит к усилению враждебного отношения к американцам азиатского происхождения как к враждебным иностранцам [13].

Активную работу ведет в этом направлении Stop AAPI (Asia Americans and Pacific Islands) Hate – это некоммерческая организация, которая управляет Центром, отслеживающим случаи ненависти и дискриминации в отношении американцев азиатского происхождения и жителей островов Тихого океана в Соединенных Штатах. Патриция Кинага активный член AAPI, будучи японкой, рожденной в США, оказывает юридическую помощь тем, кто попадает в ситуацию дискриминации со стороны белого населения Америки.

Практически все азиаты, и японцы не исключение, испытывают избегание взаимодействия, словесные оскорбления. В марте 2021 г. была открыта стрельба в спа-салоне, где обслуживались азиатские женщины. Нападения часто совершаются на пожилых людей. Американские домохозяйства азиатского происхождения в два раза чаще, чем белые домохозяйства, признавали, что им не хватало еды во время пандемии, потому что они боялись выходить на улицу, а не из-за доступности или проблем с транспортом. В отличие от этого, домохозяйства других расовых групп заявили, что они столкнулись с отсутствием продовольственной безопасности из-за пандемии [13]. Всё это приводит к тому, что азиатское сообщество старается разделиться, не ассоциировать себя с китайцами.

Американцы азиатского происхождения весьма обеспокоены общим настроением в американском обществе. Их беспокоит, что другие люди могут относиться к ним с подозрением из-за их расы или этнической принадлежности, если они носят маски для лица в магазинах или в других общественных местах. Надо отметить общую привычку азиатов (японцев, корейцев, китайцев) в периоды простудных заболеваний носить маски для лица. В то же время 65% взрослых американцев надевают маски, когда входят в магазины, казалось бы, у них не должны вызывать подозрения американцы азиатского происхождения, которые предпринимают аналогичные действия. К сожалению, статистика и реальные события показывают обратное.

Один из самых ярких стереотипов, который связывают с американскими азиатами, это «образцовое меньшинство», прежде всего это понятие относится к японской диаспоре. Термин был введен ещё в 1960-х годах Уильямом Петтерсеном, это время бурных социальных протестов (война во Вьетнаме, гражданские права, гендерное равенство), японцы традиционно представлялись трудолюбивыми и наиболее «совместимыми». «Образцовое меньшинство» противопоставлялось «проблемному меньшинству» – афроамериканцам [5]. Американцев азиатского происхождения лишали инициативы и возможности «бороться» за свои права.

Второй стереотип – «вечный иностранец». Содержание данного стереотипа игнорирует широкомасштабную иммиграцию в США китайцев и японцев, а также других представителей Восточной и Южной Азии. Как и много лет назад, азиатские американцы считаются аутсайдерами в американской культуре, их мнение не учитывается в таких острых дискуссионных вопросах, как дискриминация на этнической и расовой почве [28, p. 112]. Американские азиаты возмущены тенденцией, которая наметилась в Голливуде, показывать азиатских американцев плохо говорящими на английском языке и менее образованными, чем белые американцы. К тому же герои явные злодеи, несущие «желтую опасность», можно пересмотреть фильм «Завтрак у Тиффани» и обратить внимание на мистера Юниоши, которого играет Микки Руни. Женщины-азиатки, как правило, смиренны и легко доступны, как в фильме «Цветок лотоса», «Гейша», либо коварны и используют свои женские уловки, чтобы соблазнить мужчин. Это все провоцирует американское население на дальнейшее отчуждение азиатских американцев, ведет к дальнейшей дискриминации и насилию [14].

В 2020 году на интернет-страничке японского сообщества «DiscoverNikkei.org» была опубликована статья Сигэхару Хигаси «Я американский японец». Основной посыл данной статьи – пересмотреть «унизительный» термин американский японец. Данный термин появился в США в 1970-х гг. во время студенческих движений (автор упомянул Калифорнийский университет в Беркли), впервые был поднят вопрос об азиатской идентичности, вслед за этим в обиход вошёл термин «американец азиатского происхождения», от него все производные – «американец японского/китайского/корейского происхождения».

Сам автор родился в Японии и переехал в США будучи достаточно взрослым, проживает в Лос-Анджелесе уже более 30 лет. Сигэхару Хигаси полагает, что социальная ситуация в Японии и США заключается в том, что обе страны должны строить позитивные отношения с многоэтническими группами, чего раньше никогда не было.

С точки зрения японских иммигрантов, поколение иссэй дало больше крупных предпринимателей, чем второе поколение, которое намного быстрее ассимилировалось в американском социуме. Однако между теми, кто родился в США, и японцами, рожденными в Японии, есть разница. В полиэтническом обществе выделяются не те люди, которые ассимилировались, а те, у кого сильная культура своей страны. Именно осознание своих корней дает возможность японцам двигаться вперед. С другой стороны, пока будет использоваться термин «американец японского происхождения», граница между людьми, проживающими в одном социуме, не исчезнет [22]. Активно входит в употребление два термина Nikkei и японцы, которые делят японское сообщество на тех, кто является резидентами США и тех, кто является резидентами Японии.

Однако и вопрос ассимиляции для японцев непростой. Показательна история Цунэхиса Накадзима, который приехал в США, получив грин-карту по лотерее. На момент своего переезда в США ему было 24 года, он много знал об Америке, увлекался джазовой музыкой. Переехал в Соединенные Штаты вместе с женой в 2004 году в возрасте 25 лет, приземлился в Беркли в Северной Калифорнии. Плохое знание языка, представление об Америке по книгам и фильмам – всё это лишь осложнило его жизнь в Америке. Зарабатывал Цунэхиса 7 долларов в час, чего явно не хватало для стабильной жизни. Развод, бездомная жизнь, случайный заработок – всё это подталкивало Цунэхиса вернуться в Японию, но родители не разрешили ему этого сделать: «Не возвращайся, пока не сможешь с гордостью вернуться домой» [30]. В данном случае особую роль играет принцип «сохранения лица», что очень важно для всех представителей дальневосточной цивилизации.

Несмотря на то, что японское сообщество старается объединиться в группы для защиты своих интересов, для американцев они всё же представляют собой «американцев азиатского происхождения». Вряд ли американцы могут отличить японца от китайца или корейца. С другой стороны, и само японское сообщество

разделено по профессиональным интересам, что подчеркивают и сами «американские японцы», связи между этими группами довольно-таки слабые.

По всей стране японо-американские общественные центры, газеты и церкви пытаются выжить. А некоторые терпят неудачу. New York Nichibeі закрылась в 1993 году вслед за газетами в Лос-Анджелесе и Солт-Лейк-Сити. Сильнейшими сторонниками этих институтов были нисеи, дети японских иммигрантов. Этим американцам японского происхождения сейчас за 80 лет, но лишь немногие из их детей и внуков, ассимилированных в мейнстримную Америку, выступают в качестве новых лидеров. Лига японо-американских граждан, крупнейшая азиатская политическая группа в стране, раздиралась распрями между старшими и молодыми американцами японского происхождения в поисках новой объединительной цели. В то время как старшие члены хотели сохранить наследие интернирования, молодые члены подталкивали лигу к тому, чтобы она стала группой за гражданские права для всех азиатов [16]. В результате на смену Лиги пришла AAPI, борющаяся за права всех американских азиатов.

Вряд ли получение американского гражданства отменяет факт принадлежности к японской культуре. Поколение рожденных в Японии, переживает кризис идентичности, порой ощущая себя в качестве «азиатского меньшинства», у них низкая самооценка, неуверенность в себе. Натурализованные японцы, которые прибыли в США за последние 20 лет, пытаются оказать помощь тем, кто родился в США, но не может себя идентифицировать ни как японец, ни как американец. Японское сообщество популяризирует традиционные японские праздники, традиционную культуру, помогает в освоении японского языка. Третье поколение японцев привлекают к участию в общественных фестивалях, в азиатских политических и юридических организациях.

В японо-американских общинах отмечают Новый год во многом так же, как это делали исэи, следуя обычаям Японии эпохи Мэйдзи. Новый год – время, когда нужно платить долги и улаживать ссоры.

В японо-американских домах стараются соблюдать традиции, новогодние подношения устанавливаются в различных почетных местах вокруг дома. Подношение состоит из двух моти (рисовых лепешек), полосы конбу (морских водорослей) и цитрусовых, расположенных на «бумаге счастья», на которой изображены один или все семь богов удачи. Подношения символизируют гармонию и счастье из поколения в поколение.

Социолог Гари Китано (Harry Kitano) заметил, что американские японцы третьего поколения развили конгруэнтную японскую культуру в рамках американского общества, что было вызвано скорее необходимостью, чем выбором, поскольку у первых японских иммигрантов было мало возможностей войти в социальную структуру общества [23].

Многие японцы идентифицируют себя как многорасовые, т. е. рожденные в смешанных браках, чьи бабушки и дедушки, возможно, также состояли в межрасовых браках. Смешанные браки – это просто факт жизни в японо-американской культуре, где процент смешанных браков является самым высоким среди этнических групп в стране.

На смену третьему поколению идёт поколение ёнсэй 四生 – четвертое поколение японцев. Американская история японцев ставит ряд вопросов, что ждёт в будущем американских японцев, сохранят ли они ценности традиционной культуры или будут полностью ассимилированы принимающим их социумом, что смогут передать они следующему поколению американских японцев. Стоит ли ожидать новую волну иммиграции японцев, которая сможет оживить практически ассимилировавшихся американцев с японскими корнями..

Литература

1. Asian Americans are the fastest-growing racial or ethnic group in the U.S. // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/09/asian-americans-are-the-fastest-growing-racial-or-ethnic-group-in-the-u-s/> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Budiman A. Asian Americans are the fastest-growing racial or ethnic group in the U.S. / A. Budiman, N. Ruiz // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/05/07/asian-americans-are-the-fastest-growing-racial-or-ethnic-group-in-the-u-s-electorate/> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Budiman A. Japanese in the U.S. Fact Sheet / A. Budiman // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-japanese-in-the-u-s/> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Chen J. Racist Attacks Against Asian Americans Are Still on The Rise During COVID-19. URL: <https://www.oprahdaily.com/life/a33432883/racist-attacks-asian-americans-coronavirus/> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Chin M.M. "The 'model minority' myth hurts Asian Americans – and even leads to violence." / M.V. Chin, D.P. Yung // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/04/19/model-minority-myth-hurts-asian-americans-even-leads-violence/> (дата обращения: 10.11.2021).
6. Fremon D. The Internment of Japanese Americans in United States History / D. Fremon. Springfield: Enslow, 2014. 128 p.
7. Glenn E. Three Generations of Japanese American Women in Domestic Service / E. Glenn. Philadelphia: Temple University Press, 1986. 290 p.
8. Ingram, S. Immigration to the United States, Japanese Immigrants / S. Ingram. Washington: Govt. Print. Off, 2004. 96 p.
9. Inouye Daniel Ken. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/15647> (дата обращения: 10.11.2021).
10. Japanese population in the U.S., 2000-2019. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-japanese-in-the-u-s/> (дата обращения: 10.11.2022).
11. Mink Patsy Takemoto. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/18329> (дата обращения: 10.11.2022).
12. More Than 9,000 Anti-Asian Incidents Have Been Reported Since the Pandemic Began. URL: <https://www.npr.org/2021/08/12/1027236499/anti-asian-hate-crimes-assaults-pandemic-incidents-aapi> (дата обращения: 10.09.2022).
13. National Stereotypes / Asia. TV Tropes. URL: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/NationalStereotypes/Asia> (дата обращения: 10.10.2022).
14. Ng W. Japanese American internment during World War II / W. Ng. London: Greenwood Press, 2002. 204 p.
15. Norimutsu Onishi. Japanese in America Looking Beyond Past to Shape Future / Norimucu Onishi // New York Times. 25 December 2020.
16. Norman Y. Mineta Former Secretary of Transportation, 2001-2006. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/15647> (дата обращения: 10.11.2021).
17. Onozawa N. Immigration from Japan to the U.S.A., Historical Trends and Background / N. Onozawa // Social Science. Anthropology. 2003. №7. P.115-125.
18. Ray Yoshida David Nolan New York Gallery. URL: <https://www.davidnolangallery.com/artists/ray-yoshida> (дата обращения: 10.11.2021).
19. Robinson G. By order of the president: FDR and the internment of Japanese Americans / G. Robinson. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 321p.
20. Robson D. The internment of Japanese Americans / D. Robson. San Diego: Reference point Press, 2014. 96p.
21. Stanley E. Easton and Lucien Ellingto. Japanese Americans. URL: <https://www.everyculture.com/multi/Ha-La/Japanese-Americans.html> (дата обращения: 10.10.2022).
22. Stanley E. Easton and Lucien Ellington. Japanese Americans / E. Stanley. URL: <https://www.everyculture.com/multi/Ha-La/Japanese-Americans.html> (дата обращения: 10.11.2022).
23. The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/> (дата обращения: 10.11.2021).
24. Total number of residents from Japan living in the United States from 2013 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1038589/japan-number-japanese-residents-united-states> (дата обращения: 10.03.2022).
25. Tsujihara, K. URL: <https://www.imdb.com/name/nm2493597/> (дата обращения: 10.11.2022).
26. Tuan M. Forever foreigners or honorary whites? The Asian ethnic experience today / M. Tuan. Rutgers University Press, 1988. 202 p.
27. Байден氏、日系人収容を改めて謝罪「米国史で最も恥ずべき時」 = Вновь официальное извинение г-на Байдена за интернирование американцев японского происхождения «Это самый постыдный период в американской истории». // Mainichi Shimbun. URL: <https://mainichi.jp/articles/20210220/>

k00/00m/030/231000c (дата обращения: 10.11.2022).

28. 東繁春. わたしは「アメリカ系日本人」 = Сигэхару Хигаси. Я американец с японскими корнями // Discover Nikkei. Japanese migrants and their Descendants. URL: <http://www.discovernikkei.org/en/journal/2010/10/5/watashi-ha-amerikakei-nihonjin/> (дата обращения: 10.11.2022).

29. シアトル邦人数は微増. = Число японцев в Сиэтле увеличилось // URL: <https://napost.com/ja/isseki-1101/> (дата обращения: 10.11.2022).

30. 永住権当選から18年後の現在地 — 中島恒久さん. = Цунэхиса Накадзима. 18 лет в Америке. URL: <http://www.discovernikkei.org/ja/journal/2020/11/4/tsunehisa-nagajima/> (дата обращения: 10.10.2022).

References

1. Asian Americans are the fastest-growing racial or ethnic group in the U.S. // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/09/asian-americans-are-the-fastest-growing-racial-or-ethnic-group-in-the-u-s/> (accessed 10.11.2021).

2. Budiman A. Asian Americans are the fastest-growing racial or ethnic group in the U.S. / A. Budiman, N. Ruiz // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/05/07/asian-americans-are-the-fastest-growing-racial-or-ethnic-group-in-the-u-s-electorate/> (accessed 10.11.2021).

3. Budiman A. Japanese in the U.S. Fact Sheet / A. Budiman // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-japanese-in-the-u-s/> (accessed 10.11.2021).

4. Chen J. Racist Attacks Against Asian Americans Are Still on The Rise During COVID-19. URL: <https://www.oprahdaily.com/life/a33432883/racist-attacks-asian-americans-coronavirus/> (accessed 10.11.2021).

5. Chin M.M. "The 'model minority' myth hurts Asian Americans – and even leads to violence." / M.V. Chin, D.P. Yung // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/04/19/model-minority-myth-hurts-asian-americans-even-leads-to-violence/> (accessed 10.11.2021).

6. Fremon D. The Internment of Japanese Americans in United States History / D. Fremon. Springfield: Enslow, 2014. 128 p.

7. Glenn E. Three Generations of Japanese American Women in Domestic Service / E. Glenn. Philadelphia: Temple University Press, 1986. 290 p.

8. Ingram S. Immigration to the United States, Japanese Immigrants / S. Ingram. Washington: Govt. print. Off, 2004. 96 p.

9. Inouye, Daniel Ken. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/15647> (accessed 11.10.2021).

10. Japanese population in the U.S., 2000-2019. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-japanese-in-the-u-s/> (accessed 10.11.2022).

11. Mink, Patsy Takemoto. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/18329> (accessed 10.11.2022).

12. More Than 9,000 Anti-Asian Incidents Have Been Reported Since the Pandemic Began. URL: <https://www.npr.org/2021/08/12/1027236499/anti-asian-hate-crimes-assaults-pandemic-incidents-aapi> (accessed 10.09.2022).

13. National Stereotypes / Asia. TV Tropes. URL: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/NationalStereotypes/Asia> (accessed 10.10.2022).

14. Ng W. Japanese American internment during World War II / W. Ng. – London: Greenwood Press, 2002. 204 p.

15. Norimutsu Onishi. Japanese in America Looking Beyond Past to Shape Future / Norimutsu Onishi // New York Times. December 25, 2020.

16. Norman Y. Mineta Former Secretary of Transportation, 2001-2006. URL: <https://history.house.gov/People/Detail/15647> (accessed 10.11.2021).

17. Onozawa N. Immigration from Japan to the U.S.A., Historical Trends and Background / N. Onozawa // Social Science. anthropology. 2003. No. 7. P.115-125.

18. Ray Yoshida David Nolan New York Gallery. URL: <https://www.davidnolangallery.com/artists/ray-yoshida> (accessed 10.11.2021).

19. Robinson G. By order of the president: FDR and the internment of Japanese Americans / G. Robinson. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 321p.

20. Robson D. The internment of Japanese Americans / D. Robson. – San Diego: Reference point Press, 2014. 96 p.

21. Stanley E. Easton and Lucien Ellingto. Japanese Americans. URL: <https://www.everyculture.com/multi/Ha-La/Japanese-Americans.html> (accessed 10.10.2022).

22. Stanley E. Easton and Lucien Ellington. Japanese Americans / E. Stanley. URL: <https://www.everyculture.com/multi/Ha-La/Japanese-Americans.html> (accessed 10.11.2022).

23. The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/> (accessed 10.11.2021).

24. Total number of residents from Japan living in the United States from 2013 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1038589/japan-number-japanese-residents-united-states> (accessed 10.03.2022).

25. Tsujihara, K. URL: <https://www.imdb.com/name/nm2493597/> (accessed 10.11.2022).

26. Tuan M. Forever foreigners or honorary whites? The Asian ethnic experience today / M. Tuan. Rutgers University Press, 1988. 202 p.

27. Biden's formal apology again for Japanese American internment "This is the most shameful period in American history." // Mainichi Shimbun. URL: <https://mainichi.jp/articles/20210220/k00/00m/030/231000c> (accessed 10.11.2022) (In Jap.).

28. Shigeharu Higashi. I am an American with Japanese roots // Discover Nikkei. Japanese migrants and their Descendants. URL: <http://www.discovernikkei.org/en/journal/2010/10/5/watashi-ha-amerikakei-nihonjin/> (accessed 10.11.2022) (In Jap.).

29. The number of Japanese in Seattle has increased. URL: <https://napost.com/ja/isseki-1101/> (accessed 10.11.2022) (In Jap.).

30. Tsunehisa Nagajima. 18 years in America. URL: <http://www.discovernikkei.org/ja/journal/2020/11/4/tsunehisa-nagajima/> (accessed 10.10.2022) (In Jap.).

Диана Альбертовна ВЛАДИМИРОВА, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Diana A. VLADIMIROVA, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vladimirova.da@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 20.03.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 10.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Филиппинская диаспора в США: формирование и опыт коллективной адаптации

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация. Роль диаспор в современном мире невозможно переоценить с учётом постоянного роста их численности и вовлечения в социально-экономические, политические, культурные, интеллектуальные отношения в странах проживания, а также принимая во внимание их контакты со странами исхода. В статье рассмотрены процессы формирования филиппинской диаспоры в США, особенности её адаптации к условиям страны проживания. В работе исследованы социально-демографические и культурные характеристики филиппинской диаспоры, её экономический потенциал, участие в политической сфере. Статья написана на основе работ отечественных и зарубежных авторов, а также статистических данных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006

Ключевые слова: диаспора, филиппинская диаспора, филиппиноамериканцы, этническая общность, "образцовое меньшинство"

Для цитирования: Золотухин И.Н. Филиппинская диаспора в США: формирование и опыт коллективной адаптации // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 36–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/36-47>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/36-47>

Filipino Diaspora in the USA: Formation and Experience of Collective Adaptation

Ivan N. ZOLOTUKHIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. The role and significance of diasporas in the modern world cannot be overestimated, taking into account the constant growth of the number of their population and involvement of diasporas in social, economic, political, cultural, intellectual relations in the countries of their residence, as well as the contacts with the countries of their origin. In the article the processes of formation and development of the Filipino diaspora in the United States is researched. The issues of its adaptation to the conditions of the country of residence are in the focus of analysis. The article reveals the advantages of the Filipino-American community in this process compared to the other groups of the Asian-Americans and touches on the difficulties which the Filipino-Americans face in everyday reality. The role of family values turns out to be of particular importance as an instrument of shaping the worldview of the Filipino-Americans. The paper examines the socio-demographic and cultural features of the Filipino diaspora, its economic potential, participation in the political sphere. The methodological basis of the work includes the analysis of research results of domestic and foreign authors. The article represents statistical data on a discussed problem.

Keywords: diaspora, Filipino diaspora, Filipino-Americans, ethnic community, "model minority"

The study was financially supported by the FEFU Foundation and the Far Eastern Federal University. Project No. 22-08-06-006

For citation: Zolotukhin I.N. Filipino Diaspora in the USA: Formation and Experience of Collective Adaptation // Oriental Institute Journal. 2023. No. 2. P. 36–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/36-47>

Введение

Взросшее с нач. 1990-х гг. в мире число миграционных потоков, давшее основание некоторым исследователям говорить об "эре миграции" [12, р. 260], привело к формированию новых, а также к увеличению численности и трансформации уже существующих иммигрантских сообществ. Тем самым в сферу научного интереса попадают процесс диаспоризации и сами диаспоры, выступающие компонентом общественных реалий страны пребывания.

Арутюнов С.А. и Козлов С.Я. отмечают, что "...в мире, очевидно, уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в

какой-либо другой стране или нескольких странах" [1]. Несмотря на различные трактовки термина "диаспора", во многом связанные с особенностями возникновения данного сообщества, её ключевым признаком является сохранение этнической самобытности в условиях проживания за пределами исторической родины. Как отмечают Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова, "нельзя назвать диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определенный народ, но вступивших на путь ассимиляции, на путь исчезновения их как ветви данного народа" [5, с. 35]. По мнению Г. Шеффера, центральным элементом в категории "диаспора" является поддержание заграничными сообществами меньшинств сильных духовных и материальных связей со странами происхождения [32, р. 3]. Транснациональный характер современных диаспор делает объектом научного интереса их функционирование в местах своего проживания, в том числе политическое участие и уровень политической лояльности. Для США, где сформировалось порядка десяти крупных диаспор, их влияние на процесс принятия политических решений может привести к изменениям американской национальной идентичности.

Филиппинская диаспора в настоящее время является одной из самых многочисленных иноэтничных групп в США, формирование которой было обусловлено историей и характером филиппино-американских отношений. Диаспоризация, начавшаяся с момента проникновения на территорию США первых переселенцев из Филиппин, протекала под влиянием комплекса политических, экономических, культурных и даже географических факторов. Таким образом, современная филиппинская диаспора представляет собой уникальное явление, в котором отражена динамика трансграничных процессов, процессы натурализации филиппинских переселенцев и их инкорпорации в новую культурную среду, превращение иммигрантского сообщества в более консолидированную общность. Цель данной работы – изучить феномен филиппинской диаспоры в США в историческом разрезе и на современном этапе её развития. Понятия "филиппинская диаспора", "филиппиноамериканцы", "пинои"¹ и "американцы филиппинского происхождения" используются в тексте как синонимы.

1. Миграция как инструмент формирования филиппинской диаспоры

Филиппинская диаспора в США является результатом относительно продолжительного (более 120 лет) процесса проникновения иноэтничного субстрата на территорию принимающей страны. Первые мигранты с территории Филиппин попали в Америку еще в период испанского колониального владычества над архипелагом. С кон. XIX в. жители архипелага, оказавшегося под американским управлением, стали уезжать в США, которые, по замечанию филиппинского историка Филомено Агилара, становятся настоящим местом паломничества филиппинских трудовых мигрантов, занятых на плантациях, заводах, кораблях [6, р. 71].

Особый статус Филиппин в первой трети XX в. способствовал широкой культурной американизации населения архипелага, что не только повлияло на характер американо-филиппинских отношений, но и обусловило увеличение числа мигрантов в США. Численность филиппинцев, прибывших в США в период с 1906 по 1934 гг. достигло почти 150 тыс. чел. [8]. Значительную часть прибывших составляли трудовые иммигранты. Колониальное положение Филиппин давало их жителям больше возможностей для трудоустройства в США, в частности, их не затронул Акт об иммиграции 1917, сильно ограничивший поток иностранной рабочей силы из других азиатских стран. Большинство иммигрантов из Филиппин приезжало на Гавайи и в Калифорнию, более привлекательные не только с точки зрения географической близости и климата, но и условиями занятости. Выходцы из Филиппин работали главным образом в сферах аграрного производства (на плантациях сахарного тростника, фруктовых и овощных фермах), обслуживания, гостиничного сервиса [22, р. 31]. В то же время филиппинцы начинают приезжать

¹ Американцы филиппинского происхождения, проживающие на территории США.

Год	Численность американцев филиппинского происхождения	Численность американцев индийского происхождения	Численность американцев китайского происхождения
2000	2365000	1900000	2865000
2010	3417000	3183000	4010000
2015	3899000	3982000	4948000
2019	4211000	4606000	5399000

Табл. 1. Численность американцев азиатского происхождения, проживающих в США

Источники: [11; 19].

Table 1. Number of Asian Americans living in the USA.

Sources: [11; 19].

в США для получения образования, причём некоторые из них остались здесь, пополнив ряды квалифицированных специалистов.

Принятие в 1934 Акта Тайдингса-Макдаффи, предоставившего Филиппинам автономию, существенно ограничило приток филиппинцев в США, однако в годы Второй мировой войны открылись каналы семейной миграции: дислоцированные на Филиппинах американские солдаты после войны вернулись домой со своими филиппинскими женами. Более 200 000 филиппинцев, служивших в годы войны в вооруженных силах США, также могли пополнить число американских граждан, однако такая возможность появилась у них лишь в 1990-е после принятия Акта об иммиграции, позволившего подавать заявление на натурализацию филиппинским ветеранам Второй мировой войны [24]. Численность прибывающих в США филиппинцев кратно возрастает с сер. 1960-х гг. после отмены американским руководством ограничительных мер на иммиграцию. Если с 1961 по 1965 в страну прибыло менее 16 тыс. филиппинцев [16], то в период с 1965 по 1988 – более 800 тыс. [30, р. 1].

Филиппинская миграция в США с конца 1960-х гг. отличается от миграции первой половины XX в., когда прибывавшие в Штаты филиппинцы испытывали комплекс колониального наследия, воспринимая американскую культуру, политическую систему и образ жизни как высшие ценности. Структурные сдвиги в мировой экономике сделали востребованными филиппинские трудовые ресурсы, а смягчение иммиграционного законодательства США обусловило прибытие в страну квалифицированных специалистов, находивших применение своим навыкам в сферах медицины, торговли, управления, строительства, промышленного производства. С другой стороны, руководство Филиппин, увидев в экспорте трудовых ресурсов страны возможность преодолеть социально-экономические трудности, предпринимает меры для поощрения трудовой эмиграции своих граждан [38, р. 112].

Большинство филиппинских иммигрантов прибывает в США на постоянное место жительства, тем самым пополняя численность филиппинской диаспоры. В 1980 г. она превысила 780 тыс. чел. (30, р. 1), в 2000 г. составила более 2,3 млн. чел., а в настоящее время является четвертой по численности после мексиканской, китайской и индийской (см.: табл. 1).

С 1987 по 2010 гг. Филиппины были второй страной по численности американских иммигрантов [19]. До сих пор филиппинские иммигранты составляют значительную часть от общего числа представителей филиппинской диаспоры, проживающей в США, несмотря на то, что их процент за последние десятилетия сократился (в 1980 г. иммигранты составляли 65% численности пиноев, в 2000 г. – 58%, в 2019 – 48%) [30, р. 1; 11]. За период с 2011 по 2020 г. США приняли в общей сложности почти 10,3 млн. иммигрантов, из которых выходцы из Филиппин составляли около 0,5 млн. чел., уступив по численности прибывшим из Мексики (1,5 млн. чел.), Китая (более 700 тыс.) и Индии (более 630 тыс.) [36].

Филиппинцы являются лидерами среди натурализованных граждан, уступая пальму первенства лишь иммигрантам из Мексики и Индии. В 2021 г. численность

Год	Число зарегистрированных мигрантов из Филиппин на территории США	Число филиппинцев, получивших гражданство США	Число нелегальных иммигрантов из Филиппин (приблизительно)
2012	57327	44958	310000
2013	54446	43489	340000
2014	49996	34591	330000
2015	56478	40815	370000
2016	53287	41285	410000
2017	49147	36830	300000
2018	47258	38836	370000
2019	45920	43675	370000

Табл. 2. Число филиппинских иммигрантов и натурализованных американских граждан филиппинского происхождения, находящихся на территории США (2012–2019 гг.).

Источники: [9, p. 13; 19; 35].

Table 2. Number of Filipino Immigrants and Naturalized Filipino American Citizens in the USA (2012–2019).

Sources: [9, p. 13; 19; 35].

филиппинцев, получивших гражданство США, была 6% от общего количества натурализованных (доля ставших гражданами США выходцев из Мексики и Индии составила 14% и 7% соответственно) [39, p. 54]. Кроме того, соотношение числа натурализованных граждан США филиппинского происхождения к зарегистрированным филиппинским иммигрантам показывает, что последние с большой вероятностью получают американское гражданство (см.: табл. 2). Большинство филиппинцев получают Грин-карты через программу воссоединения семей [19]. Вместе с тем число нелегальной иммиграции из Филиппин существенно превышает официально зарегистрированную (см.: табл. 2). Филиппинцы, проживающие в США нелегально, получили в филиппинском сообществе прозвище "TnT" (tago nang tago), что с тагальского можно перевести примерно как "прячься как можно лучше" [21, p. 24]. Нелегалы из Филиппин часто подвергаются дискриминации, нарушению прав и даже становятся жертвами траффикинга (в частности, введение с 2017 по 2021 гг. ограничения возможностей получения временной рабочей визы H-2B для филиппинцев также объясняется тем, что данные визы активно используются в качестве инструмента для торговли людьми).

Филиппинские нелегалы лишь дополняют общую негативную картину миграционных процессов в США, где начиная с 2006 г. количество незарегистрированных иммигрантов стабильно превышает 11 млн. чел. в год, что стало одной из причин ужесточения миграционной политики в период президентства Трампа.

Одним из первых исполнительных действий Трампа стала отмена программы DACA², которая давала возможность получить право на отсрочку от депортации нелегальным иммигрантам, попавшим на территорию США в несовершеннолетнем возрасте. Серьезное сокращение иммиграции в США вызвали антиковидные ограничения, ужесточившие въезд в страну.

Представители филиппинской диаспоры болезненно воспринимают снижение квот на получение гражданства для своих бывших соотечественников. Достигнув значительной численности, пиной позиционируют готовность отстаивать свои

² DACA – аббревиатура словосочетания Deferred Action for Childhood Arrivals (Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов) – американская программа в области иммиграционной политики, принятая администрацией Барака Обамы в июне 2012 г., которая позволяет нелегальным иммигрантам, въехавшим на территорию США несовершеннолетними, получить возобновляемый двухлетний период отсрочки от депортации и право на получение разрешения на работу [24].

групповые интересы, что демонстрирует их особое положение в рамках культурного, экономического и политического пространства страны проживания.

2. Структурные характеристики филиппинской диаспоры в США

Как уже отмечалось, филиппинская диаспора в США является четвертым по численности населения иноэтничным субстратом. Больше всего пиноев проживает в Калифорнии (1,65 млн. чел.), на Гавайях (0,37 млн. чел.), где в 1920-30-е гг. селились первые филиппинские иммигранты. В 2018 г. население филиппиноамериканцев составило как минимум более 100 тыс. в штатах Техас (0,19 млн. чел.), Вашингтон (0,18 млн. чел.), Невада (0,17 млн. чел.), Иллинойс (0,16 млн. чел.), Нью-Йорк (0,14 млн. чел.), Флорида (0,14 млн. чел.), Нью-Джерси (0,13 млн. чел.), Виргиния (0,11 млн. чел.) [26]. В штате Невада численность американцев филиппинского происхождения возросла за 30 лет в 14 раз. Почти удвоилось число пиноев с 2010 по 2018 гг. в штатах Гавайи и Техас. В Калифорнии представители филиппинской диаспоры составили более 4% населения штата, а с 2010 по 2018 гг. их число увеличилось на 38% [2, с. 74]. Филиппинская община в США является урбанизированной. В Лос-Анджелесе (506 тыс. чел.), Сан-Франциско (310 тыс. чел.) и Нью-Йорке (236 тыс. чел.) на 2019 г. проживало около 25% всего филиппиноамериканского населения США. В штатах Иллинойс, Невада, Вашингтон более 90% представителей филиппинской общины это городское население [10].

Доходы филиппинских домохозяйств в США – 90400 долл., превышают показатели других азиатских диаспор – 85800 [10], а также среднеамериканские показатели – 61800 долл. [20], а показатели бедности филиппиноамериканцев ниже среднеамериканских (7% против 13%) [10]. 68% филиппиноамериканцев имеют среднее и первую ступень высшего образования (бакалавриат), что также выше среднестатистических данных по представителям других азиатских диаспор (49%). 84 % проживающих в США филиппинцев говорят на английском языке (среди филиппиноамериканцев, рожденных в США, этот процент составляет 98), что является самым высоким показателем среди представителей других азиатских диаспор [10].

Относительно высокие социально-экономические успехи пиноев позволили отнести их к категории "образцового меньшинства", которая, возникнув в сер. XX века, означала позитивный опыт интеграции иноэтничных групп (преимущественно азиатского происхождения) в американскую культурную среду. Однако к кон. XX века в американских исследованиях статусность "образцового меньшинства" стала оспариваться, а его представители воспринимались как наиболее подверженные дискриминации и проявлениям скрытого расизма [13; 33; 40]. Для филиппинской диаспоры категория "образцового меньшинства" имеет подтекст, отождествляемый с колониальным наследием и негативными переживаниями, с которыми сталкивались филиппинские иммигранты в 1920-30-е гг., когда, по замечанию Карлоса Булосана, быть филиппинцем в Америке было преступлением [31]. По мнению Дэвида и Надаля, американское колониальное наследие наложило отпечаток на психологию и психическое здоровье филиппинских иммигрантов и продолжает влиять на филиппинское сообщество в США, которое формировалось в условиях экономического принуждения и политических ограничений [15, р. 307].

Особенностью филиппинской диаспоры США является сохранение среди её членов уважения к самобытности и традиционным ценностям, несмотря на высокую степень приобщения пиноев к массовой американской культуре. Этому способствует укоренившийся среди них пиетет к семье, родственникам и близким людям. Как считает Эпифанио Сан-Хуан Джуниор, сознание филиппинской диаспоры привязано к символической родине, индексируемой родственными или партикуляристскими традициями и общинными практиками [31].

Решающую роль в жизни представителя филиппинского сообщества играют референтные группы, обуславливающие его первичные социальные связи. Среди

	Единственно надёжным	Очень надёжным	Не особо надёжным	Очень ненадёжным	Не обращаюсь к данному источнику
Члены семьи	28	43	20	5	11
Близкие друзья	16	52	20	5	8
Представители экспертного/академического сообщества	14	38	22	10	15
Американские общественные организации	9	36	27	8	21
Журналисты	4	27	37	22	10
Лидеры федерального правительства	6	24	39	21	10
Религиозные лидеры	8	29	30	14	19
Лидеры местного правительства (органов власти)	5	25	40	17	13

Табл.3. Результаты опроса филиппиноамериканцев о том, насколько надежным является каждый из следующих источников в поиске информации о социальных проблемах. (в % от опрошенных).

Источник: [7].

Table 3. Survey results of Filipino Americans on how trustworthy are each of the following sources they look to for advice/opinions thinking about finding information around social issues. (in % of the interviewed).

Source: [7].

них особую функцию выполняют ценностные установки сакоп-группы³. Сакоп-группа – это близкие индивиду люди, составляющие его "социальное поле", считающие его своим и готовые прийти ему на помощь. В неё входят родственники, друзья, соседи, земляки. Несмотря на то, что сакоп-группа строится на жестких иерархических принципах [3, с. 33–35], они позволяют решать социальные задачи и вовлекать индивида в коллективные связи. Важной ценностью, например, является повышение социального статуса, причём добиться этого можно через своих детей, поддерживая их финансово и давая им образование. Одним из базовых нравственных групповых принципов являются "внутренний долг" (по-тагалски "утанг на лооб"), согласно которому человек считает себя неоплатным должником всякого, кто оказал ему услугу [4, с. 86]. Причастность к сакоп-группе дает индивиду коллективную поддержку, однако от него требуется беспрекословное подчинение мнению старших и авторитетных членов группы. Проявляя невнимание к близким людям, индивид рискует быть подвергнутым остракизму со стороны своей сакоп-группы.

Показательно, что близкие друзья и родственники являются для филиппинцев американского происхождения наиболее надёжным источником информации о социальных проблемах (см.: табл. 3).

Большое значение в формировании мировоззрения филиппиноамериканцев сохраняет семья, где заложен фундамент благополучия и надёжная защита для каждого из её членов от неприятностей и проблем, возникающих в новом для них окружении. Значительная часть филиппинцев прибывает на ПМЖ в США как "семейные иммигранты", благодаря родственным связям с проживающими здесь членами филиппинской диаспоры, существенно увеличивая её численность.

³ Сакоп (в переводе с тагалского – "охваченный", "схваченный", но также – "подчиненный") – социальная общность, действующая на основе принципов, адаптирующих человека к условиям внешней среды, а не противопоставляющих его им. [3, с. 41].

Название государства, откуда происходит транзакция	Сумма денежных переводов в 2013 г.	Сумма денежных переводов в 2017 г.	Сумма денежных переводов в 2020 г.	Сумма денежных переводов в 2021 г.	Сумма денежных переводов в 2022 г.
По всему миру	22984035	28059789	29903256	31417614	32539430
Соединенные Штаты Америки	9905463	9422310	11936353	12735977	13396567
Саудовская Аравия	2109661	2508948	1811538	1835200	1945227
Сингапур	1063870	1754209	2148447	2200990	2290977
Объединенные Арабские Эмираты	1263169	2540480	1287255	1320218	1350637
Япония	903593	1468878	1576557	1611196	1644737
Великобритания	1320458	1356826	1371170	1482662	1530171
Канада	879937	644754	1028866	1147796	1172530
Катар	412385	1110413	820402	829482	895334

Табл. 4. Государства, откуда на Филиппины поступает самое больше количество денежных переводов (в тыс. долл.).

Источники: [28; 41].

Table 4. The countries from which the Philippines receives the most remittances (in thousand dollars).

Sources: [28; 41].

Филиппиноамериканцы помогают своим заокеанским родственникам. Несмотря на то, что по сравнению со странами Азии численность филиппинских трудовых мигрантов в США незначительна, именно отсюда на Филиппины приходит львиная доля денежных переводов (см.: табл. 4).

Филиппинская диаспора создала в США ряд организаций, которые оказывают медицинские, образовательные или жилищные услуги филиппинскому сообществу в США, представляют интересы медицинских работников, защищают ветеранов и даже оказывают помощь в развитии Филиппин. Наиболее ресурсообеспеченные организации филиппинской диаспоры расположены в Калифорнии [34]. Сотни разных организаций филиппиноамериканцев есть во Флориде, в Техасе, на Гавайях. Различные по уровню институционализации структуры, ориентированные на поддержание связей между представителями диаспоры, а также между пиноями и их малой родиной, иницируют проведение мероприятий культурного характера: праздники, благотворительные вечера, фестивали [18].

Демонстрируя высокий уровень адаптации к американскому обществу и его условиям, филиппинская диаспора в то же время сохраняет характерные черты своей этнокультурной принадлежности и как уникальная общность не может не представлять интерес как элемент политического ландшафта страны проживания.

3. Филиппинская диаспора в политической жизни США

Чем более многочисленным меньшинством становятся филиппиноамериканцы, тем сложнее игнорировать вероятность их превращения в политическую силу, способную внести коррективы во внутри и внешнеполитическую повестку США. Филиппинская диаспора на протяжении последних десятилетий участвует в деятельности органов власти штатов и местного самоуправления, однако число её членов в федеральных структурах невелико даже в сравнении с числом других американцев азиатского происхождения, которые в целом имеют более низкую степень представительства на высших политических постах по сравнению с другими этническими группами [23].

Согласно исследованию, проведённому журналом "Politics, Groups and Identities" в августе 2018 г., одной из причин незначительного представительства американ-

	Демократическая партия	Республиканская партия	Не вижу разницы
Работа и экономика	37	30	27
Забота о здоровье	51	20	25
Иммиграция	46	30	22
Контроль над оружием	39	27	30
Проблемы окружающей среды	50	13	33
Расизм и расовая дискриминация	54	16	27
Образование	43	21	33
Инфляция	30	34	32
Национальная безопасность	29	29	38
Азиатское направление внешней политики США	28	29	34
Растущий разрыв между богатыми и бедными (экономическое неравенство)	42	18	31
Право голоса	44	21	33
Преступность	32	31	34

Табл. 5. Результаты опроса филиппиноамериканцев "Какая партия, на ваш взгляд, лучше справится с решением следующих проблем?" (в % от опрошенных).

Источник: [7].

Table 5. Survey results of Filipino Americans on whether they think the Democratic Party or the Republican Party is doing a better job with this issue, or if there is no difference. (in % of the interviewed).

Source: [7].

цев филиппинского происхождения на высших политических должностях является отсутствие у них интереса к политическим кампаниям [14]. В качестве же основного способа приобщения к решению политических вопросов они рассматривают участие в выборах. За последнее десятилетие число филиппиноамериканцев, пришедших на избирательные участки, существенно возросло. В 2016 г. они впервые стали третьей по численности группой среди американцев азиатского происхождения, проголосовавших на выборах (их доля составила 50%) [28]. С другой стороны, данная тенденция, вероятно всего, является отражением динамики роста явки избирателей, представляющих азиатские диаспоры. За период с 2008 по 2020 гг. их численность возросла более чем на 25% [25]. Показательно, что за последние 20 лет американцы азиатского происхождения также стали одной из самых быстрорастущих по численности групп населения США.

Данные последних лет показывают, что пинои отдают предпочтение Демократической партии. Особенно явно это прослеживается на президентских выборах. В 2016 г. 71% филиппиноамериканских избирателей отдали голоса Х. Клинтон [37]. За Байдена в 2020 г. проголосовало 60% американцев филиппинского происхождения [29]. Накануне выборов 2020 г. публичную поддержку нынешнему президенту США оказали 48 представителей филиппинской диаспоры, среди которых были члены Ассамблеи штата Калифорния Роб Бонта и Тодд Глория, сенаторы от штата Гавайи Донован Дела Круз и Лоррейн Иноуэ, бывший губернатор штата Гавайи Бен Кайетано, а также актёры Лу Даймонд Филиппс, Тиа Каррере и Марк Да-каскас [17].

Результаты прошлогоднего опроса, проведённого некоммерческой организацией Asian American Voter Survey показывают, что большинство опрошенных филиппиноамериканцев предпочли бы проголосовать за демократов на выборах в

Сенат и Палату представителей. На политические предпочтения пиноев явно повлияли непопулярные для многих американцев меры Д. Трампа, президента от Республиканской партии, прежде всего, неэффективная борьба правительства с коронавирусом, а также ужесточение миграционного законодательства. В то же время опрос показал, что значительная доля респондентов не считает Демократическую партию заслуживающей доверия в решении наиболее важных для них проблем, а около трети опрошенных не видит разницы в том, какая партия лучше всего справится с насущными проблемами. (см.: табл. 5).

Несмотря на увеличение численности филиппинской диаспоры, она пока не играет значимой роли в политической сфере, хотя и не дистанцируется от неё. Пинои озабочены проблемами, непосредственно касающимися их жизни и благополучия, однако не показывают готовность к активным действиям для изменения социально-политической среды государства проживания.

Заключение

Филиппинская диаспора является примером успешной адаптации иноэтничной общности к условиям американского общества, свидетельством чему является высокий уровень владения её представителями английского языка, а также их вовлеченность в социально-экономические процессы и политическое пространство государства проживания.

В то же время современная филиппинская диаспора в США сохраняет атрибуты своей самобытности, оставаясь уникальным сегментом американской мультикультурной среды. Особое значение для филиппиноамериканцев имеет причастность к малой родине, что выражается в поддержании связей с заокеанскими родственниками.

Увеличение числа пиноев, участвующих в выборах, также как наличие сотен различных общественных организаций (например, Национальной Федерации Ассоциаций американцев филиппинского происхождения), объединяющих выходцев с Филиппин и их потомков, создаёт почву для консолидации филиппиноамериканцев в гражданское движение и не исключает возможности его и превращения в реальную политическую силу.

Литература

1. Арутюнов С.А. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс / С.А. Арутюнов, С.Я. Козлов // Независимая газета. 23.11.2005: сайт. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения: 05.05.2023).
2. Золотухин И.Н. Филиппинская диаспора в США и Канаде // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. N 4. С. 71–80.
3. Подберезский И. В. Сампагита, крест и доллар. М.: Наука, 1974. 336 с.
4. Подберезский И. В. Филиппины: поиски самобытности. М.: Наука, 1984. 161 с.
5. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования / Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
6. Aguilar F.V. Migration Revolution: Philippine nationhood and class relations in a globalized age. Singapore: NUS Press; Kyoto, Japan; Kyoto University Press, 2014. 293 p.
7. Asian American Voter Survey (AAVS) 2022. URL: <https://aapidata.com/2022-aavs/> (дата обращения: 26.03.2023).
8. Asis Maruja M.B. The Philippines: Beyond Labor Migration, Toward Development and (Possibly) Return. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/philippines-beyond-labor-migration-toward-development-and-possibly-return> (дата обращения: 30.03.2023).
9. Baker B. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2015–January 2018 // Population Estimates. January 2021. 14 p.
10. Budiman A. Filipinos in the U.S. Fact Sheet // Pew Research center. 2021. april 29. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-filipinos-in-the-u-s/#demographic-characteristics-of-u-s-filipino-population-2019> (дата обращения: 28.03.23).
11. Budiman A. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population / A. Budiman, N.G. Ruiz // Pew Research Center. 2021. April 29. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-americans/> (дата обращения: 29.03.2023).
12. Castles S. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World / S. Castles, M.J. Miller. New York: Guilford Press. 1993. 307 p.

13. Cheng C. Introduction: Why is there a Lack of Workplace Diversity Research on Asian Americans? / C. Cheng, T.J. Thatchenkery // *Journal of Applied Behavioral Science*. 1997. Vol. 3. September 1997. P. 270–276.
14. Constante A. Historically underrepresented, Filipino-American candidates look toward Congress//*Asian America*. 2018. Nov. 5. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/historically-underrepresented-filipino-american-candidates-look-toward-congress-n930036> (дата обращения: 26.03.23).
15. David E. J.R. The Colonial Context of Filipino American Immigrants' Psychological Experiences / E.J.R. David, K.L. Nadal // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 298–309.
16. Espiritu Y.L. The Paradox of Assimilation: Children of Filipino Immigrants in San Diego / Y.L. Espiritu, D.L. Wolf. URL: http://migration.ucdavis.edu/rs/more.php?id=50_0_3_0 (дата обращения: 29.03.2023).
17. Forty Eight Fil-Am Elected Officials, Leaders Endorse Biden for President // *Asian Journal Press*. 2020. July 24. URL: <https://www.asianjournal.com/usa/deline-usa/48-fil-am-elected-officials-leaders-endorse-biden-for-president/> (дата обращения: 31.03.2023).
18. Fry K. Filipino Festivals in the United States// Do it in the Americas. Pan American Travel Guide. URL: <http://www.doitintheamericas.com/us/events/filipino-festivals.htm> (дата обращения: 28.03.23).
19. Gallardo L.H. Filipino Immigrants in the United States / L.H. Gallardo, J. Batalova // *Migration Policy Institute*, 2020. July 15. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/filipino-immigrants-united-states> (дата обращения: 26.03.2023).
20. Gebeloff R. Inside the Diverse and Growing Asian Population in the U.S. / R. Gebeloff, D. Lu, M. Jordan // *New York Times*. 2021. August 21. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/08/21/us/asians-census-us.html> (дата обращения: 10.04.23).
21. Gonzalez III Joaquin Jay. *Immigration, Religion, and Civic Engagement*. New York University Press. New York and London, 2009. 224 p.
22. Gonzalez III Joaquin L. *Philippine Labour Migration: Critical Dimensions of Public Policy*. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1998. 198 p.
23. Hanzhang J.C. 6 Charts That Dismantle The Trope Of Asian Americans As A Model Minority// *Asian American and Pacific Islander Heritage Month*. 2021. May 25. URL: <https://www.npr.org/2021/05/25/999874296/6-charts-that-dismantle-the-trope-of-asian-americans-as-a-model-minority> (дата обращения: 25.03.23).
24. Lourdes S.T. Esq. 7 immigration policy changes important to Filipinos// *Inquirer.Net U.S. Bureau*. 2021. January 20. URL: <https://usa.inquirer.net/62151/7-immigration-policy-changes-important-to-filipinos> (дата обращения: 31.03.2023).
25. Montanaro D. The Growing Power of the AAPI Vote, by the Numbers. 2021. May 22. URL: <https://www.npr.org/2021/05/22/999345393/the-growing-power-of-the-aapi-vote-by-the-numbers> (дата обращения: 29.03.23).
26. New Census data: More than 4 million Filipinos in the US// *Inquirer.Net*. 2018. September 17. URL: <https://usa.inquirer.net/15493/new-census-data-4-million-filipinos-us> (дата обращения: 26.03.23).
27. Overseas Filipinos' Cash Remittances By Country, By Source//*Statistics*. External Accounts. Bangko Sentral ng Pilipinas. URL: <https://www.bsp.gov.ph/SitePages/Statistics/External.aspx?TabId=8> (дата обращения: 31.03.23).
28. Ramakrishnan K. The Asian American Vote in 2016: Record Gains, but Also Gaps. 2017. May 19. URL: <http://aapidata.com/blog/voting-gains-gaps/> (дата обращения: 28.03.23).
29. Ramos C.M. Up to 60% of Fil-Am voters estimated to have voted for Biden, says PH envoy//*Inquirer.net*. 2020. Nov. 9. URL: <https://globalnation.inquirer.net/192033/up-to-60-of-fil-am-voters-estimated-to-have-voted-for-biden-says-ph-envoy> (дата обращения: 26.03.23).
30. Recent Filipino Immigration to the United States: A Profile. East-West Center. East-West Population Institute. December 1990. 22 p.
31. San Juan E., Jr. Interrogating Transmigrancy, Remapping the Filipino Diaspora in the Age of Globalization. URL: <http://rizalarchive.blogspot.com/2006/08/filipino-diaspora.html> (дата обращения: 01.04.2023).
32. Sheffer G. A new field of study: modern diasporas in international politics // *Modern diasporas in international politics* / edited by Gabriel Sheffer. New York: St. Martin's Press, 1986. P. 1–15.
33. Tang J. The model minority thesis revisited: (Counter)evidence from the science and engineering fields// *Journal of Applied Behavioral Science*. 1997. N33(3). P. 291–315.
34. The Filipino Diaspora in the United States February 2014. URL: https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/RAD/Filipino_Profile.pdf (дата обращения: 22.03.23).
35. Unauthorized Immigrant Populations by Country and Region, Top States and Counties of Residence, 2019// *Migration Policy Institute*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/unauthorized-immigrant-populations-country-and-region-top-state-and-county> (дата обращения: 28.03.23).
36. USA immigration by country 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/us-immigration-by-country> (дата обращения: 29.03.23).
37. Wang H.L. Trump Lost More Of The Asian-American Vote Than The National Exit Polls Showed// *NPR*. 2017. April 18. URL: <https://www.npr.org/2017/04/18/524371847/trump-lost-more-of-the-asian-american-vote-than-the-national-exit-polls-showed> (дата обращения: 30.03.23).

38. Wozniak A. Mutual Empowerment? Examining the Power Relationship Between Overseas Filipino Workers and the Motherland// *Georgetown Journal of Asian Affairs*. Spring/Summer, 2015. P. 98–121.
39. Yearbook of Immigration Statistics 2021// Office of Immigration Statistics. November 2022. 123 p.
40. Yuko Kawai. Stereotyping Asian Americans: The Dialectic of the Model Minority and the Yellow Peril// *Howard Journal of Communications*. 2005. Volume 16. Issue 2. P. 109–130.
41. Zong J. Filipino Immigrants in the United States / J. Zong, J. Batalova // Migration Policy Institute. 2018. March 14. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/filipino-immigrants-united-states> (дата обращения: 25.03.23).

References

1. Arutyunov S.A. The diasporas: concealed menace or additional resource / S.A. Arutyunov, S.Y. Kozlov // Independent newspaper. 2005, November 23. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (accessed 05.05.2023). (In Russ.).
2. Zolotukhin I.N. The Filipino diaspora in the USA and Canada// *Oikumena. Regional researches*. 2011. N4. P. 71-80. (In Russ.).
3. Podberezsky I.V. *Sampagita, cross and dollar*. Moscow: Nauka, 1974. 336 p. (In Russ.).
4. Podberezsky I.V. *The Philippines: search for identity*. Moscow: Nauka, 1984. 161p. (In Russ.).
5. Toshchenko Zh.T., Chapytkova T.I. Diaspora as an object of sociological research / Zh.T. Toshchenko, T.I. Chapytkova // *Sociological Studies*. 1996. No. 12. P. 33–42. (in Russ.).
6. Aguilar F.V. *Migration Revolution: Philippine nationhood and class relations in a globalized age*. Singapore: NUS Press; Kyoto, Japan; Kyoto University Press, 2014. 293 p.
7. Asian American Voter Survey (AAVS) 2022. URL: <https://aapidata.com/2022-aavs/> (accessed 26.03.2023).
8. Asis Maruja M.B. The Philippines: Beyond Labor Migration, Toward Development and (Possibly) Return. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/philippines-beyond-labor-migration-toward-development-and-possibly-return> (accessed 30.03.2023).
9. Baker B. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2015–January 2018// *Population Estimates*. January 2021. 14 p.
10. Budiman A. Filipinos in the U.S. Fact Sheet// Pew Research center. 2021. april 29. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-filipinos-in-the-u-s/#demographic-characteristics-of-u-s-filipino-population-2019> (accessed 28.03.23).
11. Budiman A. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population / A. Budiman, N.G. Ruiz // Pew Research Center. 2021. April 29. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-americans/> (accessed 29.03.2023).
12. Castles S. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* / S. Castles, M.J. Miller. New York: Guilford Press. 1993. 307 p.
13. Cheng C. Introduction: Why is there a Lack of Workplace Diversity Research on Asian Americans? / C. Cheng, T.J. Thathcenkery // *Journal of Applied Behavioral Science*. 1997. Vol. 3. September 1997. P. 270–276.
14. Constante A. Historically underrepresented, Filipino-American candidates look toward Congress//*Asian America*. 2018. Nov. 5. URL: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/historically-underrepresented-filipino-american-candidates-look-toward-congress-n930036> (accessed 26.03.23).
15. David E. J.R. The Colonial Context of Filipino American Immigrants' Psychological Experiences / E.J.R. David, K.L. Nadal // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 298–309.
16. Espiritu Y.L. The Paradox of Assimilation: Children of Filipino Immigrants in San Diego / Y.L. Espiritu, D.L. Wolf. URL: http://migration.ucdavis.edu/rs/more.php?id=50_0_3_0 (accessed 29.03.2023).
17. Forty Eight Fil-Am Elected Officials, Leaders Endorse Biden for President // *Asian Journal Press*. 2020. July 24. URL: <https://www.asianjournal.com/usa/deline-usa/48-fil-am-elected-officials-leaders-endorse-biden-for-president/> (accessed 31.03.2023).
18. Fry K. Filipino Festivals in the United States// *Do it in the Americas*. Pan American Travel Guide. URL: <http://www.doitintheamericas.com/us/events/filipino-festivals.htm> (accessed 28.03.23).
19. Gallardo L.H. Filipino Immigrants in the United States / L.H. Gallardo, J. Batalova // Migration Policy Institute, 2020. July 15. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/filipino-immigrants-united-states> (accessed 26.03.2023).
20. Gebeloff R. Inside the Diverse and Growing Asian Population in the U.S. / R. Gebeloff, D. Lu, M. Jordan // *New York Times*. 2021. August 21. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/08/21/us/asians-census-us.html> (accessed 10.04.23).
21. Gonzalez III Joaquin Jay. *Immigration, Religion, and Civic Engagement*. New York University Press. New York and London, 2009. 224 p.
22. Gonzalez III Joaquin L. *Philippine Labour Migration: Critical Dimensions of Public Policy*. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1998. 198 p.
23. Hanzhang J.C. 6 Charts That Dismantle The Trope Of Asian Americans As A Model Minority// *Asian*

- American and Pacific Islander Heritage Month. 2021. May 25. URL: <https://www.npr.org/2021/05/25/999874296/6-charts-that-dismantle-the-trope-of-asian-americans-as-a-model-minority> (accessed 25.03.23).
24. Lourdes S.T. Esq. 7 immigration policy changes important to Filipinos// *Inquirer.Net U.S. Bureau*. 2021. January 20. URL: <https://usa.inquirer.net/62151/7-immigration-policy-changes-important-to-filipinos> (accessed 31.03.2023).
25. Montanaro D. The Growing Power of the AAPI Vote, by the Numbers. 2021. May 22. URL: <https://www.npr.org/2021/05/22/999345393/the-growing-power-of-the-aapi-vote-by-the-numbers> (accessed 29.03.23).
26. New Census data: More than 4 million Filipinos in the US// *Inquirer.Net*. 2018. September 17. URL: <https://usa.inquirer.net/15493/new-census-data-4-million-filipinos-us> (accessed 26.03.23).
27. Overseas Filipinos' Cash Remittances By Country, By Source// *Statistics. External Accounts. Bangko Sentral ng Pilipinas*. URL: <https://www.bsp.gov.ph/SitePages/Statistics/External.aspx?TabId=8> (accessed 31.03.23).
28. Ramakrishnan K. The Asian American Vote in 2016: Record Gains, but Also Gaps. 2017. May 19. URL: <http://aapidata.com/blog/voting-gains-gaps/> (accessed 28.03.23).
29. Ramos C.M. Up to 60% of Fil-Am voters estimated to have voted for Biden, says PH envoy// *Inquirer.net*. 2020. Nov. 9. URL: <https://globalnation.inquirer.net/192033/up-to-60-of-fil-am-voters-estimated-to-have-voted-for-biden-says-ph-envoy> (accessed 26.03.23).
30. Recent Filipino Immigration to the United States: A Profile. East-West Center. East-West Population Institute. December 1990. 22 p.
31. San Juan E., Jr. Interrogating Transmigrancy, Remapping the Filipino Diaspora in the Age of Globalization. URL: <http://rizalarchive.blogspot.com/2006/08/filipino-diaspora.html> (accessed 01.04.2023).
32. Sheffer G. A new field of study: modern diasporas in international politics // *Modern diasporas in international politics / edited by Gabriel Sheffer*. New York: St. Martin's Press, 1986. P. 1–15.
33. Tang J. The model minority thesis revisited: (Counter)evidence from the science and engineering fields// *Journal of Applied Behavioral Science*. 1997. N33(3). P. 291–315.
34. The Filipino Diaspora in the United States February 2014. URL: https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/RAD/Filipino_Profile.pdf (accessed 22.03.23).
35. Unauthorized Immigrant Populations by Country and Region, Top States and Counties of Residence, 2019// *Migration Policy Institute*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/unauthorized-immigrant-populations-country-and-region-top-state-and-county> (accessed 28.03.23).
36. USA immigration by country 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/us-immigration-by-country> (accessed 29.03.23).
37. Wang H.L. Trump Lost More Of The Asian-American Vote Than The National Exit Polls Showed// *NPR*. 2017. April 18. URL: <https://www.npr.org/2017/04/18/524371847/trump-lost-more-of-the-asian-american-vote-than-the-national-exit-polls-showed> (accessed 30.03.23).
38. Wozniak A. Mutual Empowerment? Examining the Power Relationship Between Overseas Filipino Workers and the Motherland// *Georgetown Journal of Asian Affairs*. Spring/Summer, 2015. P. 98–121.
39. Yearbook of Immigration Statistics 2021// *Office of Immigration Statistics*. November 2022. 123 p.
40. Yuko Kawai. Stereotyping Asian Americans: The Dialectic of the Model Minority and the Yellow Peril// *Howard Journal of Communications*. 2005. Volume 16. Issue 2. P. 109–130.
41. Zong J. Filipino Immigrants in the United States / J. Zong, J. Batalova // *Migration Policy Institute*. 2018. March 14. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/filipino-immigrants-united-states> (accessed 25.03.23)..

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН, канд. полит. наук, доцент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolvnik@mail.ru

Ivan Nikolaevich ZOLOTUKHIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University Vladivostok, Russia, e-mail: zolvnik@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 16.04.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 17.06.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Научная статья
УДК 314.745.22
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/48-63>

Вьетнамская диаспора США в конце XX – начале XXI вв.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских иммигрантов

Евгений Викторович ЖУРБЕЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; филиал Владивостокского государственного университета, Находка, Россия, zhurbey.ev@dvf.u.ru

Елена Александровна ГЛАЗКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sh_elenaa@mail.ru

Елена Андреевна РЫБАЧЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, rybachenko.ea@dvf.u.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись вьетнамские иммигранты, мигрировавшие в США в 1980-х – 2020-х годах. В статье исследуются трудности адаптации и интеграции в американском обществе вьетнамских иммигрантов, которым пришлось приспособиться к новой культуре, языку и образу жизни. Автор исследует исторический контекст вьетнамской диаспоры и факторы, приведшие к миграции тысяч беженцев в США. Статья предлагает анализ проблем, с которыми сталкиваются вьетнамские иммигранты, включая дискриминацию, расизм и предрассудки. Авторы также исследуют психологическое воздействие вынужденной миграции на вьетнамское сообщество, в том числе вопросы, связанные с идентичностью, травмами и потерями. В целом эта статья даёт ценную информацию о борьбе вьетнамских иммигрантов в 1980-х и 2020-х годах и проливает свет на важность социальной поддержки для облегчения их адаптации и интеграции в новую страну. Исследование, представленное в этой статье, актуально не только для вьетнамской диаспоры, но и для других иммигрантских сообществ, сталкивающихся с аналогичными проблемами в своих попытках построить новую жизнь на чужой земле.

Ключевые слова: вьетнамцы, вьетнамская диаспора, США, аккультурация, ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция, адаптация, иммиграция, беженцы

Для цитирования: Журбей Е.В., Глазкова Е.А., Рыбаченко Е.А. Вьетнамская диаспора США в конце XX – начале XXI вв.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских иммигрантов // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 48–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/48-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/48-63>

The Vietnamese Diaspora in the United States in the late XX – early XXI Centuries: Problems of Adaptation and Integration of Vietnamese Immigrants

Evgeny V. ZHURBEY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, zhurbey.ev@dvf.u.ru

Elena A. GLAZKOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sh_elenaa@mail.ru

Elena A. RYBACHENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, rybachenko.ea@dvf.u.ru

Abstract. This article examines the issues faced by Vietnamese immigrants who migrated to the United States during the 1980s – 2020s. The paper investigates the difficulties of adaptation and integration into American society for Vietnamese immigrants, who had to adapt to a new culture, language, and way of life. The author explores the historical context of the Vietnamese diaspora and the factors that led to the migration of thousands of refugees to the United States. The article offers a analysis of the challenges faced by Vietnamese immigrants, including discrimination, racism, and prejudice. The authors also examine the psychological impact of forced migration on the Vietnamese community, including issues related to identity, trauma, and loss. Overall, this article provides valuable insights into the struggles of Vietnamese immigrants during the 1980s and 2020s and sheds light on the importance of social support in facilitating their adaptation and integration into a new country. The research presented in this article is relevant not only to the Vietnamese diaspora but also to other immigrant communities facing similar challenges in their efforts to build new lives in a foreign land.

Keywords: vietnamese, vietnamese diaspora, USA, acculturation, assimilation, separation, marginalization, integration, adaptation, immigration, refugees

For citation: Zhurbey E.V., Glazkova E.A., Rybachenko E.A. The Vietnamese Diaspora in the United States in the late XX – early XXI Centuries: Problems of Adaptation and Integration of Vietnamese Immigrants // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 48–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/48-63>

© Журбей Е.В., Глазкова Е.А., Рыбаченко Е.А., 2023

Изучение темы вьетнамской диаспоры в США в 80-х гг. XX в. – 20-х гг. XXI в. важно по нескольким причинам¹. Во-первых, отметим исторический контекст. Вьетнамская диаспора в Соединённых Штатах является важной частью истории страны, и изучение их опыта может дать представление о более широком поведении об иммиграции в Соединённых Штатах. Во-вторых, несомненно, важен и культурный контекст. Понимание проблем адаптации, с которыми сталкиваются вьетнамские иммигранты, может помочь в развитии оценки и понимания культурных различий и проблем, с которыми сталкивается вьетнамское сообщество в Соединённых Штатах. В-третьих, отметим политический контекст. Изучение вьетнамской диаспоры в Соединённых Штатах может информировать политиков о проблемах, с которыми сталкиваются сообщества иммигрантов, и помочь в разработке политики, удовлетворяющей потребности этих сообществ. В-четвертых, отметим и социальный контекст. Вьетнамская диаспора в Соединённых Штатах внесла значительный вклад в экономику, общество и культуру страны. Тема вьетнамской диаспоры в США в 80-х годах XX – 20-х годах XXI вв. является актуальной и важной для понимания опыта иммигрантских сообществ, оценки культурного разнообразия и др.

Статья является попыткой на материале "третьей" и "четвертой" волн вьетнамской иммиграции в США ответить на следующие вопросы: как вьетнамские иммигранты адаптировались и интегрировались в американское общество, и какие факторы способствовали или препятствовали их успешной интеграции с 80-х годов XX – 20-х годов XXI веков? Какие стратегии вьетнамские иммигранты выбрали для оптимальной адаптации и интеграции, а также какие политики можно реализовать для поддержки успешной интеграции вьетнамских иммигрантов в американское общество, и каковы долгосрочные результаты успешной интеграции как для сообщества вьетнамских иммигрантов, так и для американского общества в целом?

Теоретической основой работы является "теория аккультурации" Дж. Берри [1; 5; 6; 7]. Теория аккультурации Берри предлагает четыре возможные стратегии аккультурации, которые люди могут использовать при переходе в новую культуру: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Ассимиляция относится к процессу принятия новой культуры при отказе от своей первоначальной культуры. Это означает, что человек принимает ценности, обычаи и модели поведения новой культуры и отказывается от своего собственного культурного наследия. Интеграция относится к процессу принятия новой культуры при сохранении своей исходной культуры. Это означает, что человек адаптируется к новой культуре, сохраняя при этом элементы своей собственной культуры. Сепарация относится к процессу сохранения своей первоначальной культуры при отказе от новой культуры. Это означает, что человек не принимает ценности, обычаи или поведение новой культуры, а вместо этого сохраняет своё собственное культурное наследие. Маргинализация относится к процессу отказа как от новой культуры, так и от исходной культуры. Это означает, что человек чувствует себя оторванным от обеих культур и не идентифицирует себя ни с одной из них [2, с. 108]. В целом теория аккультурации Берри оказала влияние на понимание того, как люди из разных культур адаптируются к новой культурной среде, и применялась в различных условиях, включая образование, здравоохранение и социальные услуги.

Вьетнамская диаспора в США формируется в четыре этапа. Первый этап или "первая волна" начала формирования вьетнамской диаспоры в США приходится на период 1975–1977 гг. После принятия в 1975 году закона "О миграции и помощи беженцам" в США смогли въехать 130100 беженцев и 11898 иммигрантов (См.:

¹ Диаспора – устойчивая совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности, т.е. в данном контексте, термин "диаспора" используется нами для обозначения части народа (этнической общности, нации), проживающей вне страны своего происхождения, образующей устойчивые, сплоченные этнические группы

Год	Беженцы	Иммигранты	Всего
1975	125000	3039	128039
1976	3200	4230	7430
1977	1900	4629	6529

Табл. 1. Число вьетнамских беженцев и иммигрантов "первой волны" 1975–1977 гг.

Источник: [2, с. 110].

Table 1. The number of Vietnamese refugees and "first wave" immigrants 1975–1977.

Source: [2, с. 110].

табл. 1) [2, с. 110]. Это были преимущественно военнослужащие Южного Вьетнама и члены их семей [12, р. 7].

Второй этап ("вторая волна") приходится на период 1978–1982 гг. В эти годы в США въехало 269510 беженцев и 16525 иммигрантов [2, с. 115].

Они представляли более низкие в социальном статусе группы вьетнамского общества (чиновники вьетнамского правительства, рядовые члены вьетнамской армии и флота, мелкие торговцы, фермеры и рыбаки). Вьетнамские беженцы не обязательно были горожанами, у них было мало навыков, которые можно было применить в США, они плохо владели английским языком и совершенно не знакомы были с жизнью за пределами своих приходов и деревень во Вьетнаме и, в отличие от иммигрантов "первой волны", не были способны быстро адаптироваться к условиям американского общества [12, р. 8]. Вьетнамские беженцы двух "первых волн" являются второй по величине этнической группой людей после кубинцев, когда-либо принятых в США в качестве беженцев [2, с. 110].

Адаптация и интеграция вынужденных мигрантов первых двух волн, как и последующих двух, но уже добровольных иммигрантов обуславливалась и спецификой вьетнамской традиционной культуры, а именно способностью адаптироваться к изменениям, чтобы оставаться в гармонии с другими культурами и этническими группами. Вьетнамцы придерживаются традиционных обычаев, приспосабливаясь к американской культуре, чтобы стать частью принимающей страны. В связи с этим американцы вьетнамского происхождения рассматривают американское общество в качестве не противника, а необходимого "ингредиента" для выживания. Этот способ адаптации контрастирует с таковыми у других азиатских этнических групп в США. Американцы японского происхождения являются одними из "наиболее однородных в мире", но весьма комплементарных групп к встраиванию в инокультурное сообщество, в то время как американцы китайского происхождения более склонны собираться в сегрегированных сообществах. Адаптация вьетнамских американцев содержит в себе как элементы японско-американского, так и китайского "не-американского" процесса аккультурации, но самобытность вьетнамской американской общины проявляется не в ее сопротивлении переменам, а в сохранении степени устойчивости и адаптируемости, а также в сохранении ценностей прошлого мира" [2, с. 116].

Исследователи Минь Чжоу и Карл Бенкстон отметили некоторые способы, с помощью которых социальный капитал, доступный в иммигрантской общине способствует, а не препятствует адаптации молодого поколения, в школе и после неё [24]. Авторы противопоставили ассимиляционистское мнение альтернативным аргументам об этнических ресурсах как социальном капитале. Основываясь на соцопросах и интервью вьетнамской молодёжи в иммигрантской общине в восточной Новом Орлеане, авторы изучили, как аспекты иммиграционной культуры служат формой социального капитала, чтобы влиять на адаптационный опыт потомства иммигрантов. Было обнаружено, что вьетнамские студенты, которые твердо придерживались традиционных семейных ценностей, трудовой этике и высокой степени личного участия в этническом сообществе, как правило, получали непропорционально высокие оценки, имели планы на колледж и высокие бал-

Год	Беженцы	Иммигранты	Всего
1978	11100	1890	12990
1979	44500	6365	50865
1980	95200	4104	99304
1981	86100	1714	87814
1982	42600	2452	45052

Табл.2. Число вьетнамских беженцев и иммигрантов "второй волны", 1978–1982 гг.

Источник: [2, с. 115].

Table 2. The number of Vietnamese refugees and "second wave" immigrants, 1978–1982.

Source: [2, с. 115].

лы по академической ориентации. Эти ценности и ассоциативные модели соответствовали ожиданиям их сообщества и отражали высокий уровень социальной интеграции среди вьетнамской молодёжи. Результаты проведённого исследования в Новом Орлеане показали, что сильная позитивная культурная ориентация иммигрантов может служить формой социального капитала, которая способствует соответствию ценностей и конструктивным формам поведения, а это, в свою очередь, предоставляет детям, находящимся в неблагоприятном положении, адаптивное преимущество. Социальный капитал имеет решающее значение и при определённых условиях важнее традиционного человеческого капитала для успешной адаптации иммигрантов младшего поколения.

"Третья волна" вьетнамской иммиграции в США приходится на период с 1983 по 1999 гг. Заработавшая "Программа организованного отъезда" позволила въехать на территорию США около 200 тыс. вьетнамцев в качестве иммигрантов и беженцев. Ещё в 1980 г. в США был принят Закон "О беженцах", чтобы обеспечить эффективное переселение беженцев и помочь им как можно скорее достичь экономической самодостаточности после прибытия в США [19]. Закон позволил запустить "Гуманитарную программу", которая позволила въехать 180 тыс. бывших офицеров и солдат южновьетнамской армии и членов их семей, а закон 1989 г. позволил въехать в страну 23 тыс. вьетнамских детей, рождённых от американцев, и 67 тыс. их родственникам [12, р. 8].

В 1982 г. Конгресс принял Закон "О Амеразиятах" ("The Amerasian Act of 1982"), разрешающий въезд и иммиграцию "амеразитских" детей, рождённых от американских граждан [18]. Закон позволил лицам, родившимся в Корее, Лаосе, Камбодже, Таиланде и во Вьетнаме, получить разрешение на въезд в США или для уже въехавших изменить статус на законного постоянного жителя. Позже Конгресс принял Закон "О возвращении домой в Америку", который был принят в 1988 г. и заработал с 1989 г. [4]. Данный закон позволял подавать заявление на получение иммиграционных виз таким детям до 21 марта 1990 г. Закон о возвращении домой позволил американским и их ближайшим родственникам получить пособия для беженцев.

Многие смешанные дети вьетнамцев и американцев сталкивались с предрасудками во Вьетнаме, иногда их называли *bụi đời* ("пыль жизни" или "мусор"). Однако после акта многих детей будут называть "золотыми детьми", поскольку не только дети могли переехать в США, но их семьи. Закон позволил устанавливать смешанную расовую идентичность только по внешнему виду, что было весьма важно для вьетнамских детей, родившихся с 1 января 1962 г. по 1 января 1976 г. от американцев. Закон предусматривал обязательно участие иммигрантов в 6-месячной программе изучения английского языка и культурной ориентации на территории Филиппин, а затем их переселением занимались частные некоммерческие агентства, заключившие контракт с Государственным департаментом.

По данным переписи населения, в 2000 г. в США проживало около 1,2 млн вьетнамцев [23]. Основным магнитом вторичной миграции вьетнамцев была Калифорния (45%). Вторичная миграция была вызвана различными причинами, создававшими географические предпочтения: климат, возможности трудоустройства, объединение с родственниками, доступность к социальным услугам, а также притяжением компактно проживающих соотечественников, образующих этнические общины. Например, среди вьетнамских беженцев в Луизиане доминировали католики, а в столице (в г. Вашингтоне) проживало большее количество специалистов, работавших в международных организациях, а также в федеральных и местных органах власти. В Калифорнии и Техасе проживает много артистов, писателей, журналистов, учителей английского языка как второго языка и рабочих. Южную Калифорнию с её тёплым климатом, большим населением вьетнамских беженцев, процветающим вьетнамским бизнес-сообществом, основными газетами на вьетнамском языке и возможностью вести социальную жизнь, подобную домашней, вьетнамцы называют "столицей беженцев" [10, р. 45].

Вьетнамцы этого периода показывали одни из самых быстрых темпов повышения своей благосостоятельности среди всех азиатских иммиграционных групп США. К 2000 г. средний доход семьи вьетнамцев почти удвоился, достигнув 47 тыс. долларов США, что почти на 5 тыс. долларов США выше среднего дохода всех семей азиатских иммиграционных групп США. За этот же период процент вьетнамцев, живущих за чертой бедности, снизился примерно на 10%, до 14,3%, что немного выше, чем в целом среди всех американцев [13, р. 85]. С течением времени занятость среди вьетнамских американцев продолжает расти, а зависимость от государственной поддержки снижается. По возможности беженцы переходили на более высокооплачиваемые места, даже если эти рабочие места имели более низкий социальный статус. Работа в электротехнической и электронной промышленности, а также торговля автомобилями являлись особенно распространённым вариантом, но даже такие непрестижные и зачастую опасные с точки зрения безопасности места, как мясоупаковка привлекали вьетнамских беженцев за счёт повышенной оплаты труда. Многие другие беженцы открыли собственный бизнес. В 1980-х гг. Бюро переписи населения провело исследование бизнеса, принадлежавшего национальным меньшинствам, которое показало трёхкратное увеличение количества вьетнамских предприятий на 1000 вьетнамских беженцев с 1982 по 1987 гг. [14, р. 37]. Большинство из них были семейными предприятиями, обслуживающими преимущественно "этнических клиентов" (рестораны, прачечные, продуктовые магазины, парикмахерские и ателье). Некоторые вьетнамцы становились агентами по недвижимости, другие открывали медицинские и стоматологические кабинеты, некоторые занимались оптовой продажей, импортом-экспортом и производством.

За видимостью экономического успеха оставались проблемы. Хотя многие представители "третьей волны" были классифицированы как беженцы, со временем все больше и больше вьетнамцев прибывало в качестве обычных иммигрантов. Уровень образования был ограничен для "третьей волны" беженцев, и они, как правило, не обладали достаточно профессиональными навыками. Эта группа беженцев смогла быстро интегрироваться только во вьетнамскую диаспору, что обеспечило им поддержку и выживание. Поэтому вьетнамские беженцы испытывали трудности в поиске каких-либо работ, многим было трудно найти хорошую работу. Экономика США перестраивалась таким образом, что падал спрос на ручную работу со средней квалификацией, которая была бы наиболее выгодна для населения с ограниченными языковыми навыками. Возможность открытия бизнеса, даже с учётом экономии средств за счёт труда членов семьи, останется рискованным предложением. Таким образом, первоначальный экономический успех вьетнамских беженцев этой волны имел и определённые ограничения.

Умеренный экономический прогресс вьетнамских беженцев не снимал с повестки дня другие проблемы на пути успешной адаптации. Многие вьетнамцы среднего и пожилого возраста не так хорошо справлялись с социальной и психо-

логической адаптацией, как с экономической. Большинство из них не предприняли сознательных усилий для интеграции в американское общество, вступали в профессиональные организации только тогда, когда это было необходимым, и нечасто взаимодействовали с другими американцами. Их социальным окружением (например, друзьями) были преимущественно вьетнамцы. Даже те, кто имел хорошую работу, вёл двойную жизнь – одну в офисе среди своих американских коллег, а другую дома и в нерабочее время среди своих вьетнамских соотечественников. Это явление было распространено особенно среди образованных и прозападно настроенных вьетнамцев, потому что они чувствовали не только потерю статуса, но и потерю мотивации. Полезную информацию дают опросы вьетнамских беженцев. Один из опросов показал, что хотя 13% опрошенных вьетнамских беженцев увидели улучшения в своей жизни, около двух третей чувствовали меньше удовлетворения, чем от жизни во Вьетнаме. Этот разрыв между экономическими успехами и психологическим благополучием подтверждается также опросом, проживавших в южной части побережья Мексиканского залива и северной Калифорнии [16–17]. Результаты показывают, что экономический успех и психологическое благополучие не всегда связаны между собой среди вьетнамских беженцев и что беженцы с более высоким уровнем образования, более высоким социальным статусом, большим уровнем владения английским языком и менее традиционным вьетнамским мировоззрением – люди, которые обычно считались лучше подготовленными для интеграции, как правило, имели более высокие доходы, но также показывали большую психологическую нагрузку от процесса интеграции.

Одним из важных факторов, определяющих успех интеграции беженцев в иную культурную американское общество, является "вьетнамский синдром", подобный тому, который испытывали американские ветераны войны во Вьетнаме. Синдром вызывает отстранение, пессимистический взгляд на вещи и негативное отношение к участию в жизни общества. Эти беженцы чувствовали себя преданными, когда коммунисты захватили Южный Вьетнам, и также считали, что эвакуация, организованная США в 1975 году, на самом деле предназначалась не для них. Они считали версию вьетнамской истории, преобладающую в американских СМИ и интеллектуальных кругах, искажённой, несправедливой по отношению к ним лично и несправедливой по отношению к делу, в которое они верили и за которое боролись. Они считали себя проигравшими и считали, что бесполезно объяснять сложность войны во Вьетнаме людям, которые её не понимают или отказываются принять их точку зрения [10, p. 49].

Этот вьетнамский синдром наиболее остро ощущался бывшими вьетнамскими солдатами, особенно теми, кто принял на себя всю тяжесть боевых действий и не знал, почему им пришлось отступить в последний месяц войны, не имея возможности сражаться. Его также испытывали некоторые генералы, которые чувствовали себя виноватыми в своей деятельности в течение последних критических дней войны, и вьетнамцы, которые прибыли в США после того, как провели несколько лет в коммунистических лагерях по перевоспитанию. Вьетнамский синдром часто находил более активное распространение среди бывших военных, чем среди образованных и профессионалов, у которых дела шли лучше с экономической точки зрения. Например, многие бывшие военные присоединились к различным движениям сопротивления, надеясь однажды освободить Вьетнам от коммунистического режима. Для этих людей их присутствие в Соединённых Штатах было временным; их будущее не в Соединённых Штатах, а в освобождённом Вьетнаме. Многие из них также участвовали в мероприятиях против нарушений прав человека правительством Ханоя и в ознаменовании "Дня национального позора", который отмечается 30 апреля со дня падения Сайгона. Лидеры этих движений хорошо осознавали сложность своей задачи, но считали, что эти усилия имели немедленный положительный эффект в восстановлении у беженцев чувства уверенности в себе и самоуважения в отношении их роли в войне и их исторического наследия [10, p. 49–50].

Положение выживших в лагерях перевоспитания было ещё сложнее. Тем, кто провёл долгие годы в лагерях, крайне трудно было приспособиться и к новой стране, и к меняющейся ситуации во Вьетнаме. Даже воссоединение с родственниками, уже переселившимися в США, было зачастую болезненным. Жены стали финансово независимыми и приняли другой образ мышления и поведения. Некоторые даже обзавелись новыми семьями после многих лет ожидания, почти не надеясь на освобождение своего мужа. Их дети часто были слишком маленькими, когда они уезжали из Вьетнама, чтобы иметь какое-либо представление о травме своего отца, могли не ценить его политические взгляды и часто вели себя необщительно и неуважительно. Выжившие в лагере переживали трудный опыт даже с бывшими коллегами, поскольку они сталкивались с новыми пробелами в статусе, финансовом положении и политическом мировоззрении. Травма могла быть очень серьёзной, что приводило даже к самоубийствам [10, p. 50].

Хотя политика американского правительства была весьма благосклонна к вьетнамской иммиграции, но общественное мнение в период первых трёх волн не было столь благосклонным. Никто точно не может сказать, что конкретно стало изначальной причиной неприязни к вьетнамским эмигрантам этой волны – учёные по сей день расходятся во мнениях относительно этого вопроса. Многие говорят о том, что всеобщая усталость от событий военных действий "вымотала" население Америки, и это стало главной причиной нежелания американского народа принять иностранцев, однако существует мнение о намеренном превращении имиджа вьетнамской стороны во врага [8]. Согласно опросу 1992 г., 70% детей-беженцев из Юго-Восточной Азии сообщили, что они подвергались дискриминации по признаку расы [12, p. 10]. Как и многие группы азиатских иммигрантов, вьетнамцы терпели оскорбления на расовой почве. С вьетнамцами постоянно обращались как со второсортными гражданами. Вьетнамцы преимущественно могли рассчитывать на низкооплачиваемую работу или зачастую становились безработными. В Техасе, на побережье Мексиканского залива вьетнамским рыбакам угрожал Ку-Клукс-Клан, а некоторые были убиты. Беженцы воспринимались как угроза местному рынку труда. Безработица по-прежнему была очень высока, и многие американцы опасались, что беженцы отнимут у них рабочие места [11, p. 10].

По мере того, как все больше и больше вьетнамцев приезжало в США в 1980-х гг., американский народ начал чувствовать "усталость от сострадания", активную враждебность, проистекающую из предоставляемой финансовой помощи иммигрантам. Это осложнялось экономическим кризисом в конце 1970-х, когда США вошли в рецессию, но продолжали финансировать беженцев. Как следствие, в поисках работы вьетнамские иммигранты первых трёх волн часто зависели от своих соотечественников. Вьетнамская диаспора защищала "своих" от первоначальной враждебности со стороны общества, в то же время создавая комфортную среду и перспективы трудоустройства для новичков с низким профессиональным стажем. Благодаря такой коллективной поддержке вьетнамцы могли сосредоточиться на накоплении ресурсов своим детям, позволяя им преуспеть в учёбе [12, p. 14]. Однако факт остаётся фактом – негативное отношение к вьетнамским беженцам усложнило процесс адаптации в новом для них государстве.

"Четвертая волна" вьетнамской иммиграции приходится на период 2000 г. и по настоящее время. По данным Бюро переписи населения США, на конец 2019 г. вьетнамское население США составляло в 2183000 человек. Из них 1384000 являются вьетнамским иммигрантским населением США, т. е. родившимися за пределами страны. За последние два десятилетия наблюдается более медленный рост вьетнамского иммигрантского населения в США. Темпы роста, которые в период с 2000 по 2010 гг. составляли 26%, снизились до 12% в период с 2010 по 2019 гг. (См.: табл. 3) [23].

Если говорить о территориальном расселении, то вьетнамцы являются крупнейшей группой азиатского происхождения по численности населения в четырёх штатах: Луизиане, Миссисипи, Оклахоме и Небраске. В Луизиане вьетнамцы составляют 33% от азиатских группы населяющих штат, а в Миссисипи 21 %, в Окла-

Год	Население
2000	1224000
2010	1737000
2015	1980000
2019	2183000

Табл.3. Вьетнамское население в США, 2000–2019 гг.

Источник: [23].

Table 3. Vietnamese population in the U.S., 2000–2019.

Source: [23].

хоме 18% и в Небраске 14%. В таком крупном штате, как Техас, вьетнамцы являются второй по численности азиатской группой и составляют 18%. К ещё одной группе штатов с компактным проживанием американских вьетнамцев можно отнести такие штаты, как Канзас (16% от всех азиатов штата), Орегон (15%), Айова (13%), Джорджия (13%), Нью-Мексико (12%), Массачусетс (10%) [23]. В последней группе штатов вьетнамцы являются третьей по численности азиатской группой населения.

Самая крупная группа вьетнамцев проживает в Лос-Анджелесе (346 тыс. чел.), затем идут Хьюстон (143 тыс. чел.), Сан-Хосе (143 тыс. чел.), Даллас (96 тыс. чел.), Сан-Франциско (84 тыс. чел.), Сиэтл (74 тыс. чел.), Вашингтон (69 тыс. чел.), Сан-Диего (58 тыс. чел.), Атланта (42 тыс. чел.) и Сакраменто (42 тыс. чел.) [23]. Как мы видим, 4 из 10 крупнейших городов с вьетнамским населением находятся в Калифорнии и 2 в Техасе, однако только в Техасе американские вьетнамцы входят в тройку крупнейших азиатских групп штата, в то время как в Калифорнии они не вошли в это число [23].

62% из ныне проживающих на территории США вьетнамцев родились за границей, а 32% родились в США. Эти цифры немного меньше средних показателей по рождению американцев азиатского происхождения за рубежом (57%) и в США (43%) [23]. 76% всех родившихся за границей вьетнамцев имеют сегодня американское гражданство, и только 24% его не имеют [23]. Напомним, что США предоставляют гражданство автоматически по факту рождения на территории страны.

Отвечая на вопрос, как долго проживают американские вьетнамцы в США, мы можем привести следующую статистику. В 2019 году 78% американцев вьетнамского происхождения проживали в США более 10 лет, в то время как в 2000 г. таких было 53%, в 2010 г. – 76%, в 2015 г. показатель не изменился и составил те же 76%. Вьетнамцев же, проживающих на территории США менее 10 лет, в 2019 г. было 22%, а в 2000 соответственно – 47%, в 2010 г. – 24% и столько же в 2015 г. – 24% (См, Таблицу 4) [23].

Средний возраст среднестатистического американского вьетнамца составляет 37 лет, что ненамного выше возраста среднестатистического американского азиата – 34 года. Средний возраст вьетнамцев, рождённых в США, существенно ниже (17 лет), чем средний возраст американских вьетнамцев, рождённых за рубежом (45 лет) [23].

Примерно 55% американских вьетнамцев состоят в браке. Из них 65% состояли в браке на момент въезда в США и только 25% вступили в брак на территории США. 13% состоят в разводе, 15% были в разводе на момент въезда в США и 5% развелись уже в США. 32% американских вьетнамцев (от 18 лет) никогда не состояло в браке. 20% не состояло в браке на момент въезда и 70% не состоящих сегодня в браке родились на территории США [23].

Около четверти американцев азиатского происхождения (27%) живут в домашних хозяйствах разных поколений, но некоторые группы происхождения гораздо чаще, чем другие, делают это. Домашние хозяйства разных поколений вклю-

Год	От 0 до 10 лет	Более 10 лет
2000	47	53
2010	24	76
2015	24	76
2019	22	78

Табл. 4. Время нахождения в США вьетнамских иммигрантов, 2000–2019 гг. (в %).

Источник: [23].

Table 4. Length of time in the U.S. for Vietnamese immigrants, 2000–2019 (in %).

Source: [23].

чают в себя два или более взрослых поколения или как бабушек и дедушек, так и внуков. Более половины бутанцев (56%) и большой процент камбоджийцев (42%) и лаосцев (40%) живут в домашних хозяйствах разных поколений, и к этой группе примыкают вьетнамцы. 34% вьетнамцев живут в многопоколенческой семье. С другой стороны, только 16% малайзийцев и 13% монголов живут в домашних хозяйствах разных поколений. Среди американцев в целом 20% живут в домашних хозяйствах разных поколений [11].

Каков уровень образования вьетнамца из США, и как он соотносится с уровнем образования других азиатов США? Доля американцев азиатского происхождения в возрасте 25 лет и старше, имеющих, по крайней мере, степень бакалавра, сильно варьируется в зависимости от группы происхождения. Доля имеющих степень бакалавра и магистра составляет 22% и 10% соответственно, т. е. 32% в совокупности, что ниже среднего уровня освоения высшего образования американскими азиатами (54%). Вьетнамцы существенно уступают индийцам (75%), малайзийцам (65%), монголам (60%) или шриланкийцам (60%) (См.: табл. 5) [23].

Различия в уровне образования между группами национального происхождения частично отражают уровень образования, который иммигранты приносят в США. Например, три четверти американских индийцев имели степень бакалавра или более в 2019 году. Многие из них уже имели степень бакалавра, когда прибыли в США с визами для высококвалифицированных рабочих. С 2001 года половина виз H-1B, для которых требуется степень бакалавра или эквивалент, досталась индийцам. В целом относительно высокий уровень образования вьетнамских американцев может объясняться благоприятной политикой государства, правительств штатов и оказанием косвенной помощи со стороны сильных этнических сообществ вьетнамских американцев.

Владеют ли вьетнамцы, живущие в США, английским языком? К владеющим английским языком мы можем отнести тех, кто говорит дома только по-английски, или, если они говорят дома не на английском языке, они обычно указывают, что могут говорить по-английски хотя бы "очень хорошо". 54% всех американских вьетнамцев указывает, что владеет английским языком. Из тех, кто родился уже в США, владеют английским языком – 90% и только 35% родившееся за границей. Из всех азиатских групп, населяющих США, 72% вьетнамцев владеют английским языком [23]. Напомним тот факт, что именно владение языком страны проживания существенно ускоряет процесс аккультурации мигрантов либо в форме ассимиляции, либо в форме интеграции. Незнание языка может сепарировать или маргинализировать вьетнамское население.

От демографических характеристик перейдём к социально-экономическим характеристикам американских вьетнамцев, основные из которых представлены в Таблице 6 [23]. Существуют значительные различия в доходах между группами азиатского происхождения. Средний годовой доход азиатских домохозяйств в США в 2019 году составил 85 800 долларов США, что выше 61 800 долларов США среди всех домашних хозяйств США. Но только две группы азиатского происхож-

Категория	Средняя школа и меньше	Колледж	Степень бакалавра	Магистратура и выше
Все	45	23	22	10
Родился в США	19	26	37	18
Родился за пределами США	51	22	19	8
Все азиаты	27	19	30	24
Все американцы	39	29	20	13

Табл.5. Образовательный уровень вьетнамского населения в США, 2019 г. (в %).

Источник: [23].

Table 5. Educational attainment of Vietnamese population in the U.S., 2019 (in %).

Source: [23].

дения имели доходы домашних хозяйств, которые превысили медиану для американцев азиатского происхождения в целом: индийцы (119 000 долларов США) и филиппинцы (90 400 долларов США). Медианный годовой доход вьетнамских домашних хозяйств составил 69800 долларов США. Большинство других групп происхождения были значительно ниже национального медианного показателя для американцев азиатского происхождения, в том числе двух с самыми низкими медианными доходами домашних хозяйств – бирманскими (44 400 долларов) и непальскими (55 000 долларов США) [11].

Как и в случае с образованием и доходами, уровень бедности среди азиатов в США сильно различается. В 2019 году уровень бедности американцев азиатского происхождения составил 10% в 2019 году на 3 процентных пункта ниже общего уровня бедности в США (13%). Монголы и бирманцы имели самые высокие показатели бедности среди всех азиатских групп происхождения (25%) – более чем в два раза больше, чем в среднем по стране, и примерно в четыре раза больше, чем уровень бедности среди индийцев (6%), а уровень бедности среди американских вьетнамцев составил 12% (См.: табл. 7) [11].

Американские вьетнамцы имеют самый высокий уровень домовладения среди американцев азиатского происхождения (67%). Это сопоставимо с уровнем домовладения среди всех американцев (64%). Многие другие группы азиатско-американского происхождения имеют более низкие показатели домовладения. Например, только треть непальских американцев и менее половины бангладешцев (45%) и бирманских американцев (46%) владели своим домом в 2019 году [11].

С 2000 г. по настоящее время демонстрируется устойчивый рост вьетнамского населения США, в том числе за счёт продолжающегося прироста иммигрантов. Для вьетнамцев на современном этапе характерна именно иммиграция по семейным мотивам, несмотря на то что у них в приоритете получение грин-карт и трудоустройство в Соединённых Штатах [3, с.120]. Вьетнамских иммигрантов (вьеткиев) отличает высокий уровень приспособляемости среди других групп иммигрантов. В 2018 году 86% вьетнамских иммигрантов в Соединённых Штатах уже получили американское гражданство, а представители третьей волны эмиграции даже получили возможность голосовать на президентских выборах в США [20, р. 304].

В ряде социологических исследований результаты показали, что в семье родители-иммигранты оказались более образованными с вьетнамской точки зрения, чем их дети, а дети показали себя более вовлечёнными в американскую культуру, чем их родители. Старшие поколения показывают более высокий процент идентификации самих себя с вьетнамской культурой и выразили желание принимать участие в деятельности, связанной с вьетнамской культурой, по сравнению с подростками, в то время как младшее поколение избрало для себя приоритетным изучение и усовершенствование владения английским языком, более высоко оценили необходимость ознакомления с американской культурой и выразили же-

	Все азиаты США	Среди вьетнамцев в США		
		Все	Родились в США	Родились за границей
Медианный годовой доход домашних хозяйств	85800 долл. США	69800 долл. США	82400 долл. США	66000 долл. США
Медианный ежегодный личный заработок (в возрасте 16 лет и старше с положительным заработком)				
Все	40000 долл. США	31000 долл. США	30000 долл. США	32000 долл. США
Круглогодичные работники, занятые полный рабочий день	60000 долл. США	45000 долл. США	50000 долл. США	42000 долл. США
Статус занятости (граждане в возрасте 16 лет и старше), в %				
Занятый	64	64	63	64
Не работает	3	3	4	2
Не в рабочей силе	34	34	33	34
Уровень безработицы	4	4	5	3
Уровень бедности, в %				
Все возрасты	10	12	12	12
Младше 18 лет	10	12	11	17
18–64	10	11	12	11
65 лет и старше	12	16	11	16
Домовладение (домашние хозяйства), в %				
На правах владения	59	67	50	70
На правах аренды	41	33	50	30

Табл.6. Социально-экономические характеристики вьетнамских американцев, 2019 г.

Источник: [23].

Table 6. Socio-economic characteristics of Vietnamese Americans, 2019.

Source: [23].

ление участвовать в деятельности и событиях, организуемых американским правительством, и отмечать праздники, традиционные для американской культуры. В целом можно сказать, что дети гораздо более открыты для социального воздействия, чем их родители, из-за психологической устойчивости взрослого человека к внешним и социальным факторам.

По мере того как иммигранты все больше принимают участие в событиях, традиционных для принимающей (в нашем случае американской) культуры, то интеграция в инокультурное общество происходит существенно быстрее. Такая позиция побуждает людей применять определённые способы и стратегии, чтобы помочь себе адаптироваться к изменениям, которые они испытывают в процессе аккультурации.

В частности, аккультурационные стратегии маргинализации и сепарации (разделения) годами тормозили успешность интеграции в принимающее общество, но "вторичные" и "третичные" миграции вьетнамских иммигрантов по стране позволяли постепенно преодолевать анклавную замкнутость в рамках своей диаспоры. В какой-то степени можно отменить, что выбираемая стратегия интеграции выступала в качестве "посредника" между осведомлённостью и высокой

Группа	Все американцы	Все азиаты	Все вьетнамцы
Все	13	10	12
Родился в США	13	9	12
Родился за пределами США	14	11	12

Табл.7. Вьетнамское население США, живущее в нищете, 2019 г. (в %).

Источник: [23].

Table 7. U.S. Vietnamese population living in poverty, 2019 (in %).

Source: [23].

самооценкой. Ряд исследований утверждают, что американцы вьетнамского происхождения, воспользовавшиеся возможностью интегрироваться в американское общество, как правило, имеют более высокий уровень самооценки, чем вьетнамцы, которые использовали в качестве адаптации стратегии ассимиляции, маргинализации и сепарации [22].

Участие в событиях, традиционных для принимающей культуры, а также вовлечение в социум положительно влияют на самооценку и собственно психологическое состояние человека, вынужденного покинуть свою родную страну, в то время как другие стратегии аккультурации на самооценку оказали отрицательное влияние. На примере вьетнамской диаспоры можно сказать, что американцы вьетнамского происхождения, которые отказались от участия в событиях принимающей культуры и отказались от принятия традиций и устоев страны, которая их принимает, повсеместно испытывают трудности в социализации, чаще подвержены психологическим проблемам, среди которых отмечается снижение самооценки. В общем, для поддержания высокого уровня самооценки аккультурирующийся человек оптимально должен использовать стратегию интеграции и избегать стратегий маргинализации и сепарации [21, p. 310].

Какие же выводы можно сделать о процессе адаптации и интеграции вьетнамских беженцев, иммигрантов в США в рассматриваемый период времени?

Адаптация и интеграция вьетнамских беженцев и иммигрантов в Соединённых Штатах в 1980-х и 2020-х годах были сложными и разнообразными, с успехами и проблемами. Многие из этих беженцев столкнулись с серьёзными проблемами при адаптации к жизни в Соединённых Штатах, включая языковые барьеры, культурные различия и ограниченные экономические возможности. Хотя многие представители "третьей волны" были классифицированы как беженцы, со временем все больше и больше вьетнамцев прибывало в качестве уже обычных иммигрантов. Уровень образования был ограничен для "третьей волны" беженцев, и они, как правило не обладали, достаточно профессиональными навыками. Эта группа беженцев смогла быстро интегрироваться только в вьетнамскую диаспору, что обеспечило им поддержку и выживание.

Несмотря на эти проблемы, многие вьетнамские беженцы и иммигранты смогли наладить успешную жизнь в Соединённых Штатах. Американские вьетнамцы этого периода показывали одни из самых быстрых темпов повышения своей благосостоятельности среди всех азиатских иммиграционных групп США.

Со временем многие американцы вьетнамского происхождения стали активными участниками американского общества, внося свой вклад в жизнь своих сообществ и добиваясь успеха в самых разных областях.

Однако процесс адаптации и интеграции не всегда был гладким. Многие американцы вьетнамского происхождения сталкивались с дискриминацией и предрасудками как со стороны более широкого американского общества, так и со стороны других групп американцев азиатского происхождения. Некоторые боролись с бедностью, а многие столкнулись с трудностями в сохранении своей культурной самобытности при ассимиляции с американской культурой. Одной из характеристик вьетнамской традиционной культуры являлась способность адаптироваться

к изменениям, чтобы оставаться в гармонии с другими культурами и этническими группами в стране пребывания. Вьетнамцы придерживаются традиционных обычаев, приспосабливаясь к американской культуре, чтобы стать частью принимающей страны. В связи с этим вьетнамцы рассматривают американское общество в качестве не противника, а в качестве необходимого "ингредиента" для выживания. Этот способ адаптации контрастирует с таковыми у других азиатских этнических групп в США. Например, американцы японского происхождения являются одними из "наиболее однородных в мире", но весьма комплементарных групп к встраиванию в инокультурное сообщество, в то время как американцы китайского происхождения более склонны собираться в сегрегированных сообществах. Адаптация вьетнамских американцев содержит в себе как элементы японско-американского, так и китайского "не-американского" процесса аккультурации, но самобытность вьетнамской американской общины проявляется не в их сопротивлении переменам, а в их степени устойчивости и адаптируемости, а также сохранении ценностей старого мира.

В то же время вьетнамцы приспосабливаются к Соединённым Штатам, они работают над тем, чтобы сохранить сильный элемент культурной преемственности из региона Юго-Восточной Азии. Результат смешения культур родины и принимающих стран не полностью представляют вьетнамскую культуру. Вьетнамские иммигранты не просто приспособились к Америке, а, скорее, сделали её своим домом. Это проявляется не только в профессиях, образовании и обучении, которые они выбирают, но и в существенно изменившихся семейных и гендерных отношениях, а также изменившихся религиозных практиках, которые не соответствуют ни традиционным, ни американским стереотипам. Вьетнамцы предпочитают сохранять свои культурные ценности, но в то же время адаптируются чтобы принять участие в жизни американского общества, развивая свою идентичность как вьетнамских американцев. Например, они становятся более прямыми, откровенными и открытыми, что необходимо для интеграции в стране пребывания.

Процесс трансформации иммигрантов сложен, потому что каждый человек сталкивается с разными ситуациями, на которые он реагирует и меняется разными способами. Различия между поколениями играют важную роль. Есть, например, пожилые вьетнамцы, живущие на пособие в предоставленных им домах. Они мало взаимодействуют с американским обществом и склонны жить более традиционным для вьетнамцев образом. Вьетнамские американцы, которые въехали в США в раннем детстве, иногда их называют "полуторками", играют две роли в способах адаптации к американскому обществу. Они ведут себя как американцы вне дома, но дома с родителями и семьёй они говорят по-вьетнамски, едят вьетнамскую еду и общаются со своими родственниками во Вьетнаме. Они адаптируются к инокультурной среде в США, но в то же время они хотят быть и вьетнамцами. Они находятся между двумя разными культурами.

Другие вьетнамцы интегрируются в американское общество, не особо заботятся о сохранении своих корней. Особенно это актуально для второго поколения вьетнамских американцев, которые родились в США. Современные исследования говорят о том, что многие люди второго поколения американцев азиатского происхождения отвергают азиатскую культуру и стараются быть более американцами. Они пересматривают и уточняют свою идентичность, чтобы сформулировать и обсудить проблемы расы, пола и поколения как в своём диаспоральном сообществе, так и за его пределами. Это случилось, потому что молодое поколение вьетнамских американцев выросло в окружении американских сверстников, они теряют интерес к вьетнамским ценностям и обычаям. Некоторые говорят, что Вьетнам – это страна их родителей, и они мало знают о Вьетнаме. Они чувствуют себя американцами, поскольку родились в США, и говорят, что это их страна. Некоторые из этих молодых людей заходят так далеко, что отвергают вьетнамскую культуру и язык полностью.

Некоторые же вьетнамские американцы не чувствуют себя принадлежащими к тому, что они считают сообщество традиционных американцев. Эту разницу они

ощущают в основном на своей работе или в школе, но и с друзьями. Эти вьетнамские американцы говорят, что чувствуют разницу из-за цвета их кожи, потому что они дети беженцев и иммигрантов. Они переживают своего рода двойную идентичность, сконструированную через опыт общения с их вьетнамскими семьями и сообществом, которое контрастирует с опытом общения с другими американцами на работе и учёбе. Когда они вырастут, это может стать проблемой, поскольку национальность не определяет правовой статус, но имеет отношение к идентичности и чувству принадлежности.

В рамках "теории аккультурации" Дж. Берри утверждает, что иммигрант выбирает одну из четырёх стратегий аккультурации: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию и маргинализацию. На эти стратегии могут влиять такие факторы, как возраст, пол и культурное происхождение. В 1980-х и 2020-х годах вьетнамские беженцы и иммигранты в Соединённых Штатах продемонстрировали ряд стратегий аккультурации в зависимости от их возраста и пола. Например, пожилые вьетнамские иммигранты с большей вероятностью принимали стратегию сепарации, которая предполагает сохранение своей традиционной культуры и избегание контакта с доминирующей культурой. Возможно, они жили во вьетнамских общинах, говорили на своём родном языке и придерживались традиционных обычаев и верований. Молодые вьетнамские беженцы и иммигранты с большей вероятностью примут стратегию ассимиляции, которая предполагает принятие доминирующей культуры и отказ от своей собственной культуры. Вьетнамская молодёжь активно учила английский язык, перенимала американский стиль одежды и восприняла американские культурные обычаи. Вьетнамские иммигрантки-женщины с большей вероятностью примут стратегию интеграции, которая предполагает сохранение элементов их традиционной культуры, а также принятие аспектов доминирующей культуры. Возможно, они продолжали готовить традиционные вьетнамские блюда и участвовать во вьетнамских культурных мероприятиях, а также придерживались американских культурных обычаев.

В целом адаптация и интеграция вьетнамских беженцев и иммигрантов в Соединённых Штатах в 1980-х и 2020-х годах имела неоднозначный успех, как с положительными, так и с отрицательными результатами. Однако с тех пор американцы вьетнамского происхождения стали важной и активной частью американского общества, во многом внося свой вклад в культурную и экономическую ткань страны.

В итоге отметим, что вьетнамцы в США (в отличие от китайцев или японцев) прошли существенно меньший иммиграционный путь, путь интеграции в американское общество, но это не снижает актуальность изучения специфики вьетнамской иммиграции в США и выбора ими той или иной аккультурационной стратегии.

Литература

1. Берри Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл, П.Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 554 с.
2. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120>
3. Иванов О. А. Иммиграция и иммиграционная политика в США: 1990-е годы: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Иванов. Москва, 2005.
4. American Homecoming Act (H.R. 3171). URL: <https://www.congress.gov/bill/100th-congress/house-bill/3171> (дата обращения: 2.10.2021).
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // International Migration Review. 1987. № 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. № 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // Applied Psychology. 1989. № 38. P. 185–206.
8. Desilver D. U.S. public seldom has welcomed refugees into country / D. Desilver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/> (дата обращения: 2.10.2021).

9. Do Hien Duc. Vietnamese refugees in the United States: A review of the literature // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, № 1. P. 181–204.
10. Haines D. Case studies in diversity. Refugees in America in the 1990s / D. Haines. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996. 320 p.
11. Key facts about Asian origin groups in the U.S. // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-origin-groups-in-the-u-s/> (дата обращения: 2.10.2021).
12. Kula S. Vietnamese Americans: History, Education, and Societal Context / S. Kula, V. Tran, I. Garcia, E. Satio, S. Paik // *Journal of Southeast Asian American Education and Advancement*. 2021. Vol. 16. № 1. P. 1–21.
13. Nhu-Ngoc T. Protest and Political Incorporation: Vietnamese American Protests in California, 1975–2001 / T. Nhu-Ngoc, D. Meyer // *Journal of Vietnamese Studies*. 2008. Vol. 3. № 1. P. 85.
14. O'Hare, W. America's minorities – the demographics of diversity / W. O'Hare // *Population bulletin*. 1992. № 47 (4). 45 p.
15. Penning K. Tradition, and pragmatism: an exploration into the career aspirations of Vietnamese refugee college students // *Selected papers on refugee's issues* / Edited by A. DeVoe. Washington, D.C.: American anthropological association, 1992. P. 89–99.
16. Roberts A. Differential reference group assimilation among Vietnamese refugees as immigrants / Edited by D. Haines. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1989. P. 40–54.
17. Starr P. Adaptation, and stress among Vietnamese refugees: preliminary considerations // *Proceedings of the first annual conference on Indochinese refugees* / P. Starr, M. Brodway, K. Erickson. Fairfax, Virginia: George Mason University, 1979. P. 110–127.
18. The amend the Immigration and Nationality Act to provide preferential in the admission of certain children of United States citizens. Public Law 97–359 – Oct. 22, 1982. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-96/pdf/STATUTE-96-Pg1716.pdf#page=1> (дата обращения: 2.10.2021).
19. The Refugee Act. 1980. URL: <https://www.acf.hhs.gov/orr/policy-guidance/refugee-act> (дата обращения: 2.10.2021).
20. Urban Ethnicity in the US: New Immigrants and Old Minorities. Beverly Hills: Sage. 1985. 304 p.
21. U.S. Immigration Policy / edited by Richard R. Hofstetter. NC: Duke Press. 1984. 310 p.
22. Vietnamese Immigration to the United States after the Vietnam War // *Vietnamese Immigration to the United States (1973-Present)*. URL: <http://immigration.umwblogs.org/vietnamese-immigration-to-the-united-states-after-the-vietnam-war/> (дата обращения: 2.10.2021).
23. Vietnamese in the U.S. Fact Sheet [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-vietnamese-in-the-u-s-fact-sheet/?menuitem=f5ba8f69-b6ae-4645-a599-3eee1cfe927a> (дата обращения: 2.10.2021).
24. Zhou M. Social Capital, and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans / M. Zhou, C. Bankston // *International Migration Review*. 1994. Vol. 28, № 4. P. 632–639.

References

1. Berry J. Cross-cultural psychology. Research and application / J. Berry, A.Kh. Purtinga, M.Kh. Segall, P.R. Dasen. Kharkov: Humanitarian Center, 2007. 554 p. (In Russ.).
2. Zhurbey E. V. The history of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60-80s XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // *Ojkumena. Regional research*. 2022. No. 2. P. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120> (In Russ.).
3. Ivanov O.A. Immigration and immigration policy in the USA: 1990s: dis. ... cand. ist. sciences / O.A. Ivanov. Moscow, 2005. (In Russ.).
4. American Homecoming Act (H.R. 3171). URL: <https://www.congress.gov/bill/100th-congress/house-bill/3171> (accessed 2.10.2021).
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // *International Migration Review*. 1987. № 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1974. № 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // *Applied Psychology*. 1989. № 38. P. 185–206.
8. Desilver D. U.S. public seldom has welcomed refugees into country / D. Desilver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/> (accessed 2.10.2021).
9. Do Hien Duc. Vietnamese refugees in the United States: A review of the literature // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, № 1. P. 181–204.
10. Haines D. Case studies in diversity. Refugees in America in the 1990s / D. Haines. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996. 320 p.
11. Key facts about Asian origin groups in the U.S. // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-origin-groups-in-the-u-s/> (accessed 2.10.2021).
12. Kula S. Vietnamese Americans: History, Education, and Societal Context / S. Kula, V. Tran, I. Garcia, E.

- Satio, S. Paik // *Journal of Southeast Asian American Education and Advancement*. 2021. Vol. 16. № 1. P. 1–21.
13. Nhu-Ngoc T. Protest and Political Incorporation: Vietnamese American Protests in California, 1975–2001 / T. Nhu-Ngoc, D. Meyer // *Journal of Vietnamese Studies*. 2008. Vol. 3. № 1. P. 85.
14. O'Hare, W. America's minorities – the demographics of diversity / W. O'Hare // *Population bulletin*. 1992. №47 (4). 45 p.
15. Penning K. Tradition, and pragmatism: an exploration into the career aspirations of Vietnamese refugee college students // *Selected papers on refugee's issues* / Edited by A. DeVoe. Washington, D.C.: American anthropological association, 1992. P. 89–99.
16. Roberts A. Differential reference group assimilation among Vietnamese refugees as immigrants / Edited by D. Haines. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1989. P. 40–54.
17. Starr P. Adaptation, and stress among Vietnamese refugees: preliminary considerations // *Proceedings of the first annual conference on Indochinese refugees* / P. Starr, M. Brodway, K. Erickson. Fairfax, Virginia: George Mason University, 1979. P. 110–127.
18. The amend the Immigration and Nationality Act to provide preferential in the admission of certain children of United States citizens. Public Law 97–359 – Oct. 22, 1982. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-96/pdf/STATUTE-96-Pg1716.pdf#page=1> (accessed 2.10.2021).
19. The Refugee Act. 1980. URL: <https://www.acf.hhs.gov/orr/policy-guidance/refugee-act> (accessed 2.10.2021).
20. *Urban Ethnicity in the US: New Immigrants and Old Minorities*. Beverly Hills: Sage. 1985. 304 p.
21. *U.S. Immigration Policy* / edited by Richard R. Hofstetter. NC: Duke Press. 1984. 310 p.
22. *Vietnamese Immigration to the United States after the Vietnam War* // *Vietnamese Immigration to the United States (1973-Present)*. URL: <http://immigration.umwblogs.org/vietnamese-immigration-to-the-united-states-after-the-vietnam-war/> (accessed 2.10.2021).
23. *Vietnamese in the U.S. Fact Sheet* // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/fact-sheet/asian-americans-vietnamese-in-the-u-s-fact-sheet/?menuItem=f5ba8f69-b6ae-4645-a599-3eee1cfe927a> (accessed 2.10.2021).
24. Zhou M. Social Capital, and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans / M. Zhou, C. Bankston // *International Migration Review*. 1994. Vol. 28, №. 4. P. 632–639.

Евгений Викторович ЖУРБЕЙ, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия; доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук филиала Владивостокского государственного университета, г. Находка, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Елена Александровна ГЛАЗКОВА, старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sh_elenaa@mail.ru

Елена Андреевна РЫБАЧЕНКО, старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: rybachenko.ea@dvfu.ru

Evgeny V. ZHURBEY, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru,

Elena A. GLAZKOVA, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sh_elenaa@mail.ru

Elena A. RYBACHENKO, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: rybachenko.ea@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 20.03.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Образовательная миграция из Монголии в Канаду

Анна Викторовна ВИНОКУРОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Мунхбат ОРОЛМАА

Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, munkhbat@num.edu.mn

Оюунханд ШАГДАР

Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, ondio_d@yahoo.com

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные тенденции, характеризующие образовательную миграцию из Монголии в Канаду. В качестве основного исследовательского инструментария использованы данные международной и национальной статистики ООН, ЮНЕСКО, Правительства Канады и др. Монгольские мигранты в Канаде – это одна из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов. Хотя Канада пока еще не является высоко востребованным направлением для граждан Монголии в плане получения высшего образования, совершенствования знания английского языка, но имеет в этом отношении достаточно высокий потенциал. Образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства и профессиональной самореализацией.

Ключевые слова: миграционные процессы, образовательная миграция, студенты, Монголия, Канада

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР".

Для цитирования: Винокурова А.В., Оролмаа М., Шагдар О. Образовательная миграция из Монголии в Канаду // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 64–73. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/64-73>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/64-73>

The Educational Migration from Mongolia to Canada

Anna V. VINOKUROVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian, vinokurova77@mail.ru

Munkhbat OROLMAA

National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, munkhbat@num.edu.mn

Oyunkhand SHAGDAR

National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, ondio_d@yahoo.com

Abstract. This paper examines the main trends characterizing educational migration from Mongolia to Canada. The data of international and national statistics of the United Nations, UNESCO, the Government of Canada, etc. were used as the main research tools. Mongolian migrants in Canada are one of the fastest growing groups of foreign migrants. Although Canada is not yet a popular destination for Mongolian citizens in terms of higher education, improving English language skills, it has high potential in this regard. Educational migration from Mongolia to Canada is associated with further employment prospects and professional self-realization.

Keywords: migration processes, educational migration, students, Mongolia, Canada

The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 "Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region".

For citation: Vinokurova A.V., Orolmaa M., Shagdar O. The Educational Migration from Mongolia to Canada // Oriental Institute Journal. 2023. No. 2. P. 64–73. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/64-73>

Канада является одной из крупнейших стран мира (второе место по занимаемой территории), постоянное население которой во многом формировалось за счет мигрантов. По данным на 2021 год в Канаде проживало более 8 млн мигрантов, что составляет почти четверть (23%) от общей численности населения страны [см. подробнее: 11]. Население страны продолжает стареть, уровень рождаемости находится ниже границы воспроизводства населения, в данных условиях международная миграция является для Канады основным источником роста населения.

№ п/п	Страна	% от общего числа международных мигрантов в 2016 г.	% от общего числа международных мигрантов в 2021 г.
1.	Индия	12,1	18,6
2.	Филиппины	15,6	11,4
3.	Китай	10,6	8,9
4.	Сирия	2,5	4,8
5.	Нигерия	1,4	3,0
6.	США	2,7	3,0
7.	Пакистан	3,4	2,7
8.	Франция	2,0	2,0
9.	Иран	3,5	1,9
10.	Великобритания	2,0	1,7

Табл. 1. ТОП-10 стран, обеспечивающих наибольший приток международных мигрантов в Канаду.

Источник: [17].

Table 2. TOP-10 Places of Birth Reported by Recent Immigrants, Canada.

Source: [17].

В настоящее время масштабы международной миграции в Канаду продолжают увеличиваться, и если указанные тенденции сохранятся, то, по прогнозам Статистической службы Канады, доля международных мигрантов может составить от 29,1% до 34,0% всего населения Канады к 2041 году.

На протяжении достаточно длительного периода (с момента освоения североамериканского континента европейцами) большинство международных мигрантов в Канаде были выходцами из Великобритании и Франции. Но за последние 50 лет численность мигрантов из Европы существенно сократилась, а доля мигрантов – выходцев из стран Азии, включая государства Ближнего Востока, продолжает расти. Данный тренд доминирует и в настоящее время (см.: табл. 1).

Как видим, доля мигрантов из Индии за последние пять лет существенно возросла, практически каждый пятый международный мигрант в Канаде – это выходец из Индии. Также высока доля мигрантов из других азиатских стран, в частности, из Филиппин и Китая, но в последнее время наметилась тенденция к снижению их численности. Кроме того, практически в два раза выросло число мигрантов из Сирии и Нигерии. Миграция из других государств в Канаду, входящих в ТОП-10, практически не меняется либо имеет место незначительное снижение миграционного прироста.

Монгольские мигранты не обладают столь высокой численностью, как мигранты из других стран, обозначенных нами выше, но представляют собой одну из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов в Канаде (см.: рис. 1).

Как показывают данные, представленные на рис. 1, за последние почти тридцать лет численность монгольских мигрантов увеличилась более чем в шестьдесят раз. Другим словами, темпы роста мигрантов – выходцев из Монголии – значительно выше, чем мигрантов из других государств.

Статус мигрантов из Монголии (как и мигрантов из других иностранных государств) в Канаде регламентируется нормативно-правовыми актами, регулирующими потоки долгосрочной и временной миграции. Часть временных мигрантов в Канаде являются обладателями различных типов рабочих виз. По данным Статистической службы Канады, из временных иностранных работников 44% относятся к категории высококвалифицированных специалистов, 39% составляют работники низкой квалификации, еще 17% – это мигранты без подтвержденной

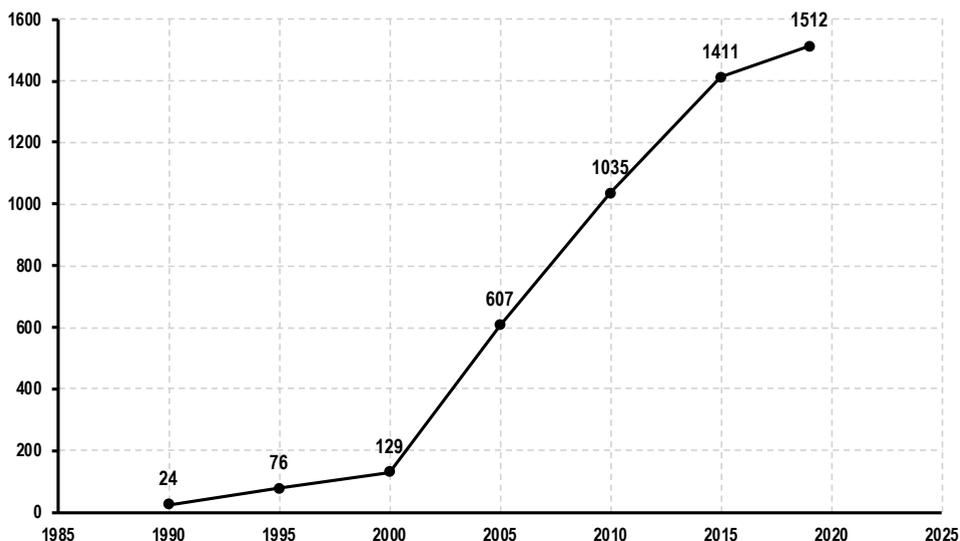

Рис. 1. Численность монгольских мигрантов в Канаде в 1990–2019 гг., чел.

Источник: составлено авторами на основе: [12].

Fig. 1. The Number of Mongolian Migrants in Canada in 1990–2019, pers.

Source: compiled by the authors based on: [12].

квалификации, но имеющие официальный заработок [см. подробнее: 20]. В дальнейшем, как показывают результаты различных исследований [см. подробнее: 7; 10; 18], около четверти временных мигрантов получают вид на жительство и в перспективе канадское гражданство.

Еще одной категорией временных виз для иностранных мигрантов являются студенческие визы. Образовательная миграция позволяет иностранным гражданам в возрасте от 18 до 35 лет приезжать в Канаду по студенческой визе для очного обучения в колледжах и университетах, других высших и средних специальных учебных заведениях.

Имеется два основных типа виз. Виза SW-1 выдается иностранным гражданам, в том числе и гражданам Монголии, которые проходят различные программы стажировок, в том числе и языковых, с выдачей соответствующих подтверждающих сертификатов, продолжительностью не более шести месяцев. Также есть виза S-1, как раз именно этот тип визы чаще всего получают монгольские студенты. Наличие такой визы означает, что срок пребывания в Канаде составляет более полугодя, и предполагается обучение по программам среднего специального и высшего образования в колледжах и университетах с получением соответствующего диплома. Если монгольский студент обладает такой визой, то он может совмещать учебу и работу.

Канада является одним из мировых лидеров в области образования, занимает третье место (после США и Австралии) по количеству иностранных студентов. По данным Канадского бюро международного образования, контингент иностранных студентов, обучающихся по программам всех уровней обучения, по итогам 2022 года составил 807 750 человек, из них 373 599 чел. – студенты вузов, доля иностранных студентов – 17,2% [см. подробнее: 6; 13]. Количество иностранных студентов неуклонно растет (см. табл. 2).

Представленные в табл. 2 сведения репрезентируют, что с 2010/11 по 2015/16 год количество иностранных студентов увеличилось на 61%; в период с 2015/16 по 2018/2019 гг. – на 39,6%; с 2018/19 по 2019/2020 гг. – на 13,6%. Некоторое снижение численности иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, отмечено в 2020/2021 году по сравнению с 2019/2022 годом, что обусловлено введением жестких ограничений в связи с пандемией COVID-19. Но в

Год	Всего иностранных студентов (высшее образование), чел.
2010/11	142 170
2011/12	158 106
2012/13	174 249
2013/14	199 059
2014/15	217 521
2015/16	228 924
2016/17	256 494
2017/18	296 496
2018/19	341 964
2019/20	388 782
2020/21	373 599

Табл. 2. Численность иностранных студентов в Канаде в 2010/11 – 2020/21 гг.

Источник: [9].

Table 2. Number of Foreign Students in Canada in 2010/11 – 2020/21.

Source: [9].

целом за прошедшие десять лет численность иностранных студентов в Канаде увеличилась на 162,7%.

По данным 2022 года подавляющее большинство иностранных студентов в Канаде среди студентов всех уровней обучения составляют граждане Индии – 319 000 чел. (39,4%). На втором месте по численности – студенты из Китая (100 010 чел. или 12,3%). Третье место занимают студенты из Филиппин (32 425 чел. или 4,1%). Далее по убывающей следуют: студенты из Франции – 27 110 чел. (3,3%); Нигерии – 21 645 чел. (2,7%); Ирана – 21 105 чел. (2,6%); Республики Корея – 16 500 чел. (2,1%); Вьетнама – 16 130 чел. (1,9%); Мексики – 14 920 чел. (1,8%); США – 14 465 чел. (1,7%) [см. подробнее: 14].

Если говорить о студентах из Монголии, обучающихся в Канаде по программам высшего образования, то динамику их численности можно представить следующим образом (см. рис. 2).

Данные, приведенные на рис. 2, показывают, что численность монгольских студентов, получающих высшее образование в Канаде, неуклонно росла. Так, в 2019 году, до пандемии, в Канаде обучалось 265 монгольских студентов. Это число упало до 230 в 2020 году, после начала пандемии. Несмотря на небольшое число монгольских студентов в абсолютном выражении, в Канаде наблюдается их значительный процентный рост. Например, в 2004 году в стране было всего 20 монгольских студентов. С 2011 по 2012 год их число почти удвоилось: с 90 до 170 студентов. В целом численность монгольских студентов в Канаде за прошедший двадцатилетний период увеличилась более чем в двадцать пять раз.

Определенным образом это связано с положительной динамикой внешнеполитических монгольско-канадских отношений. Так, Канада признала независимость Монголии в 1964 году, дипломатические отношения были установлены в 1973 году. Монголия открыла свое посольство в Канаде в 2001 году, а посольство Канады в Монголии было открыто в Улан-Баторе в сентябре 2008 года. Именно в этот период (после открытия посольств) наблюдается наиболее активный рост численности монгольских студентов в канадских вузах.

И хотя пока Канада не является высоко востребованным направлением для монгольских студентов в плане получения высшего образования, все же определенный потенциал имеется. Хотелось бы отметить, что между Монголией и Ка-

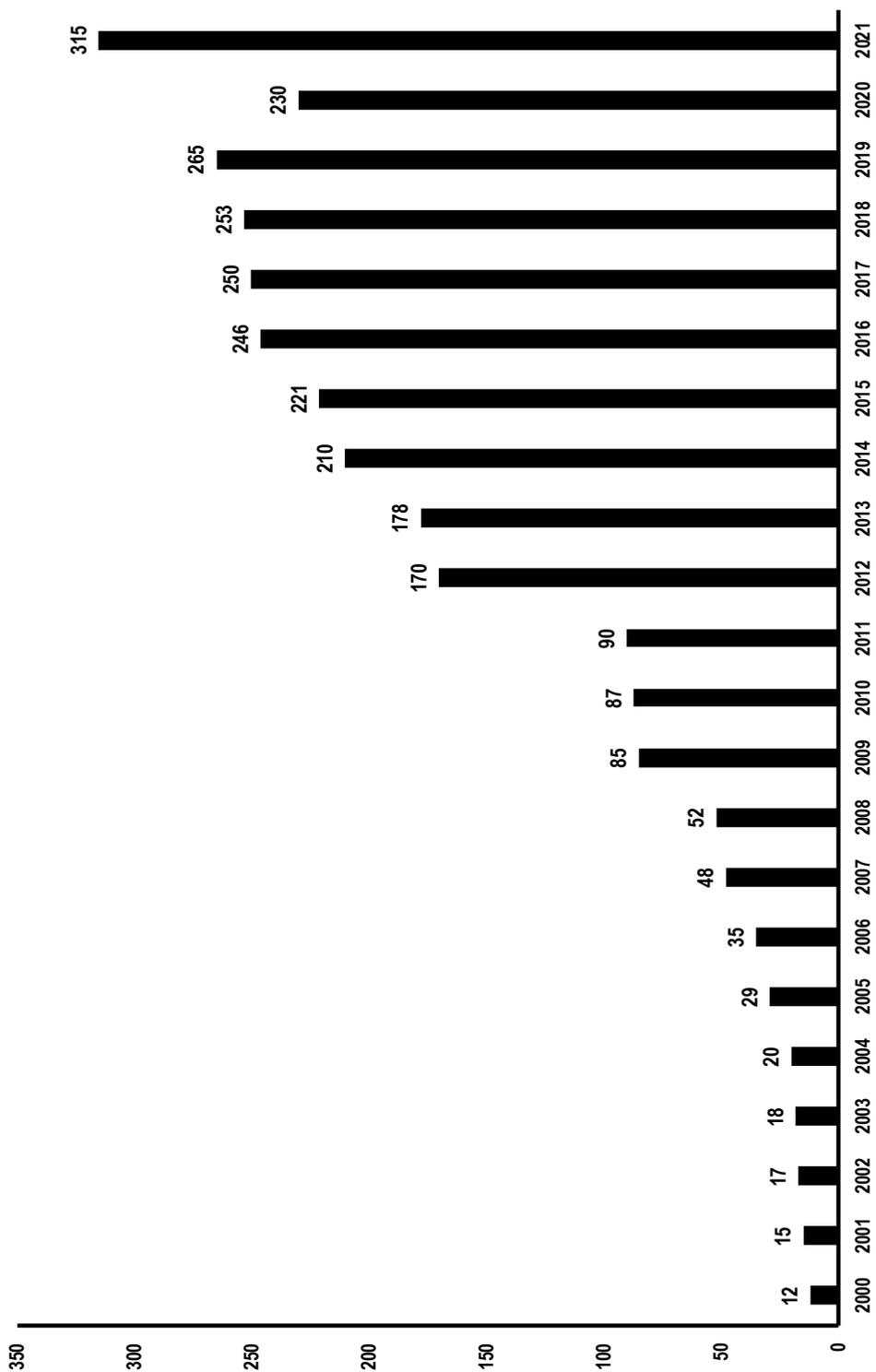

Рис. 2. Численность студентов из Монголии, обучающихся в Канаде по программам высшего образования в 2000–2021 гг., чел.

Источник: составлено авторами на основе: [15].

Fig. 2. The Number of Mongolian Students in Canada in 2000–2021, pers.

Source: compiled by the authors based on: [15].

надой, особенно ее северными провинциями, имеется поразительное сходство, в частности, климат, суровая география и малочисленность населения. Можно предположить, что это некоторым образом смягчает процесс адаптации монгольских студентов в Канаде, положительно влияет на их интеграцию в принимающей стране. Также действует более двухсот различных стипендиальных программ для граждан Монголии на обучение в колледжах и университетах Канады. В частности, Йоркский университет предоставляет ежегодно три стипендии монгольским гражданам, предусматривающим возможность обучения по двойным программам бакалавриата в области социальных и гуманитарных наук: экономика и политология; психология и информационные технологии; социология и урбанистика; международные отношения и география; история и политология. Кроме того, у студентов из Монголии есть возможность получить степень бакалавра, пройдя обучение в Университете Манитобы, Хамбер колледже, Виндзорском университете. Стипендии для получения образования по магистерским программам для монгольских граждан предоставляет Университет Британской Колумбии, Университет Макгилла, Университет Торонто. Помимо этого, в 2023 году заключены новые партнерские соглашения между Монгольским государственным университетом и вузами Канады – Университетом коренных народов Канады и Университетом Регины, предусматривающие совместную образовательную и исследовательскую деятельность, реализацию обменных программ в рамках академической мобильности обучающихся и преподавателей.

Граждане Монголии – обладатели студенческих виз S-1, находясь в Канаде, имеют возможность совмещать работу и обучение, не получая специального разрешения именно на ведение трудовой деятельности. Продолжительность рабочего дня в таком случае должна составлять не более 20 часов в неделю в течение семестра, также возможна занятость на полный рабочий день во время каникул. Средний заработок монгольских студентов составляет чуть более 37 тыс. канадских долларов в год, это около 3 100 канадских долларов в месяц. Позиции начального уровня предполагают заработную плату от 27,3 тыс. канадских долларов в год, а студенты, имеющие опыт работы и занятые на должностях более высокого уровня, могут зарабатывать около 63 тыс. канадских долларов год. Это весьма привлекательные условия. Так, Национальный статистический комитет Монголии приводит данные о среднемесячной заработной плате сотрудников предприятий и учреждений, она составляет 1 279 400 тугриков в месяц [16], что эквивалентно сумме примерно в 500 канадских долларов. Другими словами, работая в Канаде, у монгольских студентов есть возможность в среднем получать ежемесячный доход приблизительно в шесть раз выше, чем работая в своей стране.

Отметим, что имеют место и другие стимулы. Как мы уже указали, это возможность легально совмещать обучение и работу, а также перспектива овладеть английским и/или французским языком на более высоком уровне, получить диплом с квалификацией, признаваемой в других государствах мира. Также Канада – это страна, характеризующаяся высоким уровнем толерантности, безопасности и качества жизни.

Примечательный факт, что большинство монгольских студентов, обучающихся в Канаде – это семейные женщины с детьми. Поэтому "притягивающим" фактором является еще и то, что в Канаде нет особых трудностей в плане легитимного пребывания в стране супруга/супруги студента и их детей. Нет никаких ограничений на количество часов, в течение которых супруг, не имеющий статуса студента, может работать в Канаде в течение срока действия визы.

По завершении обучения у монгольских студентов есть возможность продолжить его на более высоком уровне (магистратура, докторантура и пр.), получить вид на жительство и в перспективе канадское гражданство. Студенты из Монголии, проучившиеся очно (дневная форма обучения) не менее двух лет в аккредитованном колледже или университете, имеют право подать заявление на получение постоянного вида на жительство по программе Canadian Experience Class (CEC). Получение визы CEC также является одной из причин, по которой граждане

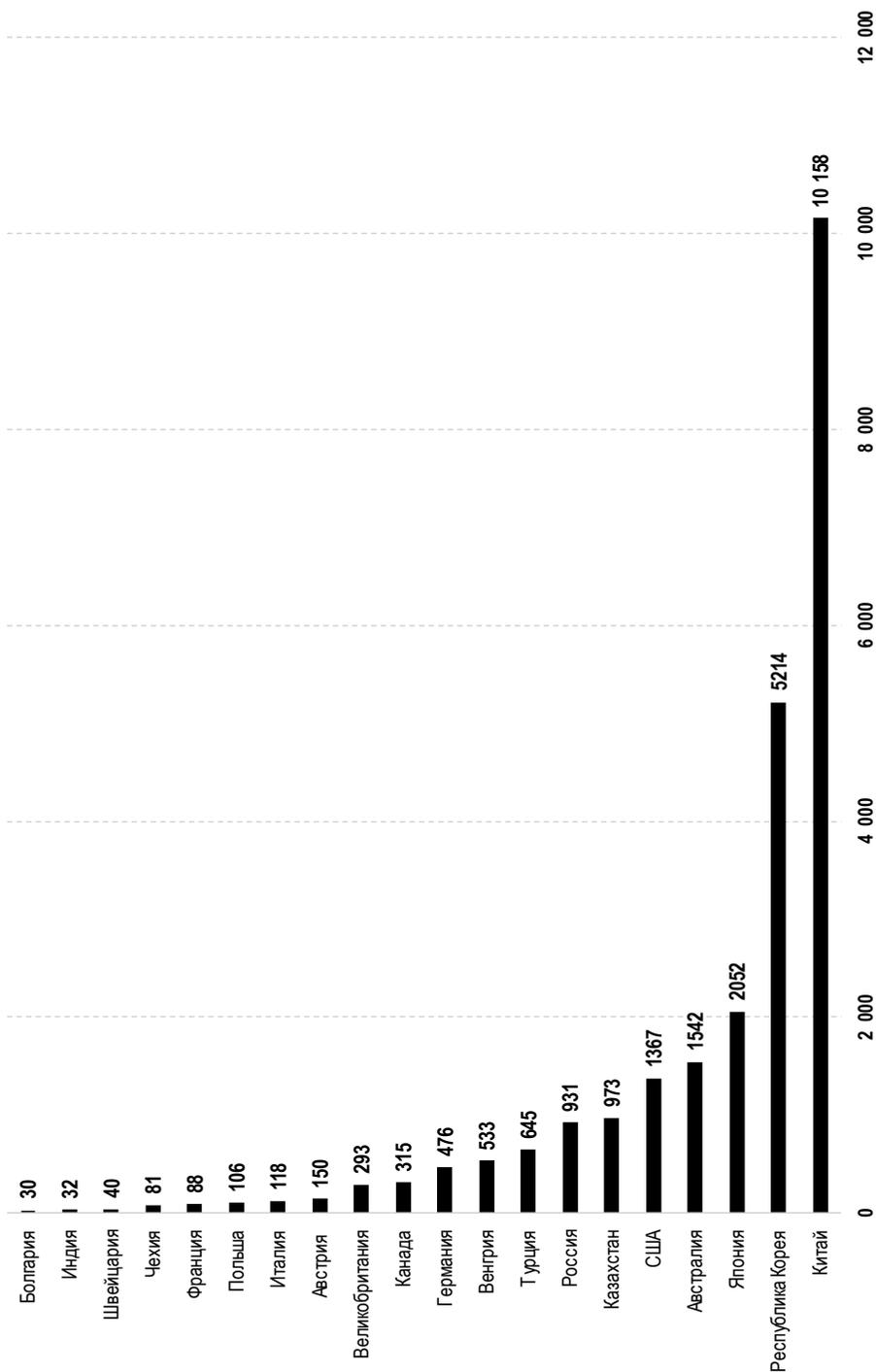

Рис. 3. ТОП-20 стран мира наибольшей численностью студентов из Монголии, чел.

Примечание: данные по Китаю приводятся по состоянию на 2018 год; по России – на 2019 год; по Индии и Канаде – на 2021 год; по всем остальным государствам – на 2020 год.

Источник: составлено авторами на основе: [8; 15; 19]

Fig. 3. TOP-20 Countries of the World with the Largest Number of Students from Mongolia, pers.

Note: Data for China are as of 2018; in Russia – for 2019; in India and Canada – for 2021; for all other countries – for 2020.

Source: compiled by the authors based on: [8; 15; 19].

Монголии стремятся получить образование в Канаде, это прямой путь к получению канадского гражданства. Также после завершения образовательной программы, продолжительность которой составляет два года и более, можно претендовать на получение трехлетней рабочей визы, что в дальнейшем также облегчает получение вида на жительство и канадского гражданства.

В целом Монголия является очень перспективным образовательным рынком. Мы, как и многие другие авторы, неоднократно отмечали, что такая динамика обусловлена значительной долей молодого населения, популярностью высшего образования среди различных слоев населения [см. подробнее: 1; 2; 3; 4; 5]. Полагаем, что число монгольских студентов в зарубежных университетах будет продолжать расти (см.: рис. 3).

Представленные на рис. 3 данные наглядно демонстрируют, что по числу монгольских студентов Канада хоть и значительно отстает от стран АТР и США, но при этом существенно обгоняет европейские страны. У Канады есть потенциал в плане увеличения спроса на высшее образование среди монгольской молодежи.

В целом можно сделать вывод, что образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства, профессиональной самореализацией. Канадское образование – это хорошие стартовые возможности. Однако это вовсе не значит, что диплом канадского вуза автоматически дает молодым монголам какие-либо преференции. Монгольские мигранты сталкиваются с высокой конкуренцией не только со стороны канадцев, но и выходцев из других стран, в том числе и Азии. Зачастую молодые люди, получившие образование в Канаде, возвращаются в Монголию и строят карьеру в своей родной стране. Власти Монголии стремятся активизировать процесс возвратной миграции молодежи посредством различных мер. Так, Правительство Монголии предоставляет ссуды студентам, выезжающим для получения высшего образования за пределы страны через специальный государственный фонд, который требует, чтобы студенты после получения высшего образования за рубежом вернулись на родину и работали в Монголии в течение как минимум пяти лет после завершения обучения.

Полагаем, что исследование рассматриваемой нами проблемы в будущем целесообразно дополнить не только статистическим анализом, но и социологическими методами. Это позволит нам более детально описать образовательные стратегии монгольских мигрантов.

Литература

1. Бадараев Д. Д. Демографическая динамика и модернизационные изменения в системе жизнеобеспечения монгольского общества // *Власть*. 2021. Т. 29. № 5. С. 278–284. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8573
2. Винокурова А. В., Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар. Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития // *Социальные и экономические системы*. 2021. № 3 (21). С. 190–202.
3. Галиймаа Нямаа. Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются // *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры: сборник статей / отв. ред. С. А. Панарин*. М.: Нестор-История, 2016. С. 19–34.
4. Дагбаев А. Д. Актамов И. Г. Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2017. № 2. С. 73–80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-2-73-80
5. Цэцэнбилэг Цэвээн, Пурэвханд Жаргалсайхан. Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн одоогийн байдал (статистикийн шинжилгээ) = Неформальная занятость в Монголии: состояние и тенденции развития (статистический анализ) // *Мир Центральной Азии – V: сборник научных статей*. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 603–606. DOI: 10.53954/9785604788981_603
6. Canada International Student Statistics // Study in Canada website. URL: <https://studying-in-canada.org/canada-international-student-statistics/#:~:text=International%20Students%20in%20Canada%20Through%20the%20Years&text=As%20a%20consequence%2C%20the%20proportion,17.8%20percent%20by%202019%2F2020> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Choi Y., Crossman E., Hou F. International Students as a Source of Labor Supply: Transition to Permanent Residency // *Economic and Social Reports*. 2021. No 1 (6). P. 1–10.
8. Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO Institute for Statistics website. URL: <http://uis.unesco>.

org/en/uis-student-flow (дата обращения: 12.04.2023).

9. Historical International Student Statistics in Canada // ERUDERA.com: website. URL: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (дата обращения: 11.04.2023).

10. Hou F., Crossman E., Picot G. Two-Step Immigrant Selection: an Analysis of Its Expansion in Canada // *Economic Insights*. 2020. No. 112. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-626-x/11-626-x2020010-eng.htm> (дата обращения: 12.04.2023).

11. Immigrants Make Up the Largest Share of the Population in over 150 Years and Continue to Share Who We Are as Canadians // *Statistics Canada*: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm> (дата обращения: 11.04.2023).

12. International Migrant Stock – 2019 // Департамент по социальным и экономическим вопросам ООН: сайт. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 10.04.2023).

13. International Students in Canada // *Canadian Bureau for International Education*: website. URL: <https://cbie.ca/infographic/> (дата обращения: 10.04.2023).

14. International Students in Canada on a Study Permit // ERUDERA.com: website. URL: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (дата обращения: 11.04.2023).

15. Loo B., Narantuya D., Enkhtuya G. Education in Mongolia // *World Education News & Reviews (WENR)*: website. URL: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (дата обращения: 11.04.2023).

16. *Mongolian Statistical Yearbook – 2021* // *Mongolian Statistical Information Service*: website. URL: https://downloads.1212.mn/Statistical_Yearbook_2021_eng.pdf#pdfjs.action=download (дата обращения: 12.04.2023).

17. Nearly One of Five Recent Immigrants Were Born in India, the Highest Proportion from a Single Place of Birth since 1971 // *Statistics Canada*: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/g-a005-eng.htm> (дата обращения: 11.04.2023).

18. Прокопенко Е., Hou F. How Temporary are Canada's Temporary Foreign Workers? // *Population and Development Review*. 2018. Vol. 44. No. 2. P. 257–280. URL: <https://www.jstor.org/stable/26622912> (дата обращения: 12.04.2023).

19. *Statistical Report on International Students in China* // *Ministry of Education of the People's Republic of China*: website. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (accessed: 12.04.2023).

20. Transition to Permanent Residency by Lower- and Higher-skilled Temporary Foreign Workers // *Statistics Canada*: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/36-28-0001/2022001/article/00002-eng.htm> (дата обращения: 12.04.2023).

References

1. Badaraev D. D. Demographic Dynamics and Modernization Changes in the Life Support System of Mongolian Society // *Vlast*. 2021. T. 26. No. 5. P. 278–284. DOI: 10.31171/vlast.v29i5.8573 (In Russ.).

2. Vinokurova A. V., Munkhbat Orolmaa, Oyunkhand Shagdar. Demographic Behaviour and Migratory Sentiments Among the Population in Modern Mongolia: Main Trends and Dynamics of Development // *Social and Economic Systems*. 2021. No. 3. P. 190–202. (In Russ.).

3. Galiimaa N. Migration of the Mongols Abroad: Why Do They Leave and Why Do They Come Back // *East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas* / ed. by S. A. Panarin. M.: Nestor–History, 2016. P. 19–34. (In Russ.).

4. Dagbaev E. D., Aktamov I. G. Value Orientations and Attitudes of Modern Youth in Mongolia // *Vestnik Buryat State University*. 2017. No. 2. P. 73–80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-2-73-80 (In Russ.).

5. Tsetsenbileg Tseveen, Purevkhand Jargalsaihan. Current State of Informal Employment in Mongolia // *The World of Central Asia – V: collection of scholarly articles*. Novosibirsk: SB RAS, 2022. P. 603–606. DOI: 10.53954/9785604788981_603 (In Mong.).

6. Canada International Student Statistics // Study in Canada: website. URL: <https://studying-in-canada.org/canada-international-student-statistics#:~:text=International%20Students%20in%20Canada%20Through%20the%20Years&text=As%20a%20consequence%2C%20the%20proportion,17.8%20percent%20by%202019%2F2020> (accessed 10.04.2023).

7. Choi Y., Crossman E., Hou F. International Students as a Source of Labor Supply: Transition to Permanent Residency // *Economic and Social Reports*. 2021. No. 1 (6). P. 1–10.

8. Global Flow of Tertiary-Level Students // *UNESCO Institute for Statistics*: website. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed 12.04.2023).

9. Historical International Student Statistics in Canada // ERUDERA.com: website. URL: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (accessed 11.04.2023).

10. Hou F., Crossman E., Picot G. Two-Step Immigrant Selection: an Analysis of Its Expansion in Canada // *Economic Insights*. 2020. No. 112. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-626-x/11-626-x2020010-eng.htm> (accessed 12.04.2023).

11. Immigrants Make Up the Largest Share of the Population in over 150 Years and Continue to Share

Who We Are as Canadians // Statistics Canada: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm> (accessed 11.04.2023).

12. International Migrant Stock – 2019 // UN DESA: website. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 10.04.2023).

13. International Students in Canada // Canadian Bureau for International Education: website. URL: <https://cbie.ca/infographic/> (accessed 10.04.2023).

14. International Students in Canada on a Study Permit // ERUDERA.com: website. URL: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (accessed 11.04.2023).

15. Loo B., Narantuya D., Enkhtuya G. Education in Mongolia // World Education News & Reviews (WENR): website. URL: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (accessed 11.04.2023).

16. Mongolian Statistical Yearbook – 2021 // Mongolian Statistical Information Service: website. URL: https://downloads.1212.mn/Statistical_Yearbook_2021_eng.pdf#pdfjs.action=download (accessed 12.04.2023).

17. Nearly One of Five Recent Immigrants Were Born in India, the Highest Proportion from a Single Place of Birth since 1971 // Statistics Canada: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/g-a005-eng.htm> (accessed 11.04.2023).

18. Prokopenko E., Hou F. How Temporary are Canada's Temporary Foreign Workers? // Population and Development Review. 2018. Vol. 44. No. 2. P. 257–280. URL: <https://www.jstor.org/stable/26622912> (accessed 12.04.2023).

19. Statistical Report on International Students in China // Ministry of Education of the People's Republic of China: website. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (accessed 12.04.2023).

20. Transition to Permanent Residency by Lower- and Higher-skilled Temporary Foreign Workers // Statistics Canada: website. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/36-28-0001/2022001/article/00002-eng.htm> (accessed 12.04.2023).

Анна Викторовна ВИНОКУРОВА, канд. соц. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Мунхбат ОРОЛМАА, PhD in Sociology, директор Центра социальных исследований, декан УлаанБаатар Школы Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Оюунханд ШАГДАР, PhD in Sociology, профессор кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: ondio_d@yahoo.com

Anna V. VINOKUROVA, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Munkhbat OROLMAA, PhD in Sociology, Director of Social Research Institute, Dean of the Ulaanbaatar School, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Oyunkhand SHAGDAR, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: ondio_d@yahoo.com

Поступила в редакцию

(Received) 16.04.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 16.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Формирование латиноамериканских диаспор в США и Канаде: сравнительный опыт коллективной адаптации и интеграции

Даниил Андреевич РЫБАЧУК

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ska-i@mail.ru

Аннотация. В данной работе проведено комплексное исследование формирования латиноамериканского населения в США и Канаде. Приведена хронология и выделена периодизация с присущими каждому этапу развития латиноамериканских диаспор критериями. Во многом установить чётко очерченные периоды помогло иммиграционное законодательство. Сравнительный анализ дал возможность определить ряд закономерностей, отличающих латиноамериканские диаспоры в двух схожих по своей сути обществах США и Канады. Временные рамки, а также социально-экономические и политические процессы, происходящие внутри рассматриваемых государств, наложили заметный отпечаток на формирование современного облика латиноамериканского населения Северной Америки.

Ключевые слова: иммиграционные законы, Канада, кубинцы, латиноамериканские диаспоры, мексиканцы, пуэрториканцы, США

Для цитирования: Рыбачук Д.А. Формирование латиноамериканских диаспор в США и Канаде: сравнительный опыт коллективной адаптации и интеграции // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 74–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/74-86>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/74-86>

The Formation of Latin American Diasporas in the USA and Canada: A Comparative Experience of Collective Adaptation and Integration

Daniil A. RYBACHUK

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ska-i@mail.ru

Abstract. In this paper, a comprehensive study of the formation of the Hispanic population in the USA and Canada was carried out. The chronology is given and the periodization is highlighted with the criteria inherent in each stage of development of the Latin American diasporas. In many ways, immigration law helped to establish clearly defined periods. Comparative analysis made it possible to identify a number of patterns that distinguish Latin American diasporas in two essentially similar societies in the United States and Canada. The time frame, as well as the socio-economic and political processes taking place within the examined states, left a noticeable mark on the formation of the modern image of the Latin American population of North America.

Keywords: immigration laws, Canada, Cubans, Hispanic diasporas, Mexicans, Puerto Ricans, USA

For citation: Rybachuk D.A The Formation of Latin American Diasporas in the USA and Canada: A Comparative Experience of Collective Adaptation and Integration // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 74–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/74-86>

Изучение формирования латиноамериканских диаспор в США и Канаде весьма актуально по нескольким причинам. Во-первых, изучая формирование латиноамериканских диаспор в Северной Америке, мы можем получить представление об опыте латиноамериканских иммигрантов в новом культурном контексте. Это может помочь нам понять проблемы и возможности, с которыми они сталкиваются, адаптируясь к новой стране, языку и культуре. Во-вторых, сравнивая опыт латиноамериканских диаспор в США и Канаде, мы можем выявить сходства и различия в их процессах коллективной адаптации. Это может помочь нам определить успешные стратегии адаптации и проблемы, которые необходимо решить. В-третьих, формирование латиноамериканских диаспор в США и Канаде имеет значительные социальные и экономические последствия для обеих стран. Понимание моделей миграции и расселения может помочь политикам разработать более эффективные стратегии для удовлетворения потребностей иммигрантов и обеспечения того, чтобы они могли вносить свой вклад в экономику и общество.

В-четвертых, присутствие латиноамериканских диаспор в Северной Америке также предоставляет возможности для культурного обмена и обогащения. Изучая их опыт, мы можем глубже оценить культурное разнообразие и богатство Америки.

В целом изучение формирования латиноамериканских диаспор в США и Канаде имеет решающее значение для лучшего понимания опыта латиноамериканских иммигрантов, определения успешных стратегий адаптации, решения социальных и экономических проблем и содействия культурному обмену и обогащению.

В настоящее время общество стран Северной Америки является мультикультурным и мультинациональным. В США и Канаде в тесном контакте сосуществуют и развиваются множество этнических групп (китайцы, японцы, русские, индийцы и др.), которые также можно рассматривать как диаспоры. Под термином диаспора мы будем понимать, часть народа (этноса), проживающего вне страны своего происхождения, образующего сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющие социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности. Уильям Сафран выделил несколько обязательных характеристик, которыми должны обладать диаспоры: удаленность от своего этнического центра, определенное видение родины, отсутствие полной интеграции в принимающем обществе, рассмотрение возвращения в страну исхода как возможного варианта жизненной траектории, приверженность восстановлению (во всех смыслах) родины и обладание этнонациональным сознанием, связанным с родиной [24, с. 84]. В США латиноамериканские национальные группы оказывают существенное влияние на развитие социальной, экономической и политической жизни. В Канаде латиноамериканцы с каждым годом демонстрируют всё более активное участие в жизни государства.

Формирование латиноамериканского пласта населения в США началось ещё в XVI веке, в Канаде же этот процесс получил свое развитие намного позже – с 70-х гг. XX века. Несмотря на то что для латиноамериканцев характерна коллективная адаптация и интеграция, связанная напрямую с их культурными особенностями, в двух рассматриваемых странах опыт их аккультурации отличается. В том числе различается и иммиграционное законодательство, затрагивающее латиноамериканскую иммиграцию.

Исследование формирования латиноамериканских диаспор в США и Канаде с опорой на аккультурационную практику важно с точки зрения определения наилучшей модели адаптации и интеграции в обществе-реципиенте для рассматриваемой группы. В США рассматривается развитие трёх основных латиноамериканских диаспор, которые являются самыми крупными по количеству представителей, а также оказывающие наибольшее влияние на развитие американского государства, речь идёт о мексиканцах, кубинцах и пуэрториканцах. В Канаде в то же самое время исследованию подвергаются все представители латиноамериканского "суперэтноса", а не какие-то отдельные диаспоры, так как латиноамериканское население в этой стране является относительно небольшим.

Цель статьи – сравнительное изучение коллективного опыта адаптации и интеграции латиноамериканских диаспор в США и Канаде. Исследование направлено на анализ влияния таких факторов, как языковые барьеры, культурные различия, дискриминация, социально-экономический и правовой статусы, фактор самого принимающего американского и канадского общества на жизнь латиноамериканских иммигрантов и их семей, а также на стратегии и ресурсы, которые они используют для преодоления этих проблем.

Теоретико-методологической основой исследования является теория аккультурации, в ее "современном прочтении" канадским исследователем Дж. Берри. Аккультурация относится к процессу культурных изменений и адаптации, который происходит, когда разные культурные группы вступают в контакт друг с другом. Этот процесс включает в себя обмен культурными идеями, ценностями, практиками и поведением между людьми или группами из разных культур. Аккультурация может происходить в различных условиях, в том числе когда иммигранты переезжают в новую страну, когда члены разных этнических или религиозных групп

взаимодействуют друг с другом или когда люди из разных регионов одной страны вступают в контакт друг с другом. Процесс аккультурации может привести как к положительным, так и к отрицательным результатам. С одной стороны, аккультурация может способствовать лучшему пониманию и признанию различных культур, что ведет к повышению социальной сплоченности и терпимости. С другой стороны, аккультурация может также привести к культурным конфликтам, дискриминации и утрате культурной идентичности среди групп меньшинств.

Еще в XIX в. американский этнолог Д. Пауэлл, а за ним в первой половине XX в. У. Хоумз, Р. Турнвальд, Р. Редфирд, Р. Линтон и М. Херсковиц под аккультурацией понимали результат прямого и длительного контакта одной группы индивидов с другой, изменения культурных парадигм обеих групп: "аккультурация охватывает те явления, возникающие, когда группы людей, имеющие различные культуры, вступают в непрерывный контакт с последующими изменениями в оригинальные образцы культуры одной или обеих групп" [23, с. 149]. Однако Д. Пауэлл, У. Хоумз и Р. Турнвальд склонялись к отождествлению аккультурации с ассимиляцией, т.е. процессом, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свое первоначальную культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой находятся в непосредственном контакте [1, с. 91]. Мы будем придерживаться более широкого понимания аккультурации, в рамках которого ассимиляция будет одной из возможных стратегий вхождения в принимающее общество, но не единственно возможной. Тем самым термин аккультурация используем для обозначения общих процессов и результатов (культурных, психологических и др.) межкультурного контакта. Мы также согласимся с мнением большинства ученых, что "данный англоязычный термин "аккультурация" краток и удобен в применении по сравнению с его русскими аналогами "межкультурная коммуникация", "культуризация", "окультуривание", "культурный контакт", "межкультурное взаимодействие", "кросс-культурное взаимодействие" [1, с. 91].

В контексте латиноамериканской иммиграции в США и Канаду аккультурация стала предметом обширных исследований. Одно из первых исследований аккультурации латиноамериканцев в США было проведено Робертом Парком в 1920-х годах. Парк и его коллеги утверждали, что аккультурация была линейным процессом, который включал в себя постепенный отказ от латиноамериканской культуры в пользу доминирующей американской культуры. Одномерные определения, иногда называемые "игрой с нулевой суммой", предполагают, что опыт аккультурации происходит вдоль линейного континуума от не аккультурированного (полное погружение в культуру происхождения) до полностью аккультурированного (полное погружение в доминирующую или принимающую культуру). По мере того как человек аккультурируется в доминирующей культуре, он теряет свои первоначальные культурные парадигмы. Одномерные модели, вероятно, лучше всего описывают опыт ассимиляции, благодаря которому люди становятся частью новой группы и сливаются с членами новой культуры. К подобной одномерной модели можно отнести модель семи стадий ассимиляции Милтона Гордона, которая описывает процесс, посредством которого иммигранты могут в конечном итоге принять культуру и ценности доминирующего общества [15].

Однако последующие исследования поставили под сомнение эту линейную модель и подчеркнули многомерный характер аккультурации. Исследователи разработали ряд моделей, помогающих понять процесс аккультурации, в том числе четырехступенчатую модель аккультурации Джона У. Берри, которая включает ассимиляцию, сепарацию, интеграцию и маргинализацию.

Джон У. Берри – канадский психолог, внесший значительный вклад в изучение кросс-культурной психологии, включая процесс адаптации и аккультурации мигрантов. Согласно модели аккультурации Берри, есть четыре возможных результата процесса аккультурации. Ассимиляция: это относится к ситуации, в которой мигранты перенимают культурные нормы и обычаи принимающего общества и отвергают свое собственное культурное наследие. Сепарация: это относится к ситуации, в которой мигранты сохраняют свою культурную самобытность и избега-

ют взаимодействия с принимающим обществом. Интеграция: это относится к ситуации, в которой мигранты сохраняют свою культурную самобытность, а также перенимают культурные нормы и обычаи принимающего общества. Маргинализация: это относится к ситуации, в которой мигранты не сохраняют свою культурную самобытность и не перенимают культурные нормы и обычаи принимающего общества [7, с. 9].

Берри также предположил, что на процесс аккультурации влияют два основных фактора: характеристики мигранта и характеристики принимающего общества. Характеристики мигрантов включают такие факторы, как возраст, пол, образование и знание языка, в то время как характеристики принимающего общества включают такие факторы, как отношение к мигрантам, уровень дискриминации, с которой они сталкиваются, а также наличие ресурсов и поддержки.

В целом модель Берри подчеркивает важность культурной идентичности и предполагает, что процесс аккультурации не обязательно является односторонним процессом, в котором мигранты просто перенимают нормы и обычаи принимающего общества. Вместо этого мигранты могут предпочесть сохранить свою культурную самобытность, одновременно адаптируясь к новому культурному контексту, в котором они оказались.

В Канаде исследования аккультурации латиноамериканцев были менее обширными, чем в США. Однако некоторые исследования показали, что латиноамериканские иммигранты в Канаде сталкиваются с уникальными проблемами из-за двуязычного и двукультурного характера страны. Например, латиноамериканским иммигрантам может быть трудно ориентироваться в различных языковых и культурных нормах в англо- и франкоязычных регионах.

Отметим, что исследования аккультурации латиноамериканцев в США и Канаде выявили многоаспектный характер этого процесса и его влияние на здоровье и благополучие иммигрантов. Хотя по этой сложной теме еще многое предстоит узнать, существующая литература дает ценную информацию о проблемах и возможностях, с которыми сталкиваются латиноамериканские иммигранты в этих странах. К наиболее значимым исследованиям проблематики аккультурации латиноамериканцев в США и Канаде можно отнести исследования следующих зарубежных авторов: Л. Гомез, Д. Грэгори, И. Комуцци, М. Мальдонадо-Дэнис, Ф. Мата, К. Пагнотта, Ф. Пэдди, С. Санчес, А. Симмонс и М. Тьенда. Среди российских исследователей необходимо отметить работы Л.В. Дьякова, Б.И. Коваль, Н.Ю. Кудеярова, Э.Е. Кузнецова, Л.В. Пегушева, С.И. Семенов.

При рассмотрении латиноамериканских диаспор был задействован проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, согласно которым проблемы аккультурации латиноамериканцев в американском и канадском обществе рассматривались через призму их исторического развития¹.

В США латиноамериканцы являются самым многочисленным национальным меньшинством, они накладывают существенный отпечаток на развитие всех сфер жизни американского общества. В 2020 году на латиноамериканское происхождение в США указывали 65,329,087 человек, что составило 1/5 от общей численности населения США или 19,5% [22]. Наиболее крупными латиноамериканскими диаспорами на американской территории являются мексиканская, пуэрториканская, кубинская, сальвадорская, доминиканская, гватемальская и колумбийская.

Латиноамериканские диаспоры в США прошли через шесть этапов своего формирования. При выделении данной периодизации в первую очередь учитываются следующие критерии: рост численности латиноамериканских иммигрантов в США, принятие иммиграционных законов, борьба с нелегальной иммиграцией, а также увеличение влияния латиноамериканских диаспор на процессы, происхо-

¹ Проблемно-хронологический метод предполагает расчленение широких тем на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Этот метод используется как при изучении материала (на первой стадии анализа, совместно с методами систематизации и классифицирования), так и при его компоновке и изложении внутри текста работы.

дящие в экономической, социальной и политической сферах американского государства.

Первый период становления латиноамериканской части населения США стал самым обширным в хронологических рамках, но наименее значимым: он начался в 1540 г. и закончился в 1803 г. Для этого времени было характерно небольшое увеличение числа латиноамериканцев за счёт естественного прироста, а не иммиграции. В рамках этого этапа речь идёт о развитии сообщества коренных мексиканцев, проживавших на современной территории США. Тогда в 1540 году испанский конкистадор Франциско Васкес де Коронадо привёл за собой на американскую землю коренных мексиканцев через нынешнюю американо-мексиканскую границу в районе штата Аризона.

Начало второй стадии развития латиноамериканских диаспор в США пришлось на 1803 г., а окончание – на 1924 г. В это время многие латиноамериканцы стали американскими гражданами в результате присоединения больших территорий с испаноязычным населением к США – речь идёт о Луизиане (1803 г.) и Северной Мексике (1848 г.). Более того, для этого периода было характерно не только увеличение числа латиноамериканцев за счёт отхода испаноязычных земель, но и латиноамериканская иммиграция на юго-запад США по причине "Золотой лихорадки" (1848–1855 гг.). В ходе золотоискательных работ многие латиноамериканцы сталкивались с эпизодами расизма и насилия со стороны англо-американцев и других европейцев. Кроме этого, в 1845 году к США отошла огромная территория с большим количеством мексиканцев, (23,000 чел.) ныне известная, как Техас [14]. Определяющим событием, повлиявшим на развитие мексиканской диаспоры в США, можно назвать Американо-мексиканскую войну 1846–1848 гг., конкретнее её итоги. Результатом этого противостояния стало присоединение части территории Мексики к США (современные штаты – Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Колорадо и Юта) по мирному Договору Гуадалупе-Идальго, в ходе которого произошло переселение десятков тысяч мексиканцев, которые получили американское гражданство и основали на юге страны новую этно-социальную общность под названием "чиканос" [2, с. 149]. В ходе данных процессов более 100 тысяч испаноговорящих стали американскими гражданами.

В середине XIX века своё формирование в США начала крупная латиноамериканская группа – кубинская. К первому этапу развития кубинской диаспоры в США можно отнести массовую эмиграцию с Кубы со второй половины XIX до середины XX вв. В это время кубинцы создавали на территории США различные поселения и табачные производства. Не зря первый этап формирования кубинской диаспоры в США называют "табачным" [3, с. 245]. Первые кубинцы, иммигрировавшие в США, переезжали на территорию современной Флориды, что объяснялось её климатом и географической близостью с островом Куба. Во Флориде число кубинцев в 1868 году составляло 3 тысячи человек, а спустя всего несколько лет их количество достигло 16 тысяч человек, что эквивалентно почти 600% росту [3, с. 160].

К концу XIX века началась история развития пуэрториканской диаспоры после оккупации Пуэрто-Рико американцами. С окончанием Испано-американской войны в 1898 году несколько тысяч пуэрториканских рабочих иммигрировали на территорию США. Не стоит забывать и о принятии закона Джонса-Шэфрота в 1917 году, который фактически отменил статус иммигрантов по отношению к пуэрториканцам и наделил их статусом граждан США, что поспособствовало увеличению темпов миграции с острова на материк. Важным событием этого времени стало принятие 29 мая 1919 года Закона № 19 об "Урегулировании эмиграционных процессов в Пуэрто-Рико и других задач", направленного на стимулирование трудовой миграции [17, с. 62].

Третий этап формирования латиноамериканского населения в США пришелся на 1924–1965 гг. Начало было положено принятием в 1924 году иммиграционного закона, который фактически отменил национальные квоты для представителей латиноамериканского региона. Это привело к массовой иммиграции латиноамериканцев в США по экономическим и политическим причинам. С этого самого

момента латиноамериканская иммиграция стала заметным элементом в формировании латиноамериканских диаспор в США. Рост испаноговорящего населения США в этот период был настолько велик, что количество латиноамериканцев возросло в десятки раз, достигнув числа в 7,6 млн. чел. к 1970 году.

Однако стоит отметить, что Великая депрессия, начавшаяся в 1929 году, существенно снизила иммиграционный приток из латиноамериканского региона в США. Столкнувшись с ксенофобией во многих областях и нехваткой рабочих мест, некоторые латиноамериканцы добровольно покинули Соединенные Штаты. У десятков тысяч американцев мексиканского происхождения не было выбора. Кампании по депортации, особенно в Южной Калифорнии, заставляли людей садиться в поезда или автобусы, направляющиеся в Мексику. С 1930 по 1940 гг. было зафиксировано значительное сокращение числа мексиканцев, проживающих в США, – на 237 тысяч человек. Некоторые американцы мексиканского происхождения, родившиеся в США, также были изгнаны в ходе кампаний по "репатриации".

Вторая мировая война изменила ситуацию с латиноамериканской иммиграцией в США. Нуждаясь в рабочих для оборонной промышленности и особенно для сельского хозяйства, правительство США договорилось с Мексикой и другими странами латиноамериканского региона по вопросу о предоставлении временных рабочих. В связи с этим в 40-х гг. XX в. численность латиноамериканцев в США подскочила более чем на миллион и достигла показателя в 3 млн. 150 тыс. чел. к 1950 году [16].

На этот период пришлось действие так называемой "Программы Брасеро" (1942–1964 гг.), состоявшей из нескольких законов и дипломатических соглашений, направленной на улучшение условий жизни мексиканских рабочих в США, что способствовало росту мексиканской диаспоры в стране [26]. Программа получила своё название от испанского слова "bracero", что означает "рабочий" или тот, "кто работает руками". За время действия этой программы примерно 5 миллионов мексиканцев получили временное право оказывать рабочие услуги в США.

В начале 50-х гг. XX века в США проходила кампания под названием "Мокрые спины". В ходе неё с американской территории были высланы 3,8 млн. мексиканских рабочих-нелегалов, как правило занятых в низкооплачиваемых и тяжелых областях. Данное явление было спровоцировано нелегальной массовой иммиграцией из Мексики в США в 40-х гг. XX в., когда власти Техаса и Калифорнии принимали мексиканских нелегалов, так как нуждались в дешевой рабочей силе [3, с. 125].

Четвертый период получил свое развитие в 1965 году с принятием в США нового иммиграционного закона, который полностью отменил систему национальных квот, объявил борьбу с любой формой дискриминации, что в свою очередь способствовало увеличению иммиграции из Латинской Америки в США. Для этого этапа стало характерным повышение влияния латиноамериканских диаспор на все сферы жизни американского государства, начало борьбы с нелегальной иммиграцией, разработка политики в отношении латиноамериканских беженцев, объединение семей, а также усиленная борьба латиноамериканцев за свои права в США.

Большой приток кубинской иммиграции в США пришёлся на период 60-х гг. XX в. В 1965 г. администрация президента США Л. Джонсона подписала "меморандум о взаимопонимании" с кубинским правительством. Тогда был открыт воздушный коридор между кубинским городом Варадеро и американским Майами. За пять лет ежедневные авиарейсы перевезли на американский материк 260,5 тысяч кубинцев [3, с. 168]. В это же время стала заметной одна особенность кубинской диаспоры: в отличие от гаитян, доминиканцев или других латиноамериканцев, очень мало кубинцев репатриируются, если они оседают на территории США [16].

Известно, что в 1968 году 36-й президент США – Линдон Джонсон – сделал неделю в середине сентября каждого года Неделью испанского и латиноамериканского наследия, чтобы признать неопределимый вклад латиноамериканского сообщества в американскую жизнь [16].

В 70-е гг. XX в. американские власти стали уделять всё большее внимание нелегальной иммиграции. Самой большой группой нелегальных мигрантов в США

были мексиканцы. В 1973 году из США были депортированы 660 тысяч иностранцев, находившихся в стране на нелегальных основаниях, причем 84% из них проникли на американскую территорию через пограничный контроль – в 99% случаев через мексиканскую границу. В 1974 году число депортированных мексиканцев достигло рекордных 710 тысяч человек за год, что составило 90% от всех депортированных иностранцев США в то время [3, с. 112].

В 1980-е годы нелегальных латиноамериканских иммигрантов в США было больше, чем легальных, и американское правительство было вынуждено принять меры. Закон об иммиграционной реформе и контроле 1986 г. предоставил урегулирование статуса иммигранта, в основном кубинцам, мексиканцам и гаитянам, проживавшим в США до 1982 г., и ввел санкции в отношении работодателей, нанимавших нелегальных рабочих. Он упорядочил число сельскохозяйственных рабочих и в то же время усилил контроль над американо-мексиканской границей. В период 80-х гг. XX в. появился так называемый феномен "койота"; "койотами" называли мексиканцев, которые знали приграничные области и за плату помогали мигрантам переходить границу [21].

В течение 80-х и 90-х годов XX в. латиноамериканское население урбанизировалось, особенно в таких городах США, как Лос-Анджелес, Чикаго, Сан-Франциско, Даллас, Феникс и Сан-Диего. Более того, виды занятости сменились со сферы сельского хозяйства на сектор услуг, при этом рынок труда оставался сегментированным по этническому происхождению. Несмотря на растущую этническую неоднородность США, латиноамериканские мигранты, как квалифицированные, так и неквалифицированные, оставались в самом низу социально-экономической шкалы.

В середине 90-х гг. XX в. власти США были вынуждены принять "Соглашение по кубинской миграции", которое стало дополнением к основному "Закону об регулировании статуса кубинцев" 1966 года в ответ на третью волну массовой иммиграции кубинцев в США [12]. Последующая политика в отношении кубинцев получила название "Мокрых и сухих ног". Её суть заключалась в том, что те кубинцы, которых задержали в море, ("мокрые ноги") при попытке нелегально попасть в США, отправлялись обратно на Кубу, а тем кубинцам, которые смогли избежать встречи с береговой охраной США и успешно сошли на американскую сушу ("сухие ноги"), давалось разрешение остаться в США [27].

Пятый этап затрагивает временные рамки с 2001 по 2021 гг. Начало этапа было связано с террористической атакой в США 11 сентября 2001 года. После этого события за всей иммиграцией в США был усилен контроль. В рамках этого периода особое внимание было уделено повышению регулированию нелегальной иммиграции на американо-мексиканской границе. В 2006 году был принят "Акт о стене безопасности" на границе с Мексикой, направленный на борьбу с нелегальной иммиграцией из региона Центральной Америки. Весь этот период так или иначе проходил под эгидой усиленного контроля над не задокументированной латиноамериканской миграцией. В 2012 году администрация Барака Обамы приняла меры в области иммиграции, которые защищали молодых иммигрантов от депортации: "Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов" (англ. DACA). Этот проект позволял 800 000 не задокументированным мигрантам, прибывшим в США до 16 лет, просить защиту от депортации [5]. В 2014 году на рассмотрение была направлена похожая программа, но теперь она касалась родителей детей-иммигрантов и называлась "Отложенные меры в отношении родителей детей-иммигрантов" (англ. DAPA). Пришедший на смену Бараку Обаме новый президент США – республиканец Дональд Трамп – выступил с заявлением, что иммиграция является одной из основных угроз национальной безопасности США. Сперва он ограничил потоки иммиграции в страну в связи с потерей рабочих мест среди американцев. Важным решением, принятым Дональдом Трампом в рамках иммиграционного законодательства, стала отмена ранее введенной Барак Обамой программы (DACA). Более чем 700 тысяч участников данной программы, большинство из ко-

торых были латиноамериканцами, подверглись угрозе депортации в свои страны, которые они покинули уже больше десятилетия назад [13].

В данной периодизации можно выделить и шестой этап, начало которого было положено приходом к власти в США 46-го президента Джо Байдена в 2021 году. Это событие сделало процессы латиноамериканской иммиграции и влияние диаспор на жизнь американского государства ещё более заметными. Действия администрации Д. Байдена противоположны тому, что наблюдалось ранее. Принятие в июле 2021 года совместной стратегии по управлению миграцией сделало целью упрощение процессов латиноамериканской иммиграции, оказание поддержки латиноамериканским государствам, а также ослабление контроля за нелегальной иммиграцией.

В Канаде общество также представляет собой разнообразный и мультикультурный феномен, там проживают множество этнических групп, одной из которых являются латиноамериканцы. Несмотря на то, что в стране число представителей латиноамериканских диаспор в разы меньше, чем в США, их вклад в канадское общество является заметным. В Канаде формирование латиноамериканского населения затрагивает два хронологических периода. При выделении периодизации развития латиноамериканских диаспор в Канаде уделяется внимание таким критериям, как законодательные акты, имеющие отношение к латиноамериканцам; количество латиноамериканских иммигрантов, а также их влияние на развитие концепта мультикультурного общества.

Первый этап развития латиноамериканского населения в Канаде начался в 1962 году, когда канадское правительство объявило борьбу с любой формой расовой дискриминации в отношении иммигрантов. В 1969 году в Канаде стали уделять особое внимание и проблеме беженцев. Эти шаги сделали иммиграцию из Латинской Америки в Канаду более ощутимой. Первая половина XX века вплоть до конца 60-х гг. XX в. не была временем иммиграции латиноамериканцев в Канаду по следующим причинам. Во-первых, географическая удаленность Канады от латиноамериканского региона делала США гораздо более привлекательным местом для иммиграции. Во-вторых, холодные климатические условия не устраивали латиноамериканцев, так как они привыкли к жаркому климату. И в-третьих, незнакомая культурная среда Канады отталкивала латиноамериканцев от переезда в эту страну. В это же самое время США уже долгие годы принимали латиноамериканцев на свою территорию, поэтому новым иммигрантам из этого региона было знакомо американское общество и существовавшие в нём законы – Канада оставалась "terra incognita".

В 70-х гг. XX века происходит ряд исторических событий в Западном полушарии, повлиявших на рост латиноамериканской иммиграции в Канаду. Во-первых, одним из основных факторов, способствовавших этому процессу, стал обширный экономический и социально-политический кризис в Латинской Америке в 70-80-е гг. XX в. Существенное падение экономики, диктаторские режимы, политические репрессии и растущее насилие в течение двух десятилетий заставили многих латиноамериканцев искать новые места для жизни, в особенности привлекали близкие к региону – США и Канада. Во-вторых, либерализация канадской иммиграционной политики и переход к формированию мультикультурной модели общества в это время стимулировали рост числа латиноамериканских иммигрантов. Более того, толерантная канадская политика в отношении приема беженцев также помогла многим латиноамериканцам в этом статусе въехать в Канаду в XX в. В-третьих, немаловажным аспектом является то, что США в это время были негативно настроены к приему некоторых беженцев из стран Латинской Америки с диктаторскими режимами. Понимая, что на американской земле латиноамериканцы столкнутся со множеством трудностей, они стали выбирать в качестве альтернативы северного соседа США – Канаду, где было достаточно безопасно, а также существовали все необходимые условия для комфортной жизни. В-четвёртых, те латиноамериканцы, которые уже успели иммигрировать на канадскую территорию, рекомендовали Канаду своим родственникам, которые в дальнейшем выби-

рали канадское государство в качестве места иммиграции, тем самым формируя облик латиноамериканских диаспор. Таким образом, налаживались первые иммиграционные маршруты для жителей Латинской Америки в Канаду [25, с. 286].

В период 70-х гг. XX в. в Канаду прибывали политические беженцы из таких стран Южной Америки, как Чили, Аргентина, Уругвай. Данную группу можно было охарактеризовать как высокообразованных людей, которые спасались от военно-политических режимов, обратив на себя внимание в том числе и международного сообщества. Эти латиноамериканцы без особых проблем смогли интегрироваться в канадское общество [11, с. 134].

Достаточно крупная группа латиноамериканцев прибыла в Канаду из Чили в 70-х гг. XX в. В период с 1973 по 1978 год около 13 000 чилийцев бежали в Канаду, спасаясь от преследований и авторитарного правления генерала Пиночета [8]. Пиковым годом для иммиграции чилийцев в Канаду стал 1975 г. – тогда число чилийских иммигрантов составило 3127 человек. Несмотря на тот факт, что правительство Канады неблагосклонно относилось к чилийским политическим беженцам, население Канады в целом больше их принимало и поддерживало, чем отвергало. В Канаде в это время был сформирован Межцерковный комитет, который выступал за более открытую политику в отношении беженцев. Другие церковные группы, такие как Канадский совет церквей, а также созданные гражданские организации помогали латиноамериканским беженцам в адаптации к жизни на канадской земле.

В 80-е гг. XX в. канадское правительство решило скорректировать свою собственную иммиграционную политику, которая стала еще более лояльной по отношению к латиноамериканским иммигрантам и беженцам, что повысило показатели иммиграции из региона Латинской Америки. В результате количество прошений о предоставлении убежища резко возросло, поскольку многие иммигранты стали покидать США и отправляться севернее в поисках работы, убежища и более комфортного места жительства. Всего за один год канадское консульство в Лос-Анджелесе зафиксировало увеличение прошений со стороны граждан Центральной Америки, искавших помощи в Канаде, на 500%. Латиноамериканцы в 80-х гг. XX в. выбирали Канаду еще и потому, что процент рассмотрения и принятия заявлений о предоставлении убежища в целом был в разы выше, чем в Соединенных Штатах. Например, с 1980 по 1986 год было одобрено до 60% заявок из Сальвадора; и до 71% заявок из Гватемалы. Для сравнения, только от трех до пяти процентов аналогичных заявлений из Сальвадора и Гватемалы были удовлетворены в Соединенных Штатах в течение этого же периода [9].

Первый существенный прирост числа мексиканцев на канадской территории был зафиксирован в 90-е гг. XX века. В это время канадское государство придерживалось политики "открытых дверей" в отношении иммигрантов, поэтому Канада пользовалась у них большим спросом, в том числе и со стороны мексиканцев, которые выбирали эту страну как альтернативу США, в которых с каждым годом усиливался контроль за нелегальной иммиграцией из Мексики. Значительный рост числа мексиканских иммигрантов в Канаде в середине 90-х гг. XX в. был вызван двумя основными причинами. Во-первых, произошло возвращение потомков канадских меннонитов, эмигрировавших в Мексику. К меннонитам относят последователей одной из старейших раннепротестантских церквей [4]. Возвращению поспособствовали такие факторы, как ускорившиеся процессы глобализации, ухудшившееся качество жизни в Мексике и возросшие условия жизни в Канаде. Второй причиной стало принятие Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Это позволило ещё больше снизить требования к въезжающим в Канаду мексиканцам. С 1994 по 2001 гг. число мексиканских рабочих, получивших разрешение на работу в Канаде, увеличилось на 112%, что превышает тот же показатель среди американских рабочих. Наибольшее увеличение мексиканских рабочих наблюдалось в сфере сельского хозяйства и было связано с Программой сезонных сельскохозяйственных рабочих (SAWP) [19].

Между переписями канадского населения 1991 и 2001 года канадская мексиканская диаспора значительно выросла, что сделало её самой крупной испаноговорящей группой в канадском обществе. Количество мексиканцев в этот период возросло почти вдвое с 22 тысяч в 1991 году до 42 тысяч человек в 2001 году. Интересно, что это был самый крупный прирост среди всех иммигрантских групп из Латинской Америки в Канаде в то время [19].

Середина 90-х гг. XX века отражала собой иммиграцию латиноамериканцев, разделенных на две категории. Первая – это граждане с высокой квалификацией и профессиональными навыками. В эту группу в основном входили высокообразованные кадры из таких профессиональных областей, как наука, инженерия, математика и технологии. Во вторую категорию попадали латиноамериканские граждане с низким уровнем образования и умений. К ним могли относиться временные работники, студенты, беженцы или туристы, которые в дальнейшем могли остаться на постоянное место жительства в Канаде [18].

В переписи населения 1996 года в Канаде была использована категория "видимые меньшинства", в которую попадали и латиноамериканцы – они занимали 6 строчку по этому показателю с числом представителей в 176,975 чел. Наибольшее количество латиноамериканцев проживали в Торонто – 61,655 чел. Также значительную их часть можно было найти в Монреале, где их число составляло 46,700 чел. или 26% от общего населения города [6].

В целом с развитием латиноамериканских диаспор в Канаде в XX веке росла также и степень их адаптации и интеграции в канадском обществе. Всё больше представителей латиноамериканского региона стали получать университетские степени, занимать высокооплачиваемые должности и формировать языковую картину канадского государства.

Второй (современный) этап формирования латиноамериканских диаспор в канадском социуме продолжается с 2001 года и по сей день. Его ключевыми аспектами являются: привлечение как можно большего числа высококвалифицированных кадров из стран Латинской Америки для поддержания и развития канадской экономики; решение вопросов в области беженцев и объединения семей; упрощение процедур подачи заявлений на получение гражданства; повышенный контроль за нелегальной иммиграцией. Эти действия канадского правительства направлены на количественное и качественное увеличение числа представителей Латинской Америки в Канаде.

Канадское иммиграционное законодательство подверглось изменениям в 2002 году, когда на смену Иммиграционному закону 1976 года пришёл "Акт об иммиграции и защите беженцев". Данное решение было принято в связи с террористической атакой 11 сентября 2001 года в США, после которой канадские власти решили более тщательно проверять всех въезжающих в страну иммигрантов. Тем не менее вновь принятый документ сохранил многие положения старого, например, сохранение мультикультурного курса, приём высококвалифицированных рабочих и объединение семей.

Следующим шагом в иммиграционном законодательстве Канады, который так или иначе касался латиноамериканцев, стало принятие в 2008 году программы "Canadian Experience Class" (CEC), направленной на ещё более активное привлечение высококвалифицированных кадров в Канаду. В этот раз приоритет отдавался временным работникам, у которых есть опыт работы в Канаде и (или) канадское образование. В данную группу входило значительное число представителей латиноамериканского региона. Многим латиноамериканцам, которые подходили под эти требования, тогда было предоставлена возможность на получение постоянно места жительства в Канаде [10].

В декабре 2021 года премьер-министр Канады Джастин Трюдо в своём обращении к канадскому министру иммиграции, беженцев и гражданства Шону Фрейзеру дал чётко понять, что Канада и дальше намерена всячески поддерживать иммиграцию в страну, в том числе из региона Латинской Америки. Приоритетом станет

привлечение иммигрантов во все провинции Канады для поддержания и восстановления экономики после пандемии COVID-19 [20].

Хотя латиноамериканцы в США и Канаде имеют общее в вопросах коллективной адаптации и интеграции, существуют и различия. Одной из общих проблем является языковой барьер. В США и Канаде большинство людей говорит на английском или французском языках, из-за чего многие латиноамериканцы сталкиваются с языковыми трудностями. Еще одной общей проблемой является дискриминация. Хотя США и Канада являются странами, которые гарантируют равные права для всех, латиноамериканцы могут столкнуться с предвзятым отношением в отношении своей национальности, культуры и внешности.

Однако есть и некоторые различия. Например, в США латиноамериканцы составляют более крупное и видимое меньшинство, чем в Канаде. В США существует больше разнообразных сообществ латиноамериканцев с крепкими диаспоральными связями, но на канадской территории латиноамериканцы чувствуют себя более изолированными.

Кроме того, в Канаде имеется более упорядоченная система иммиграции, которая может помочь латиноамериканцам быстрее адаптироваться и интегрироваться в канадское общество. В США же иммиграционная система более сложная и непредсказуемая, что может затруднить адаптацию для латиноамериканцев.

Наконец, хотя в США и Канаде существуют различия в опыте коллективной адаптации и интеграции латиноамериканцев, ещё одной общей чертой является то, что для успешной адаптации и интеграции необходимо иметь доступ к образованию, здравоохранению и работе, а также уметь находить общие точки зрения с представителями других культур и национальностей.

Таким образом, изучение формирования латиноамериканских диаспор делает возможным выделение ряда основных закономерностей, присущих латиноамериканским диаспорам, представленным в различных социокультурных пространствах, в которых в свою очередь используются отличные друг от друга аккультурационные модели включения иммигрантов в принимающее общество. Значительная количественная разница латиноамериканских диаспор США и Канады может служить объяснением многих явлений, происходящих с латиноамериканцами на территории рассматриваемых государств. Например, их недостаточной политической представленностью в Канаде, их большей экономической вовлеченностью и разнообразием в США и др. Помимо этого, изучение причин формирования латиноамериканских диаспор в двух рассматриваемых странах помогло прийти к заключению, что Канада не подвергается проблеме нелегальной иммиграции из Латинской Америки в связи с чем портрет латиноамериканца в США сильно отличается от канадского варианта. В США данная проблема захватывает большую часть латиноамериканских иммигрантов и остаётся наиболее серьезной при исследовании вопросов адаптации и интеграции латиноамериканцев. В Канаде в то же самое время основным вопросом, связанным с латиноамериканцами, является повышение уровня их заинтересованности в жизни канадского государства. Очевидно, что масштаб проблемы в США гораздо больше и требует большее количество сил и средств для её решения, причем многое зависит от принимаемых американскими властями шагов. В Канаде же вопросы адаптации и интеграции латиноамериканцев находятся в фокусе отдельно взятых латиноамериканских сообществ и пока не оказывают заметного влияния на развитие канадского государства в целом. В итоге было доказано, что такой социокультурный феномен, как латиноамериканская диаспора, будет существовать и развиваться по-разному даже в таких на первый взгляд похожих иммигрантских обществах, как американское и канадское.

Литература

1. Будаева З.А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации / З.А. Будаева // Вестник бурятского государственного университета. 2014. №6(20). С. 91–95.
2. Журбей Е.В. Проблемы адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв. / Е.В. Журбей, Л.Н. Гарусова // Ойкумена. Регионоведческие исследо-

вания. 2019. №4. С. 147–165.

3. Коваль Б. И. Латиноамериканские диаспоры в США / Л.В. Дьякова, Б.И. Коваль, Н.Ю. Кудеярова, Э.Е. Кузнецова, Л.В. Пегушева, С.И. Семенов. – Институт Латинской Америки. М.: Наука, 2003. 280 с.

4. Меннониты // Энциклопедия немцев России. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/1248> (дата обращения: 25.02.2023).

5. Что такое DACA и почему из-за него приостановили работу все федеральные ведомства США? URL: https://thequestion.ru/questions/355074/chto_takoe_daca_i_pochemu_iz_za_nego_vse_federalnye_vedomstva_ssha? (дата обращения: 25.02.2023).

6. 1996 Census: Ethnic origin, visible minorities. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/980217/dq980217-eng.htm> (дата обращения: 25.02.2023).

7. Berry J. Immigration, acculturation, and adaptation / J. Berry // *Applied psychology: an international review*. 1997. №46 (1). P. 5–68.

8. Canada: A History of Refugee. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/refugees/history.html> (дата обращения: 25.02.2023).

9. Canada: A Northern Refuge for Central Americans. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/canada-northern-refuge-central-americans> (дата обращения: 25.02.2023).

10. Canada's Immigration Policy: a Focus on Human Capital. URL: <https://bit.ly/2PtIBUR> (дата обращения: 25.02.2023).

11. Comuzzi I. Integración de inmigrantes latinoamericanos en Canadá: políticas sociales y problemáticas de inserción de los inmigrantes: tesis de doctorado en sociología / Inés Comuzzi. Buenos Aires, 2013. 332 p.

12. Cuban Adjustment Act. URL: <https://pewrsr.ch/3aF6lX> (дата обращения: 25.02.2023).

13. Getting Migration in the Americas Right. URL: <https://www.americanprogress.org/article/getting-migration-americas-right/> (дата обращения: 25.02.2023).

14. Gomez L. E. Manifest Destinies: The Making of the Mexican American Race. URL: <https://bit.ly/3vcKl6E> (дата обращения: 25.02.2023).

15. Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. New York: Oxford Univ; 1964. 276 p.

16. Gregory J. Latinx Great Migrations – History and Geography. URL: <https://bit.ly/3foYPaD> (дата обращения: 25.02.2023).

17. Maldonado-Denis M. The Emigration Dialectic: Puerto Rico and the USA / Manuel Maldonado-Denis. New York: International Publishers. NY, 1980. 168 p.

18. Mata F. The Immigrant Waves from Latin American to Canada: A Look at Immigration and Census Statistics. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/kn4dy/> (дата обращения: 25.02.2023).

19. Mexican Immigrants and Temporary Residents in Canada: Current Knowledge and Future Research. URL: <https://bit.ly/3qfRFs4> (дата обращения: 25.02.2023).

20. Minister of Immigration, Refugees and Citizenship Mandate Letter. URL: <https://pm.gc.ca/en/mandate-letters/2021/12/16/minister-immigration-refugees-and-citizenship-mandate-letter> (дата обращения: 25.02.2023).

21. Pagnotta C. Latin American migration within the continent between 1980 and 2000: a historical perspective. URL: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/67174> (дата обращения: 25.02.2023).

22. Racial and Ethnic Diversity in the United States: 2010 Census and 2020 Census. URL: <https://www.census.gov/library/visualizations/interactive/race-and-ethnicity-in-the-united-state-2010-and-2020-census.html> (дата обращения: 25.02.2023).

23. Redfield, R. Memorandum on the study of acculturation / R. Redfield, R. Linton, M. Herskovits // *American Anthropologist*. 1936. №38. P. 149–152.

24. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return / W. Safran // *Diaspora: A Journal of transnation studies*. 1991. Vol 1. № 1. P. 83–99.

25. Simmons A.B. Latin American Migration to Canada: New Linkages in the Hemispheric Migration and Refugee Flow System / Alan B. Simmons // *International Journal*. 1993. Vol. 48. №2. P. 282–309.

26. The Bracero Program. URL: <https://www.labor.ucla.edu/what-we-do/research-tools/the-bracero-program/> (дата обращения: 25.02.2023).

27. Tienda M; Sanchez S. Latin American Immigration to the United States. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4638184/> (дата обращения: 25.02.2023).

References

1. Budaeva Z.A. Acculturation as a dominant theoretical marker of the manifestation of globalization processes / Z.A. Budaeva // *Bulletin of the Buryat State University*. 2014. No. 6 (20). P. 91–95. (In Russ.).

2. Zhurbey E.V. Problems of adaptation and integration of Latin American immigrants in the USA in the second half of the 20th – early 21st centuries. / E.V. Zhurbey, L.N. Garusova // *Oikumena. Regional studies*. 2019. No. 4. P. 147–165. (In Russ.).

3. Koval B.I. Latin American diasporas in the USA / L.V. Dyakova, B.I. Koval, N.Yu. Kudeyarova, E.E. Kuznetsova, L.V. Pegusheva, S.I. Semenov. – Institute of Latin America. M.: Nauka, 2003. 280 p. (In

Russ.).

4. Mennonites // Encyclopedia of Germans in Russia. URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/1248> (accessed 25.02.2023). (In Russ.).

5. What is DACA and why did it stop all US federal agencies from working? URL: https://thequestion.ru/questions/355074/chto_takoe_daca_i_pochemu_iz_za_nego_vse_8968d9cc (accessed 25.02.2023). (In Russ.).

6. 1996 Census: Ethnic origin, visible minorities. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/980217/dq980217-eng.htm> (accessed 25.02.2023).

7. Berry J. Immigration, acculturation, and adaptation / J. Berry // Applied psychology: an international review. 1997. №46 (1). P. 5–68.

8. Canada: A History of Refugee. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/refugees/history.html> (accessed 25.02.2023).

9. Canada: A Northern Refuge for Central Americans. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/canada-northern-refuge-central-americans> (accessed 25.02.2023).

10. Canada's Immigration Policy: a Focus on Human Capital. URL: <https://bit.ly/2PtIBUR> (accessed 25.02.2023).

11. Comuzzi I. Integración de inmigrantes latinoamericanos en Canadá: políticas sociales y problemáticas de inserción de los inmigrantes: tesis de doctorado en sociología / Inés Comuzzi. Buenos Aires, 2013. 332 p.

12. Cuban Adjustment Act. URL: <https://pewrsr.ch/3aFelux> (accessed 25.02.2023).

13. Getting Migration in the Americas Right. URL: <https://www.americanprogress.org/article/getting-migration-americas-right/> (accessed 25.02.2023).

14. Gomez L. E. Manifest Destinies: The Making of the Mexican American Race. URL: <https://bit.ly/3vcKl6E> (accessed 25.02.2023).

15. Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. New York: Oxford Univ; 1964. 276 p.

16. Gregory J. Latinx Great Migrations – History and Geography. URL: <https://bit.ly/3foYPaD> (accessed 25.02.2023).

17. Maldonado-Denis M. The Emigration Dialectic: Puerto Rico and the USA / M. Maldonado-Denis. New York: International Publishers. NY, 1980. 168 p.

18. Mata F. The Immigrant Waves from Latin American to Canada: A Look at Immigration and Census Statistics. URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/kn4dy/> (accessed 25.02.2023).

19. Mexican Immigrants and Temporary Residents in Canada: Current Knowledge and Future Research. URL: <https://bit.ly/3qfRFs4> (accessed 25.02.2023).

20. Minister of Immigration, Refugees and Citizenship Mandate Letter. URL: <https://pm.gc.ca/en/mandate-letters/2021/12/16/minister-immigration-refugees-and-citizenship-mandate-letter> (accessed 25.02.2023).

21. Pagnotta C. Latin American migration within the continent between 1980 and 2000: a historical perspective. URL: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/67174> (accessed 25.02.2023).

22. Racial and Ethnic Diversity in the United States: 2010 Census and 2020 Census. URL: <https://www.census.gov/library/visualizations/interactive/race-and-ethnicity-in-the-united-state-2010-and-2020-census.html> (accessed 25.02.2023).

23. Redfield, R. Memorandum on the study of acculturation / R. Redfield, R. Linton, M. Herskovits // American Anthropologist. 1936. №38. P. 149–152.

24. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return / W. Safran // Diaspora: A Journal of transnation studies. 1991. Vol 1. № 1. P. 83–99.

25. Simmons A.B. Latin American Migration to Canada: New Linkages in the Hemispheric Migration and Refugee Flow System / Alan B. Simmons // International Journal. 1993. Vol. 48. №2. P. 282–309.

26. The Bracero Program. URL: <https://www.labor.ucla.edu/what-we-do/research-tools/the-bracero-program/> (accessed 25.02.2023).

27. Tienda M., Sanchez S. Latin American Immigration to the United States. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4638184/> (accessed 25.02.2023).

Даниил Андреевич РЫБАЧУК, соискатель степени канд. полит. наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: ska-i@mail.ru

Daniil A. RYBACHUK, Applicant for the degree of Candidate of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ska-i@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 20.03.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Научная статья
УДК 85.10.103(3)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/87-97>

Иконографические особенности японских скульптур светлых царей

Юрий Леонидович КУЖЕЛЬ

Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, Россия, korkyr@yandex.ru

Татьяна Иосифовна БРЕСЛАВЕЦ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, breslavets.ti@dvfu.ru

Аннотация. Светлые цари *мё:о*: (明王), почитаемые в эзотерическом буддизме, оберегают мир от сил зла. Их устрашающий облик свидетельствует о борьбе со злыми духами, о стремлении предотвратить бедствия земли, избавить человечество от пороков и страданий. В статье анализируются особые черты средневековой пластики, проявляющиеся в деталях грозных ликов, экспрессивных поз, одеяний, в символике атрибутов, рассматриваются и скульптуры, отличающиеся от канонических. Отмечается как типологическая общность персонажей, так и черты индивидуальности с присущей им эмоциональной выразительностью.

Ключевые слова: буддизм, светлые цари, иконография, изобразительный канон, атрибуты, короны, мандорлы, пьедесталы

Для цитирования: Кужель Ю.Л., Бреславец Т.И. Иконографические особенности японских скульптур светлых царей // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 87–97. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/87-97>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/87-97>

Iconographic features of the Japanese sculptures of light kings

Yuriy L. KUZHEL'

Moscow State University for Sports and Tourism, Moscow, Russia, korkyr@yandex.ru

Tatiana I. BRESLAVETS

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, breslavets.ti@dvfu.ru

Abstract. Light kings *myōō* (明王), revered in esoteric Buddhism, protect the world from the forces of evil and inspire it with hopes for getting rid of troubles. Their frightening appearance testifies to the fight against evil spirits, the desire to prevent the disasters of the earth, to save humanity from harmful addictions that lead to suffering. The article analyzes the special characteristics of the sculptural images of light kings, manifested in various details of formidable faces that take on a ferocious expression, hairstyles resembling flames, in the plasticity of expressive poses, attire, in the symbolism of numerous attributes, sculptures that differ from the canonical ones are also considered. Both the typological commonality of the characters and the personality traits with their inherent emotional expressiveness, a departure from conventional norms, are noted. The aesthetic significance of the monuments of medieval Buddhist iconography, their role in the cultural and historical development of Japan is undeniable.

Keywords: Buddhism, light kings, iconography, pictorial canon, attributes, crowns, mandorlas, pedestals

For citation: Kuzhel' Yu.L., Breslavets T.I. Iconographic features of the Japanese sculptures of light kings // Oriental Institute Journal. 2023. No. 2. P. 87–97. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/87-97>

Введение

В иерархии буддийских божеств после будд и бодхисаттв следуют светлые цари *мё:о*: (明王, санскр. видьяраджа)¹, миссия которых на земле состоит в защите живых существ и буддийского учения от сил зла. Их свирепый вид *фунну* (憤怒), гневная ипостась свидетельствуют не о насилии, а о готовности уничтожить всё, что противостоит буддизму. Светлые цари выступают своеобразными чистильщиками вселенной, яростными гонителями злых духов, избавителями от войн, всевозможных бедствий, болезней и т. п. [7, с. 105].

¹ "Мё:" (дхарани), "свет мудрости, который исходит от Тела Почитаемого миром" [6, с. 259], "о:" – "царь".

Они изображаются с военной атрибутикой в руках в виде оружия, с угрожающими лицами, за которыми скрывается великое сострадание к людям. Эти персонажи в основном предстают как многоголовые *тамэн* (多面), многорукие *таху* (多臂), многоногие *тасоку* (多足) божества, обвитые змеями на фоне вырывающихся из-за спины языков пламени, которые сжигают людские заблуждения.

Они пришли в Японию из Индии через Китай в начале эпохи Хэйана (781–1191) вместе с эзотерическим буддизмом, представленным школами Сингон и Тэндай благодаря известным религиозным деятелям – Кукаю (774–835) и Сайтё (767–822), чтобы бороться со злом, облагораживать человека и помогать ему преодолевать пагубные пристрастия [17, с. 96]. Разработанная на континенте буддийская иконография, вместившая в себя сложную условную систему, в Японии получила серьёзный импульс к развитию и приобрела национальный японский облик, обогатилась новыми образными решениями.

Целью данного исследования является углубление и расширение знаний о буддийской скульптуре, представленной в храмах, в том числе изображениями светлых царей. Задачи определяются анализом их выразительных свойств, иконографических принципов.

Основой для исследования послужили работы таких японских искусствоведов, как Мори Хисаси, Сава Такааки, Кумада Юмико, Танака Ёсиясу, Нисимура Котё и др., а также российских учёных Н.А. Виноградовой, А.Г. Фесюна и др. Исползованная система методов (исторический, сравнительно-типологический, аналитический, иконологический) позволяет высветить особенности этого вида искусства. Новизна работы связана с осмыслением изобразительных канонов, раскрытием специфических иконографических черт светлых царей, всесторонним изучением артефактов, что в российском японоведении в русле искусствоведческих методик осуществляется впервые.

Светлый царь Фудо: и его окружение

Светлые цари, или "цари ясности", связанные с тайными знаниями, в японской иконографии представлены Фудо:不動, Дайитоку大威徳, Конго:яся金剛夜叉, Го:дзандзэ降三世, Гундари 軍荼利 и некоторыми другими. Все пятеро являются проявлениями соответственно будд Вайрочана (Дайнити), Амитабха (Амида), Амогхасиддха (Фукудзёдзю), Акшобхья (Асюку), Ратнасамбхава (Хосё). Почитаемые в эзотерическом буддизме светлые цари связаны с шестью великими первоначалами и соотносятся с небом (Фудо:), водой (Дайитоку), ветром (Конго:яся), землёй (Го:дзандзэ), огнём (Гундари). Каждый из них ассоциируется с определённым цветом: соответственно с синим, жёлтым, красным, белым и чёрным. К ним обращаются при проведении тайных обрядов, в частности, для предотвращения разного рода бедствий, и вызывают в случаях мольбы о благах (пользе) [5, с. 102, 190]. Светлые цари являются помощниками и посредниками в эзотерических практиках.

Фудо: является основным Почитаемым *сюсон* 主尊 в таких мандалах (схематическое изображение мира в буддизме) как "Бэссон мандара", "Дзюнитэн мандара", "Антин мандара" и др. [6, с. 272]. Культ Фудо: (неподвижный, непоколебимый)² развивался повсеместно как среди аристократии, воинского сословия, так и в народных массах. Фудо:不動 также пишется Мудо:無動, что означает "неподвижный" в полном смысле слова "стойкий" [8, с. 298].

К нему почтительно обращаются о-Фудо:сама при совершении паломничества во время религиозных праздников. Обряд его почитания в прошлом относился к "мужскому" и поэтому нёс черты жёсткости и представлял нелёгкое испытание, суть которого состояла в очищении под струями водопада, а также жертвоприношении, связанного с огненным ритуалом и возжиганием трав, благовоний, деревянных палочек.

Изображения Фудо: имеют множество вариаций, но наиболее общими чертами являются наличие меча в правой руке и верёвки в левой, волосы, свисающие на ле-

² Неподвижный – это не значит не находящийся в движении в физическом смысле, скорее это неподвижность мудрости (праджня), наделённой бесконечной подвижностью.

вую часть лица, морщины на лбу в форме волн, его полное тело окружено пламенем, и он прочно стоит или сидит на скале [8, с. 299]. Светлый царь Фудо; согласно канону, т.е. шестнадцати особенностям [6, с. 264], запечатлён с закушенной в гнев губой, в остро динамичной, грозной позе, свидетельствующей о его борьбе с неведением и злом [11, с. 39]. Лик часто усугублён двумя разнонаправленными выпирающими из рта клыками, что вызывает ассоциации с двадцать четвёртым телесным признаком Будды *гэбьякусо*: (牙白相): у Будды по два белых резца сверху и снизу (рис. 1).

Фудо: разит врагов мечом с рукояткой-ваджрой, при помощи силков-лассо³ ловит заблудших и пробуждает к вере [14, с. 79]. В японской иконографии тип глаз, которым наделено это устрашающее божество, относится к разряду *тэнтиган* (天地眼, глаз небо-земля): наполовину закрытый левый глаз смотрит на землю, а открытый правый – на небо [3, с. 397, 11, с. 93]. Встречаются изображения и с двумя открытыми глазами. При обзоре скульптур Фудо: невольно обращаешь внимание на причёску *макигами* (巻髪), в верхней части переплетённую в стиле "сякэй" (определение дано по иероглифу "ся", входящему в название травы сыти) с семью пучками на макушке, которые "символизируют семь способов практик для обретения просветления" [6, с. 267] и заканчивающуюся косичкой *бэмпацу* (弁髪), спускающейся на левое плечо. Встречается вариант причёски с крупными завитками, когда её верх венчает лотосовый цветок – *рэнтё* (蓮頂) (храм Эриндзи, преф. Яманаси; храм Сёрюдзи, о. Сикоку) [16, с. 83]. Причёска *эмпацу* (炎髪) в виде вздыбленных кверху прядей волос, напоминающих огненные сполохи, тоже характерна для Фудо.

Вариантом изображения Фудо: является скульптура Намикири Фудо: (Разрезающий волны Фудо:, храм Сёрюдзи), с появлением которой на о. Сикоку связана легенда⁴. Согласно ей, Кукай, возвращаясь из Китая, попал в шторм, но после чудесного появления Фудо: был спасён, как и все находящиеся на судне. Тёмный корпус скульптуры резко контрастирует с золотыми браслетами на запястьях, предплечьях и ногах. Фудо: непоколебимо стоит на защите человеческого рода и ничто не может сломать его веры [3, с. 398; 16, с. 83].

В молельне Минамиин на г. Коя сохраняется более ранняя скульптура с аналогичным названием, вырезанная, по преданию, Кукаем. Если Фудо: из храма Сёрюдзи пугает врагов зловещим видом, то в скульптуре Кукая прочитывается готовность прийти на помощь живым существам и спасти их.

Обычно Фудо: помещался на пьедестале *сиссицудза* (瑟瑟座), представлявшем в плане шесть трапециевидных фигурных блоков, смыкающихся узкими основаниями, которые установлены на плоскую базу с ножками [9, с. 162; 10, с. 7]. Он изображался также в рост на скальном постаменте *ивадза* (岩座) в окружении по-

Рис. 1. Светлый царь Фудо. Источник: [15, с. 58].

Fig. 1. Light king Fudo. Source: [15, с. 58].

³ Атрибуты символы Фудо: – *самаягё*: 三昧耶形

⁴ Считается усмирителем бурь.

сланцев-спутников *до:дзи* (童子) Конгара и Сэйтиака (Фудо: – раскрашенное дерево, 527 см, 1154 г., г. Киото) [12, с. 59]. В скульптурных группах фланкирующие Фудо: персонажи принимают разные позы: у Конгара руки свободно согнуты в локтях или сложены в молитве *гассё:* (合掌), Сэйтиака в правой руке держит "алмазную" палку *конго:бо:* (金剛棒) или опирается на неё [17, с. 101].

В японской иконографии Фудо: есть примеры, когда фигура до груди вырезалась из единого ствола дерева, росшего на вершине горы. Такие скульптуры *та-тикибуцу* (立木仏) наследовали у материала священность, которую они получали в результате многолетних молитв, возносимых этим сакральным природным объектам, где, по синтоистским верованиям, обитали божества. Таким предстаёт Фудо: (308 см, преф. Хиросима) из храма Фукуодзи, но в отличие от других Фудо: его руки сжаты в кулаки, а не держат лассо и меч.

Помимо деревянных скульптур Фудо:, в начальный период Камакуры (1192–1333) появляются и железные – *тэцубуцу* (鉄仏). У скульптуры (59.3 см, нач. XIII в.) из храма Какуондзи из этого материала сделаны и одеяние, и украшения, и причёска [18]. В триаде Фудо: (97.7 см) со спутниками Конгара (96 см) и Сэйтиака (95.4 см) из храма Оямадэра особенно впечатляет художественно выполненная, богато украшенная железная фигура сидящего Фудо:, в сверкающие гневом глаза которого для усиления эффекта устрашения вставлен хрусталь [13]. Появление скульптур из железа, девяносто процентов которых сосредоточено в восточной части страны, в конце периода Камакуры и далее в эпоху Муромати (1336–1573), связывают не столько с дороговизной меди для отливки бронзовых фигур, но и с их сравнением с железной волей тогдашних правителей страны – военачальников [18].

Образ светлого царя Фудо: в традиционном ключе решён и в дошедших до наших дней каменных скульптурах, относящихся к пещерной пластике *магайбуцу* (磨崖仏), высеченных в камерах скал или помещённых в природную среду в виде изолированных изваяний. Их объединяет монументальность, застывшие фигуры точно передают идею нерушимости. Прочный материал, как никакой другой, подходил для воплощения сути этих грозных охранителей веры, стоящих на мощных ногах, и отвечал их предназначению в мире. Мастера не отходили от традиции придания образам характерной позы и суровости взгляда. Искусно вырезаны вытаращенные в гневе глаза, открытый в крике рот с торчащими резцами, широкий мясистый нос, а также традиционная косичка *бэмпацу*, спускающаяся на левое плечо. Для скальных и пещерных фигур Фудо: характерны экспрессивные заглублённые контуры.

В разных районах Японии находятся наскальные изображения буддийских персонажей, среди которых немало образов Фудо: и его предстоящих, вырезанных на стеновых поверхностях: Мотомия *магайбуцу* (г. Бунготакада, преф. Оита, п-ов Кунисаки), Нарамото *магайбуцу* (г. Уса, преф. Оита), Киёмидзу *магайбуцу* (юг о. Кюсю), Дзуйгандзи *магайбуцу* (г. Коконоэ, преф. Оита). Особенно впечатляют трехметровый наскальный рельеф Фудо: (храм Ниссэкидзи, преф. Тояма, XII в.) и скульптура восьмиметрового Фудо: из Кумано Гонгэндзя в преф. Оита [15, с. 132, 148], напоминая, что такой исполинский размер был свойствен только значимым божествам. Масштабность фигур вызвана усилением роли Фудо: в XII–XIII вв. как среди самураев, так и простого народа⁵. Через мощность образов Фудо: мастера показали идеалы нового класса самураев, демонстрирующих в обществе свою силу. Но нельзя отрицать и тот факт, что созданию такого колосса способствовал сам материал – скальный массив. Помещённый в естественную среду, Фудо: из Кумано Гонгэндзя, воспринимается как часть природного мира, куда он гармонично вписан мастерством талантливых камнерезов. Известный искусствовед-дальне-

⁵ В период Токугавы (1603–1868) для охраны города Эдо в 1628 г., по приказу третьего сёгуна Токугава Иэмицу, было создано пять Больших Фудо: (Годай Фудо:) с черными (Мэгуро), белыми (Мэдзиро), красными (Мэака), жёлтыми (Мэки), синими (Мэао) глазами. Общее название для этих Фудо: – Эдо го-сики Фудо: (Пятицветные Фудо: из Эдо). Они охраняли и пять дорог, ведущих из Эдо. В современном Токио остались названия районов – Мэгуро и Мэдзиро.

восточник Н.А. Виноградова отмечает, что "грандиозные рельефные циклы пещерных монастырей, монументы, высеченные в каменных скалах, были характерны для китайской пластической культуры и были восприняты японцами" [2, с. 9].

Как правило, в храмовом пространстве центральный персонаж Фудо: группирует вокруг себя остальных четырёх светлых царей – защитников стран света и великих начал [3, с. 161; 10, с. 64–65; 12, с. 62–63]. Его свирепый вид на фоне языков пламени, горящие глаза, оружие в руках свидетельствуют о том, что он борется с неведением. Остальные фигуры относительно Фудо: располагаются следующим образом: на западе – Дайитоку, востоке – Го:дзандзэ, юге – Гундари, севере – Конго:яся. Пять великих почитаемых *годайсонмё:о*: (五大尊明王) – ещё одно название светлых царей. Они одновременно являются и охранителями пяти будд мудрости *готинёрай* (五知如来), которые также располагаются в храмах по сторонам света.

Одна из таких ранних композиций сложилась в зале проповедей храма Тодзи в Киото. Созданные в 839 г. из дерева цари наделены типичными буйными ликами с торчащими из ртов клыками. По канону персонажи изображены с оружием в многочисленных руках: у Конго:яся (201 см) и Дайитоку (144 см) их шесть, у Гундари (201 см) и Го:дзандзэ (173 см) – восемь и только у Фудо: (173,2 см) – две [15, с. 62–64, 78–80]. Скульптуры представлены в динамичных позах, говорящих, как и лики, о готовности буддийских героев защитить веру.

В отличие от остальных, Дайитоку, обладающий большой силой и добродетелью, изображён не в рост, а сидящим в позе *ханкафудза* (半跏趺座) – его правая нога вывернутой ступнёй лежит на левом бедре. У Дайитоку не только шесть ног и ликов, но столько же рук, четыре из которых сжимают ваджру, копьё, меч, силки-лассо, а две сплетены в мудру *кандзё:ин* (灌頂印).

Пластика периода Камакуры тоже откликнулась созданием пентады великих светлых царей [9, с. 27–31], автором которой был мастер Мёэн. Скульптуры (раскрашенное дерево) сделаны в 1176 г. для храма Дайкакудзи (г. Киото), где раньше находилась подобная композиция, выполненная по заказу императора Сага (786–824), в создании которой принимал участие Кукай. О том, что работы начались шестнадцатого числа одиннадцатого месяца свидетельствует надпись, сохранившаяся на пьедестале скульптуры Конго:яся. Все пять фигур искусно вырезаны из дерева в одном масштабе и раскрашены, они относятся к важной культурной ценности *бункадзай* (文化財). Мёэн не пренебрёг вниманием к таким деталям, как складки одеяния, в ритмах которых проявляется свободная непринуждённость, шейные и ручные украшения и наделил скульптуры разнообразными атрибутами: лук, стрелы, ваджра, колесо закона, скипетр. Хотя канон требовал изображать персонажей с устрашающими ликами, скульптор смоделировал выражения лиц не такими грозными.

Охраняющий восток восьмирукий трёхликий Го:дзандзэ как олицетворение будды Дайнити разрушает три мира – скупости, гнева и глупости, ведущих человека к заблуждению и страстям, поэтому он обладает тремя гневными ликами⁶. В его восьми руках – пика, стрела, лук, лассо, меч, колокольчик с ручкой ваджра, пальцы двух свободных рук сплетены на груди в характерную для него мудру *го:дзандзэин* (降三世印). Традиционные сполохи огня на заднем фоне, образующие мандорлу *каэнко:хай* (火焰光背), в скульптурах Мёэна заменены на плетение в виде растительного орнамента. Для Го:дзандзэ существует специальный пьедестал *сэйрэйдза* (聖靈座), на котором он ногами попирает представителей иной религии – Шиву и его государыню Уму. Широкий пояс незамысловатого одеяния в виде свободно обвивающих корпус лент украшен звериной маской (66,8 см) [10, с. 10–11]. Иногда Го:дзандзэ как занимающий высокое положение среди других предстоящих вместе с Фудо: мог фланкировать будду Дайнити.

Охранитель юга Гундари⁷, воплощение будды Хосё, тоже был призван оберегать людей, устранять возникающие на их пути препятствия. Его иконографи-

⁶ Может обладать и четырьмя ликами.

⁷ Имеет и другие имена: Канро Гундари, Кирикири, Гундарияся, Дайки.

Рис. 2. Светлый царь Гундари. Источник: [9, с. 30].

Fig. 2. Light king Gundari. Source: [9, с. 30].

ческой особенностью является использование скульпторами змей, которые вместо ручных, ножных и нагрудных украшений обвивают ноги, шею, предплечья, руки. Одна из восьми рук сжимает змею с открытой пастью, другие держат знакомые атрибуты. Пара свободных рук, сложенных крест-накрест, прижата к груди в мудре *дайсинъин* 大眞印 [10, с. 12–13]. Считается, что наличие подобной рептилии в качестве украшения не случайно: она олицетворяет ум, терпение, любовь и упоминаются в сутре "Даранисюкэ". В скульптуре Мёэна Гундари (69,5 см) предстает в рост (встречаются и сидящие скульптуры) трёхглазым и одноликим. В его восьми руках находятся пика, ваджра, петля, колесо закона и др. Вместо ручных и ножных браслетов, шейного украшения – красные змеи, и две змеи свисают между ног. Он помещён на

пьедестал *фумиварирэнгэ* (踏割蓮華). Фигура Гундари, обвитая змеями, демонстрирует постулат "гати-гакэн-гаман-гаай": мой ум – мой взгляд – моё терпение – моя любовь [10, с. 12–13; 17, с. 104–105] (рис. 2).

В изображении Мёэна охранитель запада шестиликий шестирукий Дайитоку⁸, эманация будды Амиды или бодхисаттвы Мондзю, предстаёт устраняющим всякое зло, повергающий божество смерти Яма распространяющим свою добродетель (58.2 см). В этом ему помогают всевидящий третий глаз *дайсанган* (第三眼) и шесть голов, три из которых помещены на центральную голову. В четырёх руках видим боевые атрибуты и колесо закона, средние пальцы двух рук образуют мудру. Шейное украшение слетено из угрожающе выглядящих черепов, горящих о тщетности бытия. Незатейливое одеяние, видимо, должно напоминать о тигровой шкуре традиционно опоясывающей Дайитоку. Если он изображается изолированно, то помещается на многоярусный пьедестал *сиссишудза* (瑟々座) в позе *ханкафудза* или зооморфный трон *тё:дзю:дза* (鳥獸座) в виде священного в индуизме животного – лежащего синего буйвола [10, с. 8–9; 17, с. 106–107].

В соответствии с канонем Мёэн выполнил фигуру окрашенного в темно-синий цвет, трёхликого шестирукого, единственного пятиглазого в центральной голове Конго:яся (гневное воплощение будды Фукудзёдзю), охраняющего север. Он представлен со стрелой, луком, мечом, ваджрой, колокольчиком с ручкой-ваджрой, колесом закона, в том числе и скипетром *конго:сё* (金剛杖), что созвучно его имени, с помощью которых он противостоит бедствиям. Причёска по традиции выполнена в форме вздыбленных волос, напоминающих огонь (69.7 см). Он, как и Гундари, ногами упирается в раскрытые цветы лотоса, вариант лotosового трона *фумиварирэнгэдза*, демонстрируя намерение растоптать зло [17, с. 104–105, 108–109; 9, с. 27].

Фудо: изображается не только в окружении вышеперечисленных четырёх канонических царей или уже упоминавшихся Конгара и Сэитака, но его могут фланкировать восемь великих посланцев-спутников, или "мальчиков-слуг" *хатидайдо:дзи*

⁸ Другие имена: Эмматокука, Гоэнмасон и Рокусукосон, поскольку у него шесть ног.

(八大童子), как в статуарной композиции Фудо:хатидайдо:дзи (скульптор Коэн, раскрашенное дерево, средняя высота фигур 50 см, храм Каннондзи, г. Токио, 1272 г.). Участники группы (Анокудацу, Ситоку, Укубага, Конгара, Сёдзёбику, Сэйтака, Ёко, Эки) держат разные сакральные предметы – скипетр, драгоценность мани, сутру, ваджру и помещены на большие камни-постаменты. Особенно впечатляет Анокудацу на крупномасштабном ездовом животном – драконе. Эта многофигурная композиция лишена единой энергии, каждый персонаж сосредоточен на своём, несёт собственную идею. Однако приданный ансамблю ритм движения вызывает духовное переживание [9, с. 87].

Другие светлые цари

Кроме пяти великих почитаемых светлых царей в буддийском пантеоне и соответственно иконографии существуют ещё пять светлых царей – Тайгэнсуй⁹ 大元帥, Бато: 馬頭¹⁰, Айдзэн 愛染, Усусама 烏枢砂摩 и Кудзьяку 孔雀, из которых три последние считаются наиболее значительными. Небольшая по размеру, всего 40.9 см, фигурка Айдзэна¹¹ (раскрашенное дерево, храм Дзингодзи, г. Киото, 1275 г.) мастера Коэна впечатляет вниманием к деталям [9, с. 82]. Как и вышеописанные персонажи, Айдзэн изображён с устрашающим ликом, о чём свидетельствуют открытый рот и нависающие над сверкающими в гневе глазами брови. Третий глаз помещён в межбровье, на голове – львиная морда-корона *сисикан* (獅子冠) с водружённой сверху пятизубцовой ваджрой, обрамлённой с трёх сторон вздыбленными волосами в стиле причёски *эмпацу*, стилизованной под пламя. Шестирукий Айдзэн держит ваджру, цветок лотоса, колокольчик с ручкой-ваджрой, а также обязательные для него лук и стрелу – символы "алмазной любви" *конго:аи* (金剛愛). Фоном для скульптуры служит красный нимб в виде солнечного диска и мандорла с наплывающими кругами *нидзю:энко*: (二重円光). Резко контрастируют с обликом Айдзэна художественно выполненные ажурные украшения из меди в виде ручных и ножных браслетов, ожерелья. Светлый царь, как правило, изображается сидящим со скрещёнными ногами в позе *кэкафудза* (結跏趺坐) на лotosовом троне *рэнгэдза* (蓮華座). Предназначение Айдзэна связывают с изменением человека к лучшему, обузданием страстей, заблуждений, но не через насилие, а естественным путём, ведущим к конечной цели – просветлению¹².

В японской иконографии присутствуют и другие высокохудожественные изображения Айдзэна. Миниатюрная работа (32 см, храм Нисидайдзи, г. Нара, 1247 г.) скульптора Дзэнъэна относится к скрытым фигурам *хибуцу* (秘仏), которые могли быть обозримы только в определённое время. У произведений Коэна и Дзэнъэна много общего и разнятся они только в деталях. Например, у скульптуры Дзэнъэна над мордой- короной в центре отсутствует ваджра, отличается и положение цветка лотоса в руке. В работе Коэна в одной из левых рук Айдзэн держит лук, а не скипетр. Различаются нагрудные и наручные украшения. Есть еще одна миниатюрная фигурка Дзэнъэна высотой 42.4 см., из раскрашенного дерева (храм Сэйдайдзи, зал Айдзэндо, г. Нара, 1247 г.). Между тремя изображениями много общего в позе, взгляде, причёске, но замечены различия в атрибутах [10, с. 18].

⁹ Считается самым ужасным, изображался с ожерельем из черепов и ядовитыми змеями на руках вместо браслетов. В храме Гококудзи (Токио, время создания неизвестно) Четырёхголовый Тайгэнсуй предстаёт в многофигурной композиции со злым выражением лица, а центральный лик вполне благодушный. Две руки сложены в молитве гассэ; а в остальных – колокольчик, ваджра, алебарда и т.д. [10, с. 108–109].

¹⁰ Бато: Каннон – Каннон с Лошадиной головой обычно относят к бодхисаттвам, но из-за устрашающего вида также считается как мё:о; т.е. Бато: м ё:о.

¹¹ Описан в сутре "Югигё".

¹² Айдзэн вошёл в японский буддизм не без помощи Кукая в период Хэйана, и его восприятие с веками менялось. Если сначала он воспринимался как божество, способное продлевать жизнь и завершить череду бед, то в позднее средневековье и новое время к нему обращались в надежде на счастливый брак. Считалось, что он может даровать крепкую "алмазную" любовь, поэтому был особенно популярен у женщин, в том числе и из "весёлых кварталов".

Одной из скульптур, выбивающейся из традиционного формата, считается скульптура Айдзэна с луком и стрелой, направленной в небо (89.4 см, раскрашенное наборное дерево, храм Хоккодзи, преф. Яманаси, вторая половина периода Хэйана). Тэнкю: Айдзэн 天弓愛染 держит лук перед лицом, а стрелу направляет в небо [10, с. 21]. Кроме этого отличия, есть особенности в передаче выражения лица – оно более мягкое, не такое суровое, как у остальных персонажей. В разрез каноническому изображению существует иное – так называемый Айдзэн с двумя головами и восемью руками Рёто: Айдзэн 兩頭愛染 (36 см, храм Хоккэдзи, преф. Гифу, период Токугавы). Его свирепые лики развёрнуты в противоположные стороны. Причёску правой головы, скорее свойственную бодхисаттвам, прикрывает высокая корона. Над обеими головами сияет нимб, край которого украшен стилизованными языками пламени, полыхающими на фоне большого круга *нитирин* (日輪) [10, с. 99].

В храмах школ Сингон и Тэндай в окружении Фудо: можно встретить Усусама, олицетворяющего индуистского бога огня Агни, причёска которого традиционно похожа на пламя. Как божество, изгоняющее злых духов, он был популярен среди простых людей в период распространения в Японии эзотерического буддизма. Кроме того, он воспринимался как чистильщик скверны, поэтому устанавливался в туалетах при храмах.

В туалетной комнате *то:су* (東司) дзэнского храма Касуйсай (преф. Сидзуока) находится самое известное подобное деревянное изображение Усусама, возведённое на пьедестал *ивадза* [10, с. 22–23]. В двух правых руках у него алебарда и ваджра, на ладони левой руки лежит череп, указательный палец другой руки направлен вверх. Его левая нога стоит на спине лежащего существа с телом человека и головой слона, у правой ноги, сложив в молитве руки, коленопреклонённо сидит вторая фигура тоже со слоновьей головой, что вызывает ассоциации с Ганешей¹³, культ которого пришёл в Японию из Индии, где первоначально относился к демонам. Эта работа, выполненная в 1937 г., высотой 172 см, с пьедесталом – 3 м, принадлежит известному скульптору Такамуре Сэйуну (1893–1969).

В японской иконографии Усусама есть шести- и восьмирукие изображения с различными атрибутами – алебардой, ваджрой, колесом закона, драгоценностью *мани*, черепом и др. Их всех объединяет грозное, злобное выражение лица, открытый рот с двумя выпирающими клыками, причёска *эмпацу*, верх которой обвивает змея, а также красный цвет корпуса тела. Вытаращенные глаза называют глазами енотовидной собаки *тануки*.

Радикальным образом от всех отличается Кудзьяку – светлый царь на павлине, без боевых атрибутов, с одной головой, как и у Фудо: наделённый доброжелательным ликом. Самая известная скульптурная композиция Кудзьяку создана Кайкэем (раскрашенное дерево, 78.5 см, храм Конгобудзи, г. Коя, конец XII – начало XIII вв.). Необычные для японской иконографии атрибуты – плод для жертвоприношений *гуэнка* (俱縁果), плод для изгнания злых духов *китидзёка* (吉祥果), перо *кудзьякуо* (孔雀尾) больше не встречаются ни в одной скульптуре светлых царей. Его голову венчает резная тиара [10, с. 17, 36].

Скульптура царя-павлина Кудзьяку в храме Сэйрэкидзи (113.6 см, преф. Нара, период Камакура) выделяется не только фиолетовым окрасом, но и некоторыми атрибутами в руках: в двух левых руках – перо и плод *гуэнка*, в правых руках – лотос и колесо закона. Голову украшает корона с боковыми сегментами, фонтом служит однослойная, а не многослойная мандорла в виде раскрытого хвоста с "павлиньими глазами" в каждом пере.

Обе скульптуры представляют собой картинное, яркое, играющее разноцветными красками изображение. Кудзьяку с царским величием восседает в позе *кэкафудза* на лotosовом пьедестале-чаше *рэнгэдза*, который помещён на спину прекрасной птицы, упирающейся сильными ногами в многоярусный постамент. В романе Мисима Юкио "Храм на рассвете" дано образное описание скульптуры

¹³ Об этом напоминает и обломанный бивень, легенда о котором хорошо известна [6, с. 294].

Кудзяку, который "являет самое милосердие, кожа на обращённом к вам лице и на теле белоснежна; эта чистая, напоминающая шёлк кожа, корона на голове, ожерелье на шее, спускающиеся с мочек ушей серьги, браслеты на запястьях – всё просто ослепляет" [4, с. 163]. *Перевод Елены Струговой.*

Кудзяку считался избавителем от трёх пороков – гнева, невежества и алчности и появлялся перед теми, кто призывал его с помощью магических заклинаний "Кудзякумё дарани". Эту мантру связывали со специфическими криками павлина. Видимо, полагали, что присутствие ездовой птицы, которая считалась пожирателем змей, достаточно, чтобы выразить намерение Кудзяку бороться со злом, и изображение гневного лика необязательно. Насыщенное деталями одеяние, роскошная мандорла, имитирующая павлиний хвост, связываются с представлениями о богатстве и многообразии мира (рис. 3).

Заключение

С приходом в Японию эзотерического учения расширился пантеон божеств, в круг которых вошли и светлые цари, охранители частей света, различные иконографические вариации которых представ-

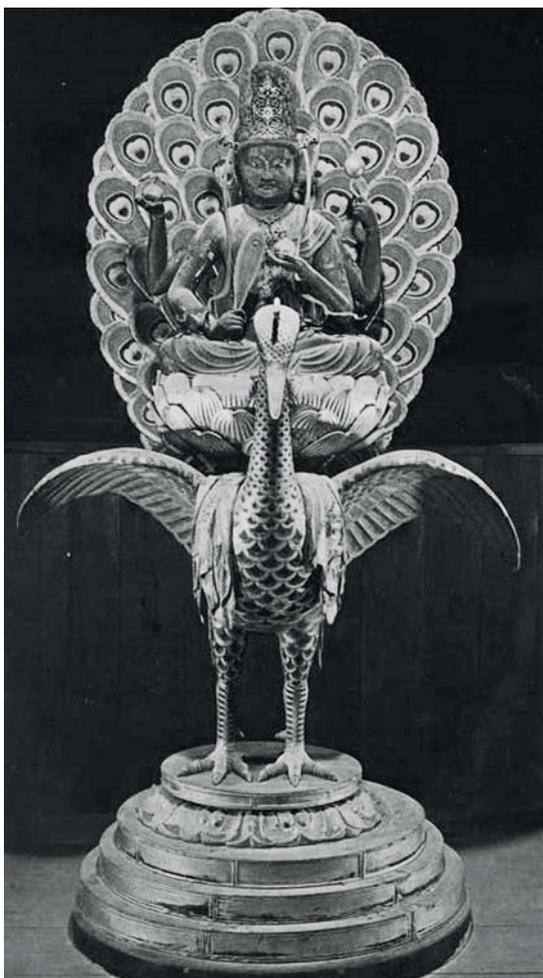

Рис. 3. Светлый царь Кудзяку. Источник: [9, с. 110].

Fig. 3. Light king Kujaku. Source: [9, с. 110].

лены в буддийских храмах страны. Начиная с периода Хэйана, в сложной и многоликой иерархии буддийских божеств появились новые персонажи, которые в японской пластике приобрели своеобразные иконографические признаки. Светлых царей изображали сидящими, поджавшими под себя ноги или стоящими в экспрессивных позах. Акцент делался на демонстрацию силы светлых царей, борющихся со злом, неведением, дающих надежду на защиту и избавление от бед. Нимбы вокруг головы или мандорлы, охватывающие фигуру, тоже выглядят по-разному, но, как правило, соотносятся с изображением стилизованных сполохов пламени, в огне которого сжигается всё дурное. Общее наблюдается и во вздыбленных причёсках, тоже напоминающих пламя. Для каждого героя определён и пьедестал, наиболее соответствующий его характеру. Для изображения новых персонажей применялся главным образом такой пластический материал, как дерево, природные свойства которого мастера искусно использовали, в том числе подвергая его полихромной окраске. Фактурность дерева способствовала выявлению в скульптурах эмоциональной выразительности, что проявлялось в пластике движений, изгибах многочисленных рук, игре складок одеяний.

Типологическая общность не мешала энергичным божествам выглядеть индивидуально. Многорукие, многоголовые существа с оскаленными лицами давали надежду на избавление от бед и защиту перед силами зла, о чём свидетельствовал не только гневный вид, но и многочисленные военные атрибуты в руках. Очисти-

тели вселенной приближались к людям, даря надежду на заступничество. Фигуры "гневных царей" своей динамикой и красочностью производили ошеломляющее впечатление. Но они могли быть и эмоционально уравновешенными, как Кудзьяку, который, восседая на ездовой птице павлине, царственно прекрасен и вызывает ассоциации с посланцем из фантастического мира.

Роль данного исследования заключается в том, чтобы снять преграду, возникающую между современным зрителем и скульптурами из-за ёмкости и многослойности символики, их принадлежности к незнакомому культурному пласту. Понимание эстетического значения памятников средневековой пластики, осмысление их принципов требуют определённой подготовки. По словам Н.А. Виноградовой, "буддийский иконографический канон как одна из форм фиксации и закрепления художественного опыта многих народов, их космогонических, этических и эстетических представлений, без специальной подготовки труден для восприятия" [1, с. 146], и добавим: нуждается в специальной расшировке..

Литература

1. Виноградова Н. А. Скульптура старого Китая. Духовные знаки времени. М.: Театралис, 2010. 198 с.
2. Виноградова Н. А. Скульптура Японии III–XIV вв. М.: Изобразительное искусство, 1981. 240 с.
3. Кужель Ю. Л. XII веков японской скульптуры. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 455 с.
4. Мисима Юкио. Храм на рассвете. СПб.: Азбука-классика, 2021. 381 с.
5. Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. История религий Японии. М.: Наталис, 2009. 559 с.
6. Фесюн А. Г. Видьяраджа в Японии // Тантрический буддизм. Вып. 2. М.: Серебряные нити, 2003. С. 259–285.
7. Фиссер М. В., де. Древний буддизм в Японии. М.: Серебряные нити, 2016. 472 с.
8. Mack K. The Phenomenon of Invoking Fudo for Pure Land Rebirth in Image and Text // Japanese Journal of Religious Studies. November 2006: P. 297–317.
9. Mori Hisashi. Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo: Heibonsha, 1974. 174 с.
10. 明王像のすべて. 東京、工イ出版社. 2014. 125 頁。 = Все скульптуры светлых царей. Токио: Эйсюпанся, 2014. 125 с.
11. 仏像探訪. 東京、工イ出版社. 2011. № 3. 144 頁。 = Исследования буддийской скульптуры. Токио: Эйсюпанся, 2011. № 3. 144 с.
12. 熊田由美子. 仏像の辞典. 東京、成美堂. 2006. 159 頁。 = Кумада Юмико. Энциклопедия буддийских скульптур / Юмико Кумада. Токио: Сэйбидо, 2006. 159 с.
13. 中野俊夫. 中世、近世の我が国の鉄仏と中国、韓国との対比。 = Накано Тосио. Сопоставление железных будд моей страны в средневековье и в новое время с китайскими и корейскими / Тосио Накано. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jfes/75/9/75_629/_pdf (дата обращения: 18.09.2022).
14. 西村公朝、小川光三. 仏像の見分け方. 東京、新潮社. 2009. 119 頁。 = Нисимура Котё, Огава Кодзо. Изучение буддийской скульптуры / Котё Нисимура, Кодзо Огава. Токио: Синтёся, 2009. 119 с.
15. 佐和隆研. 密教の美術. 東京、平凡社. 1967. 160 頁。 = Сава Такааки. Эзотерическое искусство / Такааки Сава. Токио: Хэйбонся, 1967. 160 с.
16. 桜井恵. 四国遍路. 東京、日本放送出版協会. 290 頁。 = Сакураи Мэгуму. Паломники Сикоку / Мэгуму Сакураи. Токио: Нихон хосо сюппан кёкай. 2008, 290 с.
17. 田中義恭. 仏像の世界. 東京、日本文芸社. 2008. 255 頁。 = Танака Ёсиясу. Мир буддийской скульптуры / Ёсиясу Танака. Токио: Нихон бунгэйся, 2008. 255 с.
18. 日本大百科全書. 鉄仏。 = Энциклопедия Японии. Будды из железа. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%89%84%E4%BB%8F-101138> (дата обращения: 14.09.2022).

References

1. Vinogradova N. A. Sculpture of ancient China. Spiritual signs of the times. Moscow: Teatralis, 2010. 198 p. (In Russ.).
2. Vinogradova N. A. Sculpture of Japan III–XIV centuries. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1981. 240 p. (In Russ.).
3. Kuzhel' YU. L. 12th century Japanese sculpture. Moscow: Progress-Traditsiya, 2018. 455 p. (In Russ.).
4. Misima Yukio. Temple at dawn. SPb.: Azbuka-klassika, 2021. 381 p. (In Russ.).
5. Trubnikova N. N., Bachurin A. S. History of the Religions of Japan. Moscow: Natalis, 2009. 559 p. (In Russ.).
6. Fesyun A. G. Vidyaraja in Japan. // Tantric Buddhism. Issue 2. M.: Serebryanyye niti, 2003, P. 259–285 (In Russ.).
7. Fisser M. V., de. Ancient Buddhism in Japan. Moscow: Serebryanyye niti, 2016. 472 p. (In Russ.).
8. Mack K. The Phenomenon of Invoking Fudo for Pure Land Rebirth in Image and Text // Japanese Journal

of Religious Studies. November 2006, P. 297–317.

9. Mori Hisashi. Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo: Heibonsha, 1974. 174 p.
10. All about Myoo Statue. Tokyo: Eishuppansha, 2014. 125 p. (In Jap.).
11. Buddhist statues. Tokyo: Eishuppansha, 2011. № 3. 144 p. (In Jap.).
12. Kumada Yumiko. Buddha statue dictionary / Yumiko Kumada. Tokyo: Seibido, 2006. 159 p. (In Jap.).
13. Nakano Toshio. Contrasting Japan's Iron Buddhas in the Middle Ages and Early Modern Ages with China and Korea / Toshio Nakano. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jfes/75/9/75_629/_pdf (accessed 18.09.2022). (In Jap.).
14. Nisimura Kocho, Ogawa Kozo. How to recognize Buddha statues / Kocho Nisimura, Kozo Ogawa. Tokyo: Shinchosha, 2009. 119 p. (In Jap.).
15. Sawa Takaaki. Esoteric art / Takaaki Sawa. Tokyo: Heibonsha, 1967. 160 p. (In Jap.).
16. Sakurai Megumu. Shikoku Pilgrimage / Megumu Sakurai. Tokyo: Nihon hoso shuppan kyokai. 2008, 290 p. (In Jap.).
17. Tanaka Yoshiyasu. Buddha statue world / Yoshiyasu Tanaka. Tokyo: Nihon bungeisha, 2008. 255 p. (In Jap.).
18. Encyclopedia of Japan. Iron Buddha. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%89%84%E4%BB%8F-101138> (accessed 14.09.2022). (In Jap.).

Юрий Леонидович КУЖЕЛЬ, д-р искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета спорта и туризма, г. Москва, Россия, e-mail: korkyr@yandex.ru

Татьяна Иосифовна БРЕСЛАВЕЦ, канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Yuriy L. KUZHEL', Doctor of Art History, Professor, Department of Foreign Languages, Moscow State University for Sports and Tourism, Moscow, Russia, e-mail: korkyr@yandex.ru

Tatiana I. BRESLAVETS, Candidate of Philological Sciences, Professor, Japanese Studies Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 21.09.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 11.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Русские страницы в истории Тяньцзиня по китайским источникам

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Янь ЛИ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yuanlai418@163.com

Аннотация. Статья посвящена истории российской общины в Тяньцзине (первая половина XX в.), которая была третьей по количеству после Харбина и Шанхая. Ее основой стала большая Русская концессия, учрежденная в 1900 г. После окончания Гражданской войны в 1922 г. в город прибыло множество беженцев из России, которые жили в основном в квартале Сяо-бай-лоу (小白楼), а также на других бывших иностранных концессиях. В настоящем исследовании дан краткий анализ общественной жизни общины. Работа основана на китайских источниках и литературе, а также на полевых материалах авторов (2010–2021).

Ключевые слова: русские в Китае, Тяньцзинь, русская эмиграция, историография на китайском языке

Для цитирования: Хисамутдинов А.А., Ли Янь. Русские страницы в истории Тяньцзиня по китайским источникам // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 98–106. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/98-106>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/98-106>

Russian pages in the history of Tianjin according to Chinese sources

Amir A. KHISAMUTDINOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Yan LI

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yuanlai418@163.com

Abstract. The article is devoted to the history of the Russian community in Tianjin (the first half of the 20th century), which was the third largest (after Harbin and Shanghai). Its basis was a large Russian concession, established in 1900. In the article, the authors analyzed the reasons for the arrival of Russians in Tianjin. After the end of the Civil War in 1922, many refugees from Russia arrived in the city, who lived mainly in the Xiao-bai-lou quarter, as well as in other foreign concessions. The publication is based on Chinese sources and literature, as well as the authors' field materials (2010–2021). At the same time, the Chinese researchers' view of the history of Russian emigration is very important. The relevance of this article is the addition of gaps in Russian historiography by Chinese sources and literature. Example of Russian life in Tianjin gives many examples how Russians lived well in this Chinese city.

Keywords: Russians in China, Tianjin, Russian emigration, emigrant refugees, historiography in Chinese

For citation: Khisamutdinov A.A., Li Yan. Russian pages in the history of Tianjin according to Chinese sources" // Oriental Institute Journal. 2023. No. 2. P. 98–106. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/98-106>

Введение

Одним из важнейших городов Китая является Тяньцзинь, в котором сейчас живут более 13 млн. человек. В прошлом в Тяньцзине уже существовала большая российская община (русские, евреи, татары и др.), которая использовала для коммуникации русский язык. Поэтому в настоящей статье использован термин "русский". Тяньцзиньская ветвь российской эмиграции являлась одной из трех основных частей русского Китая.

Русские эмигранты тесно общались с местными жителями Тяньцзиня. Некоторые русские торговали чаем и пушниной, русские девушки выходили замуж за китайцев. Молодое поколение русских тяньцзинцев отлично говорили по-китайски. В Тяньцзине существовали русские общества: Кавказское общество, Тюрко-татарская национально-духовная община – Тяньцзиньская мусульманская община, Украинское общество, Тяньцзиньская еврейская община и др. Следовательно, в Тяньцзине существовала мультикультурная российская община.

Изучая историю российской эмиграции в Тяньцзине, отечественные исследователи почти не используют китайские источники и литературу. Их изучение может

позволить найти причины некоторых исторических явлений, даст возможность проследить отдельные аспекты межкультурного взаимодействия России и Китая.

Целью настоящей работы является краткий анализ деятельности российской общины в Тяньцзине, рассмотрение экономической и культурной жизни русских тяньцзинцев через китайские публикации. Под понятием "беженцы" понимаются русские граждане, которые были вынуждены покинуть Россию после 1917 г.

Среди опубликованных источников важное место занимают мемуары, дневники русских жителей Тяньцзиня. В этих изданиях имеется обширная информация о политике, экономике, культуре, науке, образовании и других сферах российского общества в Тяньцзине, собранная И.И. Серебренниковым [4; 5], З.Н. Жемчужной [2], Е.А. Якобсон [7]. Одним из важнейших источников по изучению российской эмиграции в Северном Китае, в частности в Тяньцзине, являются монографии П.П. Балакшина [1]. Историк Т.В. Ревакина рассмотрела проблемы адаптации русских тяньцзинцев в начале 1920 – середине 1940-х гг. [3] Н.Д. Старосельская посвятила свою монографию повседневной жизни русского Тяньцзиня [6].

Истории русского Тяньцзиня посвящены работы иностранных, в основном китайских исследователей: Ду Ликуня (杜立昆) [19; 20], Лю Чжунчжи (刘仲直) [21], Ван Вэньжуня (王文玉) с соавтором Чжоу Эньюем (周恩玉) [18] и т. д. Кроме того, некоторые сведения о русском Тяньцзине выявлены в местных популярных газетах на китайском языке: "И-Ши-Бао" (益世报), выходящей с 10 октября 1915 г. по 15 января 1949 г., и "Да-Гун-Бао" (大公报), выпускавшейся с 17 июня 1902 г. по 15 января 1949 г.

В Тяньцзинском городском архиве имеются документы о местных русских жителях, но не все документы размещаются в открытом доступе. Некоторые факты были уточнены авторами во время пребывания в Тяньцзине и посещения местных достопримечательностей, связанных с русской историей (2010–2021): здания Российского консульства, Русско-Азиатского банка, отеля Да-куо (大濶), кафе "Виктория", Еврейской синагоги, кинотеатра "Капитол". Это помогло авторам лучше понять материальную культуру русского присутствия в Тяньцзине.

Становление российской общины в Тяньцзине

После Второй опиумной войны (1860) российские предприятия стали заниматься чайной торговлей в портовом городе Ханькоу, основывали фабрики по производству кирпичного чая, пользовавшись торговыми привилегиями [23, с. 12]. С.В. Литвинов и М.Д. Батуев открыли первые фабрики "С.В. Литвинов и Ко." (S.W. Litvinoff & Co.) и "Молчанов, Печатнов и Ко." (Molchanoff, Pechatnoff & Co.) в Ханькоу. Ориентировавшись на расширение бизнеса, они создавали филиалы в Тяньцзине.

Ду Ликунь (杜立昆) отметил: "После появления первых российских предприятий Тяньцзинь стал оптовым складом для торговли чаем. Помимо чая, М.Д. Батуев торговал пушиной, а также ценными традиционными китайскими лекарствами, такими как мускус, сафлор, женьшень, панты, рога сайгака и т. д. Одновременно он импортировал русскую узорчатую ткань и русские шерстяные одеяла в Китай. Русский коммерсант И.В. Кулаев, приехавший в Тяньцзинь после Японо-китайской войны 1894 г., открыл на ул. Русской (ныне ул. Чжун-шань) машиностроительный завод" [19, с. 152–153].

До начала 20 в. численность русских, проживающих в Тяньцзине, была незначительна. Русскую общину, главным образом, составляли коммерсанты, служащие чайных фирм и Русско-Китайского банка. 9 ноября 1900 г. Российская Империя и Китай заключили "Тяньцзиньский концессионный договор", в результате появилась концессия в Тяньцзине, которая разделялась рекой Хайхэ (海河) на восточную и западную части общей площадью примерно 3,98 миллиона кв.м. В тогдешнее время это была самая крупная иностранная концессия в Тяньцзине [24, с. 57], на территории которой разбили Русский парк, являвшийся одним из самых красивых мест отдыха Тяньцзиня, построили мемориальную часовню и собор, благотворительную больницу и столовую, основали Русское общественное собрание и Русский клуб. Как отмечалось, улицы концессии называли в честь русских городов и выдающихся деятелей [24, с. 291]. И это подтверждает многолетний житель Тянь-

цзиня Иван Иннокентьевич Серебренников: "Бродя по улицам Русской концессии, читаю дощечки с названиями улиц на русском языке: Московская улица, Петроградская, улица Линевича..." [5, с. 98]

После создания Русской концессии в ее восточном районе построили казарму при консульстве, но жилищное строительство концессии развивалось медленно, поэтому здесь поселилось мало русских. Экономическому развитию Русской концессии существенно способствовали превосходные транспортные условия и дешевые земельные участки. Британские, американские и другие иностранные коммерсанты инвестировали средства в открытие фабрик.

В 1911 г. на Русской концессии было зарегистрировано 324 русских, 2533 китайца, 23 двора с 51 иностранцем [24, с. 379]. В 1913 г. в Тяньцзине открылось Благотворительное общество, которое внесло большой вклад в помощь русским. "Русская община создала Благотворительное общество, главным образом, для приема и переселения русских, приехавших в Тяньцзинь, – отметил Цюй Чжэньмин (曲振明), – 3 октября 1913 г. устав Благотворительного общества обнародовал русский посол в Китае В.Н. Крупенский. Документ определял, что местопребывание Благотворительного общества находится в городе Тяньцзине. Целью его является оказание посильной помощи всем русским подданным, прибывающим в подведомственный район Тяньцзиньского консульства, страдающим от бедности или просящим о помощи. Подведомственный район Тяньцзиньского консульства охватывает Чжили (直隶), Шаньси (山西), Шэньси (陕西) и Ганьсу (甘肃)" [26].

В 1918 г. Советское правительство выступало с заявлением об отказе от своих привилегий в Китае, что привело к переселению россиян на другие концессии, в основном на Британскую. После Гражданской войны в России в Тяньцзинь приезжало всё больше и больше русских беженцев. Многие из местных русских старожилов помогли им устроиться на новые работы. Крупные предприниматели М.Д. Батуев и И.В. Кулаев дали эмигрантам рекомендации на службу в российские, американские, британские, французские, немецкие и другие иностранные компании.

Беженцам из России не только оказали помощь крупные предприниматели и благотворительные организации в Тяньцзине, но и китайские учреждения. Китайская газета сообщала: "Дин Чженьчжи (丁振芝) и Лу Чжуань (卢祝安), исполняющие обязанности членов Полицейского бюро, вели переговоры с Русским благотворительным обществом в Тяньцзине, чтобы найти способы переселить 58 российских офицеров и беженцев, прибывших в Тяньцзинь из Пекина. Русское благотворительное общество раздало беженцам одежду. Полицейское бюро выдало путевые расходы 12 русским беженцам и отправило их в Харбин. Путевые расходы составляли всего 156 юаней" [10].

О приезде русских эмигрантов писала газета "И-Ши-Бао": "В последнее время в Тяньцзинь приехало много беженцев из России. Выйдя из поездов с грязным лицом, оборванной одеждой и невыразимым смущением, все они отправились в Третий специальный район (бывшая Русская концессия) и другие районы. Перед ними стоит проблема со средствами к существованию. Если они будут вынуждены совершать кражи и похищения, это во многом будет связано с местной безопасностью, поэтому местные власти должны на них обратить большое внимание" [9]. По статистике в 1923 г. на Русской концессии проживало более 5000 человек, в том числе около 4000 китайцев, 500 русских и 400 других иностранцев [24, с. 378].

31 мая 1924 г. Бэйяньское правительство Китая и Советский Союз подписали "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой", в статье 10 "Соглашения" отмечается, что "Правительство СССР соглашается отказаться от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий, торгового круга и казарменного поля в какой бы то ни было части Китая, приобретенных царским правительством в силу различных конвенций, договоров, соглашений и т.д." [15]. 6 августа муниципальный совет Русской концессии объявил о своём роспуске, передав полномочия управлению Третьего специального района Тяньцзиня. С тех

пор Русская концессия в Тяньцзине полностью перешла Китайскому правительству [24, с. 64].

Газета "Да-Гун-Бао" писала: "Новый Чилийский генеральный консул Яси уже давно находится в Тяньцзине, остановился в отеле "Астор" и сейчас выбирает место для строительства консульства. По словам этого консула, Чили принимает эмигрантов и вербует тяньцзинских русских в Чили для освоения земли, которые через два года станут успешными и богатыми в Чили. На данный момент около 4600 русских Тяньцзиня желают поехать в Чили: 750 человек с Британской концессии, 1000 человек с бывшей Русской концессии, 750 человек с Французской концессии, 500 человек с Итальянской концессии, 500 человек с бывшей Германской концессии, 200 человек с бывшей Австро-венгерской концессии, 300 человек из Японской концессии, 300 человек с территории, управляемой китайскими властями" [17]. Из этого репортажа видно, что русские предпочитали проживать на иностранных концессиях, и первый пик численности русских Тяньцзиня пришелся на середину 1920-х гг.

Через месяца четыре после вербовки рабочих Республикой Чили по данным газеты "И-Ши-Бао" в 1927 г. русская община в Тяньцзине насчитывала всего 101 человек [13]. В 1928 г. русский Тяньцзинь создал новую благотворительную организацию – комитет помощи русским беженцам Тяньцзиня. О нем так рассказывается в газете: "Из-за нежелания быть под защитой Советского консульства белоэмигранты в Тяньцзине самостоятельно создали организацию. По данным следствия, эта организация, именуемая Комитетом помощи русским беженцам, на данный момент имеет 25 членов. Целью комитета является расследование следующих вопросов: 1. Подсчет количества беженцев, 2. Типы профессий, 3. Положение жизни, 4. Связь с другими организациями и т.д. Поскольку китайская и иностранные стороны обращают особое внимание на действие белоэмигрантов, комитет также эфемистически заявил всем сторонам, что комитет не имеет политической роли и создан для получения помощи" [16].

В 1929 г. в Тяньцзине жило более двух тысяч человек [12]. За более чем два года численность русской эмиграции в Тяньцзине вновь стремительно увеличилось. Рост русского населения вызвал особое внимание администрации города Тяньцзиня. В 1930 г. в газете сообщалось: "В последнее время многие россияне из Харбина приехали в Тяньцзинь, чтобы найти работу. Однако экономика Тяньцзиня была вялой. После того, как русские прибыли в Тяньцзинь, у них не было работы, и более 70 человек уже перебрались в Шанхай. В Тяньцзине до сих пор находится группа из 15 русских эмигрантов, которые застряли в Тяньцзине потому, что у них нет средств на дорогу. Комитет русских эмигрантов в Тяньцзине проведет танцевальную вечеринку 11 октября в отеле Си-ху (西湖), чтобы собрать средства для помощи русским эмигрантам" [11].

Ду Ликунь отметил: "Особенно после 1929 г. закончились междоусобные войны между милитаристами в Китае, и в Тяньцзине сложилась относительно стабильная политическая ситуация. Русских жителей в Тяньцзине было более 6000 человек" [19, с. 156].

У некоторых русских тяньцзинцев жизнь была безрадостная. Кое-кто покончил жизнь самоубийством, потому что они были безработными и им не на что жить. Например, 25 февраля 1928 г. известный российский музыкант Комиссаровский скончался в отеле Японской концессии, приняв две бутылки сонных капель. Причиной его самоубийства были финансовые проблемы [14]. 4 сентября 1934 г. в Первом специальном районе покончил с собой ещё один русский эмигрант Смеляков в возрасте 44 лет, который уже несколько лет жил в Тяньцзине. Раньше он работал на складе иностранной фирмы, недавно потерял работу [8].

Квартал Сяо-бай-лоу – район, где жили русские

С начала 1920-х гг. русские тяньцзинцы стали переезжать в квартал Сяо-бай-лоу, где они чувствовали себя безопаснее от произвола властей. Жилые районы Фу-чан-ли (阜昌里), Сянь-нон-ли (先农里), И-цин-ли (义庆里), Бао-шань-ли (宝善里), Цзян-ся-ли (江夏里), Чан-син-ли (长兴里) и другие также были населены русскими

эмигрантами. Ван Вэньжуй и Чжоу Эньюй пишут: "В период начала 1920-х – конца 1940-х гг. квартал Сяо-бай-лоу был известен как "Русский город" [18, с. 134]. Русские эмигранты открыли универсальный магазин, аптеку, продовольственный магазин, комиссионный магазин, винный завод, обувной магазин, магазин часов и ювелирных изделий, типографию, кожевенный завод, магазин музыкальных инструментов, фотоателье, отели и кондитерскую фабрику и др.

Большинство русских, приехавших в Тяньцзинь по делам из разных мест, останавливались в отеле "Савой", открытым русским евреем С.И. Бронфманым на ул. № 3 (ныне ул. Сюйчжоу) и в отеле "Пин-ань" (平安) на ул. № 5 (ныне ул. Цзянсу) на бывшей Германской концессии [19, с. 157]. На ул. Чжэцзян, № 15, находится здание бывшего отеля "Да-куо", построенное русским евреем Шубовым в 1931 г. Этот отель был известен русской кухней. На ул. Чжэцзян открылся ресторан "Кислинг". В начале 1950 гг. этот ресторан переехал в нынешнее здание. Раньше здесь располагалось кафе "Виктория". Кафе "Виктория" было очень известно в сфере европейской кухни старого Тяньцзиня. По словам Ю Гоцина (由国庆): "В июне 1940 г. новое здание Кафе "И-Шунь-Хэ" (义顺合) построилось. Кафе "И-Шунь-Хэ" переименовалось в кафе Виктория. Кафе совместно управляли русский еврей С.И. Бреслер и китайцы Ци Чжуншань (齐竹山) и Хао Жунцзю (郝如九). Четырёхэтажное здание кафе было великолепным, неоновые огни Виктория-бара сверкали всю ночь. Его масштабы не имели себе равных в Азии того времени" [27, с. 193].

Хотя количество русских Тяньцзиня в 1940-х гг. стало меньше, чем в 1920-х – 1930-х гг., коммерция русских тяньцзинцев по-прежнему касалось всех отраслей экономики города. Лю Чжунчжи представил такую статистику: "После освобождения Тяньцзиня до основания Нового Китая в Тяньцзине проживало около 1600 русских эмигрантов, имевших советское гражданство, из которых 80% занимались бизнесом. В Тяньцзине открылось российскими коммерсантами около 124 магазинов и фабрик, которые можно разделить на 27 типов в зависимости от характера их деятельности" [21, с. 226–227]. Множество из этих предприятий располагались в квартале Сяо-бай-лоу.

Коммерческая деятельность русских эмигрантов в районе Сяо-бай-лоу способствовала расцвету экономики г. Тяньцзиня. В настоящее время этот район остаётся экономической визитной карточкой Тяньцзиня.

Культурная жизнь

Культурные интересы русских тяньцзинцев можно описать на примере издательского дела. В Тяньцзине основано немало газет на русском языке, например, "Наша заря", "Возрождение Азии", "Русское слово", "Вечерняя газета". Газета "Наша заря" нравилась широкой публике. Помимо Тяньцзиня пресса распространялась в Пекине и Мукдене. Фан Цзяньчан (房建昌) утверждает: "В 1927 г. М.С. Лембич отправил И.Л. Миллера из Шанхая в Тяньцзинь, который в апреле следующего года основал газету "Наша заря" на бывшей Русской концессии. В 1936 г. контора издательства располагалась на ул. №1 Британской концессии. Каждый день газета выходила тиражом 1000 экземпляров. Каждый экземпляр имел 6 страниц" [25, с. 90].

В Национальной библиотеке Китая в Пекине сохраняются 42 монографии, написанные русскими эмигрантами и напечатанные книгоиздательствами в Тяньцзине, в том числе издательствами "Наше знание", "Знание", "А.И. Серебренников и Ко.", "Витязь", "Идеал пресс" и т.д. Русские литераторы публиковали произведения различных жанров: проза, мемуары, учебники и др. Русские тяньцзинцы ещё открывали библиотеки и книжные магазины. В книжном магазине "Знание" продавались книги на русском и других иностранных языках. В библиотеке при книжном магазине "Знание" русские брали книги по читательскому билету.

Полагаем, что такие эмигрантские публикации, издательства, библиотеки, книжные магазины вносили разнообразие в жизнь русских, китайцев и других иностранцев Тяньцзиня.

Китайские исследователи описывают религиозную жизнь русских тяньцзинцев. В начале анализировалось православие на Русской концессии. Русские попросили Русскую духовную миссию в Пекине прислать священников в Тяньцзинь

для службы по воскресеньям и праздникам. Как отмечалось: "Только в 1904 г. Пекинская духовная миссия арендовала одноэтажное здание на ул. Сяо-гуань (小关街) района Хэбэй (河北区), как дом молитвы, и послала туда китайского проповедника Чжао. В большой церковный праздник Пекинская церковь по-прежнему направляла в Тяньцзинь русского иеромонаха Авраама для проведения религиозных церемоний с псаломщиками и хором церковных канонов. Этот молитвенный дом закрылся в 1909 г., но в Русском парке построили часовню Христа-Спасителя в память 108 русских воинов, погибших во время Боксерского восстания" [20, с. 181].

В 1922 г., в связи с постепенным увеличением числа русских в Тяньцзине, часовня Христа-Спасителя стала недостаточна, иеромонах Виктор начал мероприятие по сбору средств в Тяньцзине, а через несколько лет на месте часовни был построен Свято-Покровский собор, вмещающий сотни человек. Кроме Свято-Покровского собора, в Тяньцзине ещё построили четыре православные церкви на Британской концессии: Свято-Иннокентьевский храм, открытый китайским иеромонахом Сергеем Чаном на 41-ой улице (ныне ул. Чжэнчжоу) в 1930 г., Свято-Серафимовский храм, построенный в 1932 г. во дворе русского "Дома милосердия" на 32-ой улице (ныне ул. Шанхай), Свято-Николаевский храм, созданный в 1944 г. на 11-ой улице (ныне ул. Цзяньшэ), и храм Во Имя Всех Святых около Русского кладбища [20, с. 182–183]. В этих храмах православные эмигранты отмечали разные праздники, служили панихиды, молились за восстановление Российской Империи.

По словам протоиерея Ду Ликуня, в течение 1909–1956 гг. в Тяньцзине работало восемь русских настоятелей храмов: протоиерей отец Павел Разумов, иеромонах Виктор, митрофорный протоиерей Петр Рождественский, архимандрит Гавриил, протопресвитер Михаил Рогожин, иеромонах Афанасий, митрофорный протоиерей Валентин Синайский, протоиерей Филлип Осипов [20, с. 186]. Стоит отметить, что на протяжении 1938–1945 гг. настоятелем Серафимовского храма работал отец Ростислав Адольфович Ган, приехавший в Тяньцзинь из Харбина.

Среди тяньцзиньских русских было много евреев, проповедующих иудаизм. В Тяньцзине до сих пор сохраняется здание бывшей еврейской синагоги, которое находится на углу ул. Нанкин (南京道) и ул. Чжэнчжоу (郑州道). Сун Анна отметила: "Во время Второй мировой войны в Тяньцзинь прибыло большое количество еврейских беженцев. В 1937 г. Еврейская религиозная община начала строительство синагоги. В 1940 г. синагога была построена по адресу ул. Шанхай (上海道), №14. Эта синагога являлась важным местом для еврейской деятельности: регистрация рождения, смерти и даже брака; она стала свидетелем почти всех основных жизненных событий тяньцзиньских евреев" [22, с. 29–30]. Сейчас в этом здании находится ресторан европейской кухни. На втором этаже ещё сохраняются уцелевшее окно и витраж с изображением традиционного светильника.

Заключение

В настоящую эпоху глобализации большое значение имеют межнациональные и межкультурные отношения. Жизнь русских в Тяньцзине дает множество примеров, как они отлично жили в этом китайском городе.

Проблемы адаптации русских к жизни в Тяньцзине были решены силами русских деятелей, эмигрантских организаций и китайских властей. Русские тяньцзинцы внесли вклад в развитие экономики г. Тяньцзиня. Культурная деятельность удовлетворила их духовные потребности.

Китайские исследователи весьма дополняют информацию о русских Тяньцзиня, восполняя пробелы в русской историографии. При этом очень важен взгляд на историю российской эмиграции со стороны китайских исследователей.

Литература

1. Балакшин П. П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: В 2 т. Сан-Франциско; Нью-Йорк; Париж: Сириус. Т.1.1958. 430 с.; Т.2. 1959. 374 с.
2. Жемчужная З. Н. Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь: воспоминания. Tenafly (N. J.): Эрмитаж, 1987. 291 с.
3. Ревякина Т. В. Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 – середина 1940-х гг.): дис. ... кандидата ист. наук. Москва, 2004. 308 с.
4. Серебренников И. И. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых (1919–1934). Т. 1: "Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...". Москва: РОССПЭН, 2006. 448 с.
5. Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. 260, [2] с.
6. Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь "Русского Китая". Москва: Молодая гвардия, 2006. 373, [3] с.
7. Якобсон Е. А. Пересекая границы: революционная Россия – Китай – Америка. Москва: Русский путь, 2004. 244, [1] с.
8. 白俄工人失业 昨日服毒自杀 // 益世报(天津版) = Безработный русский эмигрант вчера покончил жизнь самоубийством, приняв яд // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1934. 5 сент.
9. 俄国难民纷纷来津 // 益世报(天津版) = В Тяньцзинь прибыли русские беженцы // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1923. 11 июля.
10. 发给俄国难民川资 // 益世报(天津版) = Выдача дорожных расходов русским беженцам // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1922. 2 ноя.
11. 外侨举动 俄侨谋生不易 开跳舞会救济 // 大公报(天津版) = Действие иностранцев – Русским эмигрантам нелегко зарабатывать на жизнь, поэтому устроят танцевальную вечеринку, чтобы помочь им. // Да-Гун-Бао (Тяньцзинь). 1930. 29 сент.
12. 本市俄侨达二千余 // 益世报(天津版) = Количество русских эмигрантов в городе достигло более 2000 человек // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1929. 8 ноя.
13. 京津外侨之调查 // 益世报(天津版) = Перепись иностранных эмигрантов в Пекине и Тяньцзине // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1927. 21 марта.
14. 俄音乐家自戕 为债务所迫 // 益世报(天津版) = Российский музыкант покончил жизнь самоубийством из-за долгов // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1928. 27 февр.
15. 中俄协定大纲正式签字 保留三点均已修正: 中俄邦交已正式恢复 // 大公报(天津版) = Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой были официально подписаны, а три оставшихся пункта были пересмотрены: официально возобновлены китайско-российские дипломатические отношения // Да-Гун-Бао (Тяньцзинь). 1924.1 июня.
16. 白俄自卫团成立 // 益世报(天津版) = Создались силы самообороны белоэмигрантами // И-Ши-Бао (Тяньцзинь). 1927. 21 марта.
17. 智利招募在津俄侨 有四千六百余人 // 大公报(天津版) = Чили вербует тяньцзиньских русских, число которых достигает более 4,600 человек // Да-Гун-Бао (Тяньцзинь). 1926. 30 ноя.
18. 王文瑞. 话说天津小白楼 / 王文瑞, 周恩玉 // 天津文史资料选辑. 第59辑. 1993. 130–145页 = Ван Вэньжуй. История о районе Сяо-Бай-Лоу Тяньцзиня / Ван Вэньжуй, Чжоу Эньюй // Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. Т. 59. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1993. С. 130–145.
19. 杜立昆. 白俄在天津 // 天津文史资料选辑. 1980. 第9辑. 150–177页. = Ду Ликунь. Белоэмигранты в Тяньцзине // Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. Т. 9. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1980. С. 150–177.
20. 杜立昆. 俄国东正教传入天津前后 // 天津文史资料选辑. 1979. 第2辑. 176–187页 = Ду Ликунь. Распространение Русской православной церкви в Тяньцзинь // Сборник культурно-исторических материалов Тяньцзиня. Т. 2. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1979. С. 176–187.
21. 刘仲直. 天津的俄国侨商 // 天津文史资料选辑. 2012. 第115辑. 226–236页 = Лю Чжунчи. Русские эмигрантские коммерсанты Тяньцзиня // Сборник культурно-исторических материалов. Т. 115. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2012. С. 226–236.
22. 宋安娜. 神圣的渡口: 犹太人在天津. 天津: 天津人民出版社, 2007. 281页 = Сун Анна. Святая переправа: еврей в Тяньцзине. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2007. 281 с.
23. 孙毓棠. 中日甲午战争前外国资本在中国经营的近代工业. 上海: 上海人民出版社, 1955. 41页 = Сунь Юйтан. Современная промышленность, управляемая иностранным капиталом в Китае до китайско-японской войны. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1955. 41 с.
24. 天津通志·附志·租界. 天津: 天津社科院出版社, 1996. 564页 = Тяньцзиньские краеведческие хроники. Примыкающие хроники. Хроники концессий / под ред. Комитета по составлению региональных хроник города Тяньцзинь. Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньской академии социальных наук, 1996. 564 с.
25. 房建昌. 近代天津租界所办报刊 // 天津文史资料选辑. 2003. 第98辑. 77–95页 = Фан Цзяньчан. Газеты, выходившие на концессиях современного Тяньцзиня // Сборник культурно-исторических материалов

Тяньцзиня. Т. 98. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2003. С. 77–95.

26. 曲振明. 俄侨在津组织 // 今晚报 = Цюй Чжэньмин. Организации русских жителей в Тяньцзине // Газета "Вечер". Тяньцзинь, 2021. 7 дек.

27. 由国庆. 天津卫美食. 天津: 天津人民出版社, 2011. 243页 = Ю Гоцин. Вкусна еда города Тяньцзиня. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2011. 243 с..

References

1. Balakshin P. P. Final in China: The Emergence, Development and Disappearance of White Emigration in the Far East: In 2 vols. San Francisco; NY; Paris: Sirius. T.1.1958. 430 p.; T.2. 1959. 374 p. (In Russ.).
2. Zhemchuzhnaya Z. N. Ways of exile: Ural, Kuban, Moscow, Harbin, Tianjin: memories. Tenafly (N. J.): Hermitage, 1987. 291 p. (In Russ.).
3. Revyakina T.V. Problems of adaptation and preservation of the national identity of the Russian emigration in China (early 1920s – mid-1940s): dis. ... candidate of historical sciences. Moscow, 2004. 308 p. (In Russ.).
4. Serebrennikov I.I. China and Russian emigration in the diaries of I.I. and A.N. Serebrennikovs (1919–1934). T. 1: "For now, we are happy that nothing threatens us ...". Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russ.).
5. Serebrennikov I. I. My memories. T. 2. In exile (1920–1924). Tianjin: Our knowledge, 1940. 260, [2] p. (In Russ.).
6. Staroselskaya N.D. Everyday life of "Russian China". Moscow: Young Guard, 2006. 373, [3] p. (In Russ.).
7. Yakobson E. A. Crossing the borders: revolutionary Russia – China – America. Moscow: Russian way, 2004. 244, [1] p. (In Russ.).
8. An unemployed Russian emigrant committed suicide yesterday by taking poison // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1934. 5 Sep. (In Chin.).
9. Russian refugees arrived in Tianjin // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1923. July 11. (In Chin.).
10. Issuance of travel expenses to Russian refugees // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1922. 2 Nov. (In Chin.).
11. Foreigners Action – Russian expats have a hard time making a living, so they're throwing a dance party to help them out. // Da-Gong-Bao (Tianjin). 1930. 29 Sep. (In Chin.).
12. The number of Russian emigrants in the city has reached more than 2,000 // Yi -Shi-Bao (Tianjin). 1929. Nov 8. (In Chin.).
13. Census of foreign emigrants in Beijing and Tianjin // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1927. March 21. (In Chin.).
14. Russian musician committed suicide because of debt // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1928. Feb 27. (In Chin.).
15. An agreement on general principles for settling issues between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of China was officially signed, and the three remaining points were revised: Chinese-Russian diplomatic relations were officially resumed // Da-Gong-Bao (Tianjin). 1924.1 June. (In Chin.).
16. Self-defense forces were created by white emigrants // Yi-Shi-Bao (Tianjin). 1927. March 21. (In Chin.).
17. Chile recruits Tianjin Russians, whose number reaches more than 4,600 people // Da-Gong-Bao (Tianjin). 1926. Nov. 30. (In Chin.).
18. Wang Wenrui. The story of the Xiao-Bai-Lou district of Tianjin / Wang Wenrui, Zhou Enyu // Collection of cultural and historical materials of Tianjin. T. 59. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 1993. P. 130–145. (In Chin.).
19. Du Likun. White emigrants in Tianjin // Collection of cultural and historical materials of Tianjin. T. 9. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 1980. P. 150–177. (In Chin.).
20. Du Likun. Spread of the Russian Orthodox Church in Tianjin // Collection of cultural and historical materials of Tianjin. T. 2. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 1979. P. 176–187. (In Chin.).
21. Liu Zhongzhi. Russian emigrant merchants of Tianjin // Collection of cultural and historical materials. T. 115. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2012. P. 226–236. (In Chin.).
22. Sun Anna. Holy crossing: a Jew in Tianjin. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2007. 281 p. (In Chin.).
23. Sun Yutang. Modern industry run by foreign capital in China before the Sino-Japanese War. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1955. 41 p. (In Chin.).
24. Tianjin Local Lore Chronicles. related chronicles. Chronicles of concessions / ed. Committee for Compiling Regional Chronicles of Tianjin City. Tianjin: Tianjin Academy of Social Sciences Press, 1996. 564 p. (In Chin.).
25. Fang Jianchan. Newspapers published on the concessions of modern Tianjin // Collection of cultural and historical materials of Tianjin. T. 98. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2003. P. 77–95. (In Chin.).
26. Qu Zhenming. Organizations of Russian residents in Tianjin // Newspaper "Evening". Tianjin, 2021. Dec 7. (In Chin.).
27. You Guoqing. Delicious Tianjin food. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2011. 243 p. (In Chin.).

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ, д-р ист. наук, профессор Дальневосточного федерального университета, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Янь ЛИ, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: yuanlai418@163.com

Amir A. KHISAMUTDINOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Head of Research Department, Central Scientific Library, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: khisamut@yahoo.com

Yan LI, Postgraduate student, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yuanlai418@163.com

Поступила в редакцию

(Received) 04.08.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 04.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Научная статья
УДК 372.881.792.01
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/107-115>

Об интерпретации сюжетов японской литературы в контексте профессиональной подготовки актёра (на примере образовательного проекта 2021 года в Дальневосточном государственном институте искусств)

Лариса Алексеевна АХМЫЛОВСКАЯ

Дальневосточный государственный институт искусств, Владивосток, Россия, lanaveva@rambler.ru

Аннотация. В статье представлена авторская методика обучения иностранному языку в Дальневосточном государственном институте искусств. Включённое наблюдение процесса формирования лингвистических и профессиональных компетенций происходит в контексте образовательного проекта. Профессионально-ориентированные лексико-грамматические упражнения и лично-значимые задания, разработанные на основе тематики романа Ариёси Тамао, предполагают изучение режиссёрских экспликаций, актёрских комментариев, театроведческих статей с включением терминологии театра на изучаемом (английском) языке.

Ключевые слова: инсценизация фрагментов прозы, независимый интертекстуальный анализ, творческий образовательный проект, контекстное обучение актёра, терминологический глоссарий

Для цитирования: Ахмыловская Л.А. Об интерпретации сюжетов японской литературы в контексте профессиональной подготовки актёра (на примере образовательного проекта 2021 года в Дальневосточном государственном институте искусств) // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 107–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/107-115>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/107-115>

Interpretation of the Japanese Literature Plots in Context of Professional Training of an Actor (based on the educational project-2021 at the Far Eastern State Institute of Arts)

Larisa A. AKHMYLOVSKAIA

Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok, Russia, lanaveva@rambler.ru

Abstract. The article presents the author's methodology of professionally-oriented foreign languages teaching at the Far Eastern State Institute of Arts. The participant observation of pre-acting students' professional and linguistic competences developing is carried out within creative educational project, including Preparatory, Analytical, Production, and Post-Production Phases. The educational theatre making activities include discussions of articles in theory and history of literature and arts written in English and Russian languages. Names of Osanai Kaoru, Mihara Shiro, Nakamoto Nobuyuki, Mitzua Morii and other great representatives of art and culture of Japan are part of educational projects in context of professional training of an actor. Vocabulary and Grammar exercises, professionally-oriented and personally meaningful creative assignments based on the plot and themes of Ariyoshi Tamao's autobiographical novel imply the analysis of experienced directors' explications, professional actors' notes, and academic articles devoted to the history, theory and terminology of theatre.

Keywords: stage version of fragments, independent intertextual analysis, creative educational project, context education of an actor, glossary of art terms

For citation: Akhmylovskaja L.A. Interpretation of the Japanese Literature Plots in Context of Professional Training of an Actor (based on the educational project-2021 at the Far Eastern State Institute of Arts) // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 107–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/107-115>

Введение

История профессиональных постановок произведений японской литературы, интерпретация её тем и сюжетов в кросскультурном театральном взаимодействии не раз становились объектом нашего исследования в контексте творческих образовательных проектов на актёрском факультете Дальневосточного государственного института искусств.

Принятая в вузе искусств форма устного экзамена по иностранному языку, традиционный класс-концерт, подразумевает подготовку самостоятельных актёрских работ, на основе произведений мировой литературы. В 2000-22 гг. нами инициированы и проекты, связанные с именами японского драматурга Симидзу Кунио; режиссёров Осанаи Каору, Михара Сиро, Накамото Нобуюки, Мицуа Мории; писательницы Ариёси Тамао.

Выбор темы исследования определяется актуальностью метода проектов, открывающего новые образовательные возможности в условиях смешанного обучения в творческом вузе. Анализ инсценируемых фрагментов текста в курсе обучения иностранному (английскому) языку в группах студентов Дальневосточного государственного института искусств основан на Методологии формирования переводческой партитуры пьесы в процессе профессиональной или учебной кросс-культурной постановки.

Не полагая целью изучение исследований, посвященных проблемам перевода, мы знакомим будущих актёров с творчеством тех или иных авторов, опираясь на многолетний личный опыт перевода в мультиэтническом театральном процессе. Так, в учебных проектах по мотивам произведений японской литературы мы следуем примерам интерпретации текста в процессе его инсценизации в театре Михарадзюку (в 1990–2000 гг.), руководствуемся видением и методиками таких режиссёров, как Михара Сиро, Мицуа Мории, Накамото Нобуюки, изучавших европейскую школу театра и продолжавших уникальные интуитивные эксперименты своего великого соотечественника Осанаи Каору. Студенты знакомятся с англоязычными статьями о наследии Мотокиё Дзэами [16] и опытах нашего современника Судзуки Тадаси (*thinking body*) [13, с. 74].

Цель данной работы – на примере образовательного проекта 2021 г., основанного на тематике романа Ариёси Тамао, обозначить одно из возможных направлений этносценологического и этнопсихологического исследования в процессе учебной постановки. Достижение цели связано с решением ряда лингводидактических и лингвокультурологических задач.

На Подготовительном этапе Индивидуального творческого образовательного проекта формируется его концепция. Сбор данных происходит с учётом предыдущих опытов, в данном случае это учебные постановки по мотивам романа Ариёси Тамао, представленные нами ранее на Международных конференциях, в учебно-методических и научных публикациях [1; 2].

Аналитический этап, включает процесс чтения, аудирования, перевода, изучение лингвистических и экстралингвистических особенностей анализируемого англоязычного текста. Определяющим является метод интертекстуального анализа. Применяются герменевтический подход, метод сравнительного анализа, метод ассоциаций, метод мозгового штурма и другие методы, апробированные нами на сцене Пушкинского театра в проекте по мотивам романа Ариёси Тамао в 2009–2011 гг. с будущими актёрами (ДВГАИ), переводчиками (ГУМИ ДВГТУ) и искусствоведами (АРХИД ДВГТУ).

Постановочный этап предполагает применение элементов профессионального режиссёрского и актёрского анализа избираемого сюжета и текстов-ассоциаций; обсуждение темы, отдельных эпизодов, представление режиссёрских экспликаций в переписке и на аудиторных занятиях, подробное изучение терминологического глоссария на английском языке [1, с. 6].

Постпостановочный этап творческого образовательного проекта состоит в подготовке студентами рекламной продукции, презентацией монологов в соответствии с правилами прослушивания (1/2 страницы А4, 1,5 мин. сценического звучания) и их последующим обсуждением.

Концепцию представленного в статье творческого образовательного проекта 2021 года определяет выбор фрагментов, связанных с отношениями матери и дочери. Одно из рабочих названий потенциального спектакля (Неподарок) было предложено студенткой актёрского факультета Екатериной Черепановой; вариант (Другой голос) отсылает к стихотворению "Молитва" Мэри Оливер [14].

В связи с выбором темы, целью и задачами исследования на Подготовительном этапе представляют интерес и становятся учебными текстами творческие биографии писательниц Ариёси Тамао и Ариёси Савако наряду с такими материалами, как история театра Такарадзука, о котором мечтает героиня [9], статьи и рецензии на английском языке [7–13; 15–19], справочные документы на английском языке, отдельные фрагменты романа Ариёси Тамао "На твоём месте" на русском языке [2].

Объект исследования – потенциальная постановка спектакля по мотивам романа Ариёси Тамао; инсценизация отдельных сцен, диалогов и монологов.

Предмет исследования – процесс воспроизведения моделей профессионального проекта постановки в образовательном поле.

Методолого-методическая основа исследования предполагает:

- получение информации в ходе выполнения лексико-грамматических упражнений и работы с тематическими глоссариями;
- тестирование как формы текущего и рубежного контроля;
- выбор дополнительных текстов для независимого интертекстуального анализа;
- разнообразные творческие задания с учётом специфики вуза искусств и с целью формирования профессиональных и лингвистических компетенций представителей творческих профессий.

Театрализация, как феномен художественного мышления, и драматизация, как лингвокультурологическая практика в обучении на театральном факультете, сосуществуют в органичном единстве, что и определяет характер реализации Индивидуального проекта и его воплощения в формате ролевой игры, широко применяемой в курсе дисциплины "Иностранный язык". Приведём примеры профессионально-ориентированных лексико-грамматических упражнений и творческих заданий, разработанных на основе анализируемого сюжета, дополненных ссылками на статьи и другие источники информации. Фрагменты текстов и содержание отдельных сцен, подготовленных в ходе проекта, представим на русском языке.

Ex 1. Tell about Ariyoshi Tamao in English. Refer to the articles devoted to her background and novels. Add some information regarding your attitude for the Japanese Theatre, its history, and specificity. Расскажите об Ариёси Тамао на английском языке. Обратитесь к статьям, посвящённым её жизни и творчеству [7; 8]. Скажите несколько слов о своём отношении к японскому театру, его специфике и истории [13;16;19].

Ариёси Тамао – японская писательница, сценарист и кинокритик, профессор Осацкого университета искусств. Ариёси Тамао родилась в Токио в 1963 году. Роман "Мигавари" (названия русской версии: "На твоём месте" и "Яблочная девочка") – биографическое произведение об опыте отношений с мамой, известной писательницей Ариёси Савако. Роман был опубликован в 1989 г., когда Ариёси училась в аспирантуре Токийского университета. В 1990 году она получила за роман "Мигавари" литературную премию Цуботы Дзёдзи. В 1992 году Ариёси Тамао завершила театральное образование в Нью-Йорке...

Говоря об автобиографическом произведении "Мигавари", в котором упоминаются названия романов Ариёси Савако, в ходе проекта мы обращались к примечаниям самой романистки Ариёси Тамао на английском языке и комментариям переводчика на русском языке [2;7;8]. Особого внимания заслуживают реалии, связанные с искусством Японии. Для их перевода на русский язык использована транскрипция в сочетании с комментарием и калькирование. Пример транскрипции: 宝塚 – "театр Такарадзука". Готовясь к занятиям, студенты используют фрагменты комментариев и примечаний в монологах и диалогах на изучаемом (английском) языке. Например: "Такарадзука" – японский театр, где все роли, даже мужские, исполняются женщинами. Театр насчитывает более чем 90-летнюю историю. Репертуар состоит из мюзиклов, на основе современных европейских историй и пьес, манга и популярных кинофильмов. Театр назван в честь города

Такарадзука в префектуре Хёго. В 1974 году, после премьеры мюзикла "Версальская роза" (история Марии Антуанетты и ее подданного и возлюбленного Андрэ), театр Такарадзука стал невероятно популярен, главным образом среди женской аудитории" [9, 35].

Цель примечаний в профессиональном театральном проекте – компенсировать недостаток информации у участников, представляющих иные этносы. На подготовительном и аналитическом этапах постепенно формируется комментарий, поясняющий, в частности, смыслы реалий, незнакомых русским или американским участникам проекта (за исключением общеизвестных "кимоно", "сакура" и т.п.). В подобных случаях особое значение имеет обращение к страноведческой литературе, словарям сленга, идиом, профессиональных терминов.

Ex 2. Describe the main characters of the future play using professional terminology: costume, objective, action, physical movement, super-objective, through-line, characterization etc.

Опишите главных героев будущего спектакля, используя театральную терминологию: костюм, задача, действие, физическое движение, сверхзадача, сквозное действие, характерность [1].

Действующие лица: Маленькая Таа-Тян, девочка лет восьми, худенькая, с двумя косичками. Одета в лёгкое платье, любит ходить босиком. Взрослая Таа-Тян, девушка двадцати лет, носит каре, угловатая, стремительная. Мама, женщина лет сорока, высокая, изящная. Одета в закрытое черное платье, волосы убраны в пучок. Играет на виолончели. Идеальна для всех, кроме Таа-Тян. Тётя, сорока-сорока пяти лет, рыжеволосая, жизнерадостная...

Ex 3. Introduce a couple of possible stage presentations of episodes, dialogues or soliloquies. Present some key words or phrases. Use Theatre terms: piece, objective, action, physical movement, soliloquy, think of sounds and music.

Представьте несколько сценических решений эпизодов, диалогов, монологов [6]. Произнесите ключевые слова или фразы, используйте термины театра на английском языке: кусок, задача, действие, физическое движение, монолог [1]. Подумайте о музыкальном оформлении [5].

Сцена 1. Музыкально-пластическая сцена о рождении "уникальной девочки". Маме, как и впоследствии дочери, нужно доказывать свою ценность, но быть "лучшим шедевром" родителя – слишком большая ответственность. Идеи: У неправильного поведения родителей есть причины. Воспитание ребёнка не проект. Родители и дети не могут быть на равных.

Сцена 2. На экране мама, она стоит на берегу озера. Мамино отражение расплывается и становится отражением маленькой дочки. Идея: Маленькая Таа-Тян – это и есть мама.

Сцена 3. Маленькая Таа-Тян сидит на коленях у взрослой. Взрослая задает малышке вопросы, надеясь услышать, что та счастлива. Но маленькая Таа-Тян говорит о своей боли и обиде на маму.

Сцена 4. "Ты ведь у меня умница!", – говорит мама дочке и себе. Во фразе заключена любовь и поддержка. Взрослая девушка говорит маленькой Таа-Тян ту же фразу. Эта фраза звучит как назидание. Девочка слышит: "Ты должна быть умницей!", именно так маленькая Таа-Тян воспринимает мамины слова. Мама считает, что Таа-Тян должна быть умницей; дочка – это её часть, то есть она сама.

Сцена 5. Взрослая Таа-Тян обвиняет маму. Они спорят о том, как действительно следует воспитывать маленькую Таа-Тян. Героини взаимодействуют, будто взрослая Таа-Тян вернулась в прошлое и теперь может влиять на события.

Сцена 6. Качели. Мама и взрослая дочка раскачивают маленькую, то хваля, то ругая её. Девочка спрыгивает и убегает. Идея: И наказание, и похвала вредят в той степени, в которой взрослый заполняет собой духовное пространство ребёнка [3; 4].

Сцена 7. Гавайи. Нелепые солнечные очки. Из "пробоины" в потолке мягкий свет софитов. Героини поют джазовую композицию.

Сцена 8. Появление Тёти – кульминация счастья Таа-Тян и его финал. Счастье девочки, которая вдруг стала Маминой Дочкой, рушится, потому что мама, ревнуя, снова теряет позицию взрослого. Из "пробоины" в потолке идёт снег. Маленькая Таа-Тян отвечает на вспыльчивость нежностью: снимает с себя лёгкий шарф и кушает маму. Её задача успокоить, утешить.

Сцена 9. Маленькая Таа-Тян рассказывает игрушки и играет для них на виолончели, она еще хочет быть похожей на маму. Девочка не умеет играть, но думает, что делает это виртуозно. Мама учит дочку правильно обращаться с инструментом. Дочь осознает, что может не всё.

Сцена 10. Таа-Тян рассматривает фотографии. Мама обеими руками обнимает дочку за плечики и смотрит в объектив – на этой фотографии у нее доброе и счастливое лицо. Идея: Родители для ребёнка – целый мир. Они неизбежно ранят своих детей, но любовь способна исцелять. Звучит монолог.

Сцена 11. Взрослая Таа-Тян сажает маму и маленькую себя рядом, укрывает их одним одеялом, даёт чай и печенье. Взрослая Таа-Тян рассказывает историю, мама и малышка продолжают. Они помнят историю про "игру в самолёт" по-разному. Мама рассказывает убедительнее, но Таа-Тян чувствовала ситуацию иначе, и её чувства важны. Идея: Ребёнок раним. Эта мысль помогает простить родителей.

Сцена 12. На экране игра "Bread and butter". Взрослая Таа-Тян рассказывает счастливые истории из детства и кладёт предметы-ассоциации в стеклянные баночки. Одна из историй – эпизод романа с условным названием "про болтушку". Мама показала ребёнку, что их отношения важнее, чем мнение окружающих. Идея: в счастливых детских воспоминаниях заключены а) ресурс для взрослой жизни, б) возможность прощения.

Сцена 13. Робкие попытки самоопределения обречены на провал: "Ты с самого рождения все делаешь наперекор!". Формирование собственной идентичности у девочки происходит через отрицание образа мамы. Это болезненный момент для обеих; мама – не отрицательный персонаж. Идея: Кризис переходного возраста – это, прежде всего, кризис родителей, не желающих принимать взросление ребёнка: жёсткие ограничения становятся причиной конфликтов. Сцена может быть решена пластически. Например, крушение детской комнаты – проявление протеста против детства и родителей.

Сцена 14. Поединок мамы и дочери – фехтование. Взрослая Таа-Тян обвиняет маму, напоминая, как она говорила о бездарности дочери. Таа-Тян выбивает мамину шпагу. Мама говорит, что никогда так не считала, а говорила потому, что сама была слишком несчастной.

Сцена 15. Взрослая Таа-Тян берет мамину виолончель. Дочка больше не живёт "против мамы".

Сцена 16. Звучит мелодия песни "Я леплю из пластилина" из к/ф "Почти смешная история". Мелодию напевает взрослая Таа-Тян. Она готова делить ответственность за отношения с мамой. Мама и маленькая Таа-Тян присоединяются к ней.

Ex. 4. Give your explanations as the director of the future play, using terminology of Theatre in English. Дайте свои объяснения, рекомендации как режиссёр будущего спектакля, используйте терминологию театра на английском языке [1].

The play tells how children and parents can accept each other's imperfection... Спектакль рассказывает о том, как дети и родители принимают несовершенство друг друга. This play is about love and compassion... Это спектакль о любви и сострадании...

Интертекстуальный анализ материалов образовательного проекта, сопоставление лично-значимых текстов-ассоциаций, игровая основа взаимодействия участников предполагают формирование режиссёрской партитуры (director's score) в процессе выполнения творческих заданий. Например: Share expertise as director / actor / theatre theoretician / etc. Поделитесь своим видением как режиссёр, актёр, театровед. Пример терминологически насыщенного изложения режиссёрской концепции на родном языке представлен в упражнении 5.

Ex 5. Speak on the theme of the future performance. Prove your position. Use the terms of Theatre: through-line, seed of the play etc. Расскажите о теме будущего спек-

такля. Аргументируйте своё мнение. Используйте термины театра: сквозное действие, зерно пьесы [1].

Тема предполагаемого спектакля – глубокий внутренний конфликт с матерью. Обида, горечь, неприязнь, протест неокрепшей индивидуальности, ранимого сознания, по мысли Г. Ванденбоса, разрушают [17]. Сквозное действие спектакля (through-line) – стремление к прощению. Зерно спектакля (seed of the play, according to Stanislavski) сформулировано в строке из стихотворения Татьяны Дружининой: "Здравствуй, я твой неподарок, ты мой тоже неподарок". На сцене одновременно взрослая и маленькая дочь. В некоторых сценах маленькая дочка – это внутренний ребёнок мамы (the inner child), по определению Дж. Брэдшоу и М. Пол, Э. Чопич [11; 12; 15].

Описанию сценографии, костюма, реквизита, их стилистическим функциям посвящено упражнение 6.

Ex 6. Describe the set-design, costumes, props, music, noises and sounds, light etc. Speak about their stylistic functions, use professional terms. Опишите декорацию, костюмы, реквизит, музыку, шумы, звуки, свет. Расскажите об их стилистических функциях, используя профессиональную терминологию [1].

В спектакле минималистичная сценография, приглушенные цвета. Всё видно будто через мутное стекло / дождь / слёзы. Многие сцены – воспоминания Таа-Тян. Элементы японской культуры представлены в деталях интерьера, костюма, реквизита, музыкально-шумовом и световом оформлении. Акцентированная связь с Японией даёт ощущение единения с целым миром, ведь сложные отношения с матерью / родителями – общая, вненациональная тема.

Ex 7. Speak on the music in the play based on "Migawari". Use terms of music, theatre, psychology to express the role of sounds & noises (cello, cellist, episode, scene, emotional maturity, awareness, separation etc). Используя терминологию театра и психологии, расскажите о роли звуков и шумов в потенциальном спектакле; о его музыкальном оформлении (виолончелистка, виолончель, эпизод, сцена, эмоциональная зрелость, осознание, отделение).

В спектакле много музыки. Может звучать мелодия песни "Я леплю из пластилина", в которой способность любить проявлена и как способность принимать решение. В предлагаемой концепции мама не писательница (как в романе Ариёси Тамао), а виолончелистка. В финале ее инструмент берет взрослая дочь. Теперь она может жить без оглядки на мамино мнение, принимая свое сходство с ней. Эта сцена, как, впрочем, весь событийный ряд спектакля, требует уточнения: принципиально важно, чтобы прощение не зависело от мамы [3, с. 27]. Дочь прощает не потому, что мама изменилась, а потому что осознает необходимость прощения, понимает причины маминого поведения. Происходит отделение и освобождение от матери [12].

Ex 8. Speak on the wise adult that supports the protagonist. Describe her appearance. Define her task, action, physical movements, and gestures. Explain your choice of details, colours, given circumstances etc.

Расскажите о мудром взрослом, который поддерживает главную героиню. Опишите её внешность. Определите её задачу в сцене, действие, физические движения, жесты. Объясните выбор акцентируемых деталей, цвета предлагаемых обстоятельств.

На сцене появится ещё один персонаж – тётя. Она лёгкая, жизнерадостная, манкая. У неё ярко-рыжие волосы, другие цвета в спектакле приглушены. Тётя для Таа-Тян – мудрый взрослый (Parent, по определению Э. Берна) [10]. Партитура этой роли (the score of the role), её яркая характерность (characterization), детали портрета (portrait details), грим (make-up), мизансцены (blocks), физическое действие (physical action) позволят проявить тему, идею, режиссёрский замысел: напомнить, что в мире много источников любви; любовь можно получить / принять не только от мамы.

С предполагаемым воздействием на зрителя связано упражнение 9.

Ex 9. Determine the possible impact of the future play on the audience. Определите влияние потенциального спектакля на зрителей.

После спектакля у зрителей не должно быть чувства вины. Это рассказ не о том, как воспитывать детей, а о том, как детям и родителям важно принимать несовершенство друг друга. В ходе анализа одна из сцен становится наиболее выразительной с точки зрения замысла будущего режиссёра и смысла (subject matter) всего потенциального произведения сценического искусства (например, Сцена 14, в которой обозначены предполагаемые причины родительского поведения). Именно такой эпизод включается в традиционный класс-концерт на английском языке.

Заключение

Обсуждение фактологической и методолого-методической основы исследования состоялось на научно-методической конференции "Образование в сфере искусств на Дальнем Востоке: теория и практика", проходившей в Дальневосточном государственном институте искусств в ноябре 2021 г. Вопросы вызвала свободная интерпретация сюжета. Тем не менее представленная в докладе методика воспроизведения моделей профессионального проекта постановки в образовательном поле с интересом воспринималась всеми участниками конференции; получила высокую оценку А.А. Никитина, доктора педагогических наук, кандидата искусствоведения, действительного члена Академии педагогических и социальных наук.

Реализация и обсуждение проекта, посвящённого творчеству японской романистки Ариёси Тамао, результаты, достигнутые на его Постпостановочном этапе, позволяют сделать следующие выводы:

Концепция спектакля, формулируемая на Подготовительном этапе, корректируется, уточняется, развивается на всех последующих этапах на родном и изучаемом иностранном языке, письменно и устно, в монологической и диалогической речи, с получением всё новых биографических, исторических, культурологических, этнопсихологических, литературоведческих, театроведческих данных.

Метод интертекстуального анализа и работа студентов с личностно-значимыми текстами-ассоциациями остаются определяющими, как на Аналитическом этапе, так и в процессе репетиций и обсуждений; расширяют диапазон творческих возможностей участников проекта.

Применение элементов анализа англоязычных текстов, посвящённых сюжету современного японского романа, представление фрагментов режиссёрских экспликаций и попытка саморефлексии делают Постановочный этап проекта насыщенным и эффективным, формируя в учебной постановке атмосферу профессиональной среды.

Обращение к темам и сюжетам современной зарубежной, в частности японской, литературы, профессионально-ориентированный и личностно-значимый характер творческих заданий на английском языке помогают молодым людям более смело и отчётливо формулировать некоторые выводы о собственном взрослении и меняющихся отношениях с людьми; активизируют в сознании представителей творческих профессий внутреннюю работу, направленную на самопознание и самосовершенствование; развивают их лингвистические и профессиональные компетенции; эффективно готовят будущих актёров к диалогу с зарубежными коллегами и творческому сотрудничеству в поликультурной среде.

Литература

1. Ахмыловская, Л. А. Language of Stage / Л. А. Ахмыловская. 1-е изд.. Владивосток: ДВГИИ, 2019. 176 с.
2. Ахмыловская, Л. А., Барыш, А. Ю. Novel Approach / Л. А. Ахмыловская, А. Ю. Барыш. (1-е изд.). Владивосток: ДВГТУ, 2011. 119 с.
3. Бреслав Г. М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию / Бреслав Г. М. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–42.
4. Кон А. Воспитание сердцем. Без правил и условий. / Кон А. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер,

2021. 336 с.

5. Савина Е.Г. Музыка в современном театральном пространстве / Савина Е. Г. // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 144–149.

6. Шевченко, Е.Н. "Постдраматический театр" в современном немецком и российском культурном пространстве / Е.Н. Шевченко // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 1. С. 312–318.

7. Ariyoshi Tamao Essay: Noh and Me / Ariyoshi Tamao // Noh and Me: [сайт]. URL: <https://www.the-noh.com/en/people/essay/003ariyoshi.html> (дата обращения: 07.11.2022).

8. Ariyoshi Tamao: Group of 100 / Ariyoshi Tamao // Devotees of Koyasan: [сайт]. URL: <https://koyasan-kumano100> (дата обращения: 07.11.2022).

9. Berlin Zeke. The Takarazuka Touch / Berlin Zeke. // Asian Theatre Journal, vol. 8. 1991. № 1. P. 35–47.

10. Berne E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis / Berne E. 1-е изд. New York: Ballantine Books, 1996. 216 p.

11. Bradshaw J. Homecoming: Reclaiming and Championing Your Inner Child [Текст] / Bradshaw J. – New York: Bantam Books, 1990. 304 p.

12. Chopich E., Paul M. Healing Your Aloneness: Finding Love and Wholeness Through Your Inner Child / Chopich E., Paul M. San Francisco: Harper One, 1990. 208 p.

13. Loth J. M. Developing a Theatre of the Integrated Actor. THE APPLICATION OF THE SUZUKI ACTOR TRAINING METHOD WITHIN THREE THEATRICAL CONTEXTS: специальность "театроведение": Диссертация на соискание кандидата искусствоведения / Loth J. M.; Academy of the Arts. Queensland: University of Technology. Queensland, 2001. 193 p.

14. Oliver M. Thirst / Oliver M. Boston: Beacon Press, 2006. 88 p.

15. Paul M. Inner Bonding: Becoming a Loving Adult to Your Inner Child / Paul M. San Francisco: Harper One, 1992. 240 p.

16. Pinnington N.J. The Early History of the Noh Play: Literacy, Authorship, and Scriptedness / Pinnington N. J. // Arizona.academia.edu : [сайт]. URL: <https://arizona.academia.edu/NoelPinnington> (дата обращения: 07.11.2022).

17. VandenBos. G.R. APA Dictionary of Psychology / VandenBos. G. R. // American Psychological Association : [сайт]. URL: <https://archive.org/details/apadictionaryof00vand> (дата обращения: 07.11.2022).

18. Wendy N. "Desperate Housewives" in Modern Japanese Fiction -- Three Novels by Sawako Ariyoshi / Wendy N. // Shikoku Gakuin University : [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/291336286_'Desperate_Housewives_in_Modern_Japanese_Fiction_--_Three_Novels_by_Sawako_Ariyoshi' (дата обращения: 07.11.2022).

19. Wetmore K.J., Liu S., Mee E.B. Modern Asian Theatre and Performance 1900–2000 (Critical Companions). / Wetmore K.J., Liu S., Mee E.B. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2014. 316 p.

References

1. Akhmylovskaya L. A. Language of Stage / L. A. Akhmylovskaya. 1st ed. Vladivostok: FERRI, 2019. 176 p. (In Russ.).

2. Akhmylovskaya L. A., Barysh A. Yu. Novel Approach / L. A. Akhmylovskaya, A. Yu. Barysh. (1st ed.). Vladivostok: DVG TU, 2011. 119 p. (In Russ.).

3. Breslav G. M. Resentment as a subject of psychological study: from forgiveness to its absence / Breslav G. M. // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. P. 27–42. (In Russ.).

4. Kon A. Education with the heart. Without rules and conditions. / Kon A. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. 336 p. (In Russ.).

5. Savina E. G. Music in the modern theater space / Savina E. G. // Traditions and innovations in the modern cultural and educational space. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2017. P. 144–149. (In Russ.).

6. Shevchenko E. N. "Post-dramatic theater" in the modern German and Russian cultural space / E.N. Shevchenko // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2015. No. 1. P. 312–318. (In Russ.).

7. Ariyoshi Tamao Essay: Noh and Me / Ariyoshi Tamao // Noh and Me: [сайт]. URL: <https://www.the-noh.com/en/people/essay/003ariyoshi.html> (accessed 07.11.2022).

8. Ariyoshi Tamao: Group of 100 / Ariyoshi Tamao // Devotees of Koyasan: [сайт]. URL: <https://koyasan-kumano100> (accessed 07.11.2022).

9. Berlin Zeke. The Takarazuka Touch / Berlin Zeke. // Asian Theatre Journal, vol. 8. 1991. № 1. P. 35–47.

10. Berne E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis / Berne E. 1-е изд. New York: Ballantine Books, 1996. 216 p.

11. Bradshaw J. Homecoming: Reclaiming and Championing Your Inner Child [Текст] / Bradshaw J. – New York: Bantam Books, 1990. 304 p.

12. Chopich E., Paul M. Healing Your Aloneness: Finding Love and Wholeness Through Your Inner Child / Chopich E., Paul M. San Francisco: Harper One, 1990. 208 p.

13. Loth J. M. Developing a Theatre of the Integrated Actor. THE APPLICATION OF THE SUZUKI ACTOR TRAINING METHOD WITHIN THREE THEATRICAL CONTEXTS: special'nost' "teatrovedenie": Dissertaciya na soiskanie kandidata iskusstvovedeniya / Loth J. M.; Academy of the Arts. Queensland: University of Technology. Queensland, 2001. 193 p.
14. Oliver M. Thirst / Oliver M. Boston: Beacon Press, 2006. 88 p.
15. Paul M. Inner Bonding: Becoming a Loving Adult to Your Inner Child / Paul M. San Francisco: Harper One, 1992. 240 p.
16. Pinnington N. J. The Early History of the Noh Play: Literacy, Authorship, and Scriptedness / Pinnington N.J. // Arizona.academia.edu: [sajt]. URL: <https://arizona.academia.edu/NoelPinnington> (accessed 07.11.2022).
17. VandenBos. G.R. APA Dictionary of Psychology / VandenBos. G.R. // American Psychological Association: [sajt]. URL: <https://archive.org/details/apadictionaryofp00vand> (accessed 07.11.2022).
18. Wendy N. "Desperate Housewives" in Modern Japanese Fiction -- Three Novels by Sawako Ariyoshi / Wendy N. // Shikoku Gakuin University: [sajt]. URL: https://www.researchgate.net/publication/291336286_'Desperate_Housewives_in_Modern_Japanese_Fiction_--_Three_Novels_by_Sawako_Ariyoshi' (accessed 07.11.2022).
19. Wetmore K. J., Liu S., Mee E. B. Modern Asian Theatre and Performance 1900–2000 (Critical Companions). / Wetmore K. J., Liu S., Mee E. B. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2014. 316 p.

Лариса Алексеевна АХМЫЛОВСКАЯ, канд. искусствоведения, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Дальневосточного государственного института искусств, г. Владивосток, Россия, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Larisa A. AKHMYLOVSKAIA, Candidate of Art History, Professor, Department of Humanities, Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok, Russia, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Поступила в редакцию
(Received) 18.06.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 05.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности

Ульяна Петровна СТРИЖАК

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Москва, Россия, ustrizhak@hse.ru

Аннотация. В работе представлены результаты корпусного анализа функционирования японских агентивных соматических конструкций. Обнаруживается, что соматизмы на субъектной позиции не проявляют агентивных свойств в силу приоритета в японском языке одушевлённого субъекта, но соматические объектные актаны не только сохраняют агентивные характеристики, но и выполняют функцию смягчения антропоориентированного воздействия, несвойственного японскому языку. В статье разрабатывается концепция восточной телесности, объясняющая лингвокогнитивные механизмы осознания японцами себя в системе телесных координат.

Ключевые слова: соматизмы, агентивность, восточная телесность, японский язык, когнитивный приоритет

Для цитирования: Стрижак У.П. Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality

Uliana P. STRIZHAK

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ustrizhak@hse.ru

Abstract. This paper presents the results of a syntactic parallel corpora analysis of the functioning of Japanese agentive somatic structures. It is found that somatics as a subject do not demonstrate agentive features due to the priority of the animate subject in Japanese. On the contrary, somatic actants as an object obviously show agentive characteristics as well as carry out the feature of mitigating the human-oriented impact, which is unusual for the Japanese language. The article manifests the concept of Eastern corporality, which explains the linguo-cognitive mechanisms of self-awareness by the Japanese in the system of body coordinates. This concept argues that somatics are to be considered as the nearest interaction circle for Japanese to be controlled and organized, which means somatics' cognitive salience in the Japanese understanding of the causative structures describing the body sphere.

Keywords: somatics, agentivity, Eastern corporality, Japanese language, cognitive priority

For citation: Strizhak U.P. Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 116–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Введение

Данная работа представляет собой фрагмент исследования агентивности как совокупности семантических характеристик высказывания, описывающих процесс каузации, неотъемлемыми компонентами которого являются намеренность, сознательность и контролируемость выполняемого действия. Эти характеристики в разной степени присущи участникам описываемых в высказывании событий: агенсу как деятелю (носителю или источнику действия, производимого предикатом) и пациенсу как объекту приложения данного действия. Согласно положениям общей лингвистической теории о Прото-Агенсе и Прото-Пациенсе в концепции Д. Даути [15], прототипическим агенсом является человек, а на другом полюсе шкалы агентивности находится неодушевлённая вещь, которая в силу отсутствия необходимых характеристик не может занимать позицию деятеля/каузатора в высказывании. Однако в окружающей нас действительности мы нередко наблюдаем ситуации, когда инициатором действия являются неодушевлённые субъекты, например: нас мучает любопытство, расстраивают поступки, охватывают чувства, сбивают с толку слова, пугает гром и т. д. В случае японского языка, который в целом демонстрирует тенденцию к доминированию перереходных конструкций и сниженной агентивности (подробнее у Y. Ikegami [16], Ё. Икэгами [18], Х. Киндаити [19], А. Кондо [20] и др.), эти обычные для нас алгоритмы на-

шего взаимодействия с окружающим миром (например, "письмо меня расстроило") вступают в конфликт с когнитивными ограничениями¹: не допускать такие субъекты на позицию агенса (письмо, даже если оно является источником радости, в японском представлении является не более чем орудием, а значит, должно занимать периферийную инструментальную позицию при сохранении человека на ведущей позиции агенса). Следовательно, при объективации таких фрагментов действительности в японском языке необходима грамматическая трансформация высказывания для соотнесения синтаксических и семантических ролей деятеля и источника воздействия.

Это положение было проверено на материале авторского параллельного синтаксически размеченного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором были задокументированы маркированные для японской языковой нормы случаи воздействия неодушевлённого субъекта на человека, что фиксируется как нарушение когнитивных представлений японцев об окружающем мире. Была выдвинута гипотеза, что исходные когнитивно инородные для японского языка предложения с неодушевлённым субъектом при агентивном предикате типа 'судьба его выручила' будут преобразованы в антропоориентированные высказывания с сохранением фокуса на человеке. В постановке гипотезы мы исходили из того, что японский язык ограничивает неодушевлённые актанты в праве занимать ведущие синтаксические позиции; эти когнитивные ограничения были выделены и описаны нами ранее [11, с. 42–44; 81–82], перечислим их: 1) японский язык отдаёт предпочтение непереходным конструкциям, и в смысловом фокусе находится не деятель, а вся ситуация в целом или результат осуществлённого действия, в результате чего снижается общая агентивность отдельного высказывания и дискурса в целом; 2) главные актанты в японском языке имеют строгое ограничение по критерию одушевлённости, что подразумевает осознанность и автономность выполнения действия, а также наличие волевого и контролирующего начала.

Исследование корпусного материала (2308 примеров из 35 произведений русской художественной литературы, отобранные методом сплошной выборки, и их японские аналоги, от одного до пяти переводов на каждую исходную единицу) в целом подтвердило вышеизложенную гипотезу – доля преобразований составила 69,71% всех корпусных вхождений, что демонстрирует стремление японского языка к пониженной агентивности в описании явлений окружающей действительности: 'обстоятельства поставили его в тупик' превращается в 'из-за обстоятельств он оказался в тупике'² (снижение агентивности путем субъектно-объектной замены); 'и сон, и бред разом охватили его' → 'и сон, и бред разом навалились на него' (при сохранении исходной диатезы демонстрируется пониженное воздействие на человека за счёт мены валентности и соответствующего уменьшения агентивной силы предиката) и т.д.

Однако в ходе исследования были зафиксированы и обратные примеры повышенной агентивности японских высказываний, одним из актантов которых является соматический компонент, что и обусловило необходимость проведения отдельного анализа языковой репрезентации телесной составляющей в японском языке. А.Н. Мещеряков в фундаментальном комплексном исследовании истории отношения японцев к своему телу отмечает общий рост научного интереса к теме культуры телесности, объясняя это "современными мировоззренческими установками, когда тело осмысливается как принадлежность человека, индивидуальное бытие которого все больше отрывается от бытия коллективного" [8, с. 9], подчеркивает особую роль телесной составляющей для японской культуры и обосновывает необходимость ее детального рассмотрения в рамках общеисторического и

¹ Под когнитивными ограничениями в данной работе понимаются ограничения, накладываемые совокупностью представлений об устройстве окружающего мира в японском языковом сознании.

² Все примеры в работе взяты из авторского корпуса параллельных русско-японских текстов художественных произведений.

общекультурного контекста [8, с. 16]. В настоящей работе японский феномен тела станет объектом лингвистического анализа, в ходе которого агентивные характеристики соматических актантов будут систематизированы и объяснены с помощью положений концепции восточной телесности. Таким образом, задачей данной работы стала систематизация и анализ корпусных данных по критерию включенности соматического компонента и объяснение природы повышенной агентивности предложений с соматическими актантами в японском языке, для чего были выделены соматизмы на субъектной и объектной позициях, а также в роли дополнительных, исходно отсутствующих, актантов. Рассмотрим последовательно эти случаи нетипичного для японского языка высокоагентивного актантового статуса.

Агентивный статус японских соматических актантов

Прежде всего, было обнаружено, что соматизм как каузатор (**субъектная позиция**) следует общему правилу приоритета одушевлённого агенса – имеет ограниченное употребление и, как правило, выводится с ведущей актантной позиции за счёт субъектно-объектной замены, как в примерах (2) и (3), или становится аргументом предиката со сниженной акциональностью, как в примере (1):

‘золотой зуб освещал все лицо’ → 顔中に輝いていた金歯 *kaojuu ni kagayaita ita kinba* = досл.³ ‘зуб сверкал на всем её лице’, т.е., ‘зуб’ не ‘освещает лицо’, а просто ‘сияет на нём’, что демонстрирует потерю агентивного воздействия предиката;

‘вы думаете, его бы остановили тогда мои слёзы’ → あの子が思いとどまったのは私が涙を流した <...> せいだ *ano ko ga omoitodomatta no wa watashi ga namida wo nagashitari <...> sei da* = досл. ‘вы думаете, он бы остановился, если бы я заплакала’ = субъект ‘слезы’ меняет позицию главного актанта на объектную;

‘что поражало в ней, так это глаза’ → 彼が驚かされるのは目の表情であった *kare ga odorokasareru no wa, me no hyoujou de atta* = досл. ‘чем он был поражён, так это ее глазами’ = субъект ‘глаза’ переходит на инструментальную позицию при страдательном предикате.

В целом в ходе анализа функционирования соматизмов на субъектной позиции – проверки, как сильно свои или чужие телесные проявления могут влиять на человека – было обнаружено, что только 24% русских предложений сохраняют исходную агентивность при передаче на японский язык, а 76% корпусных вхождений были трансформированы; это позволяет констатировать примерное равенство синтаксической представленности соматического субъекта обычному, среднему по корпусным данным, показателю агентивности.

Далее был осуществлён анализ соматизма **на позиции объекта**, что дало иные результаты: было обнаружено, что высказывания с соматическими объектами сохраняют исходную структуру более чем в половине вхождений: 52 % (181 пример из 346) – это более чем в два раза превышает значение данного показателя по субъекту. В теории к соматическому объекту японская языковая норма должна была бы применить те же ограничения, что и к аналогичному субъекту – тем не менее в высказываниях с соматическим объектом мы наблюдаем их большее нарушение и меньшую степень трансформации исходного высказывания, что показывает более охотное допущение соматизма на позицию объекта (в отличие от субъекта) и соответствующее сохранение исходной высокой степени агентивности, например:

‘жар обжигал лицо и руки’ → 熱気が頭や手を焼き尽くした *nekki ga atama ya te wo yakitsukushita*

‘воздух и гулянье вполне укрепляют организм’ → 外の空気と散歩が体を丈夫にする *soto no kuuki to sanpo ga karada wo joubu ni suru*

³ Пометка ‘досл.’ указывает на дословную обратную передачу японского переводного текста на русский язык; лексико-грамматическая структура в таких высказываниях часто нарушает стилистические нормы русского языка, см. ‘зуб сверкал на всем её лице’, но приводится именно в таком виде для точного отображения лексического значения, а также разницы в распределении синтаксических ролей в оригинальном и переводном предложении.

‘воспоминания зажгли ей кровь’ → 思い出が彼女の血を燃え立たせた / たぎらせた / 湧きたたせた *omoido ga kanojo no chi wo moetatseta / tagiraseta / wakitataseta*

В (4) и (5) исходная диатеза сохраняется, а в (6) наблюдается некоторое снижение каузативной силы неодушевленного агенса за счёт выведения объекта воздействия – человека – с дативной позиции и перемещения на атрибутивную, что приводит его к потере внешней синтаксической связи с предикатом; но в целом неодушевленный субъект ‘воспоминания’ сохраняет свою каузативную силу почти в полной мере;

‘ноющая грусть тихо грызла мне сердце’ → 憂鬱の念が私の心を噛む / 寂しさが私の胸を噛む / 悲しみが胸に込み上げてくる *yuutsu no nen ga watashi no kokoro wo kamu / sabishisa ga watashi no mune wo kamu / kanashimi ga mune ni komiagete kuru* = досл. ‘тоска грызёт моё сердце / одиночество грызёт мою грудь / грусть подступает к груди’

Можно сделать вывод, что наблюдаемое сужение воздействия на человеческое тело до его фрагмента дает значимое повышение агентивности неодушевленного главного актанта и, соответственно, всего предложения. Иными словами, в японском представлении узконаправленная каузация более допустима, чем воздействие на человека в целом. Продемонстрируем данный вывод на следующем типичном примере с полным сохранением исходной максимальной агентивности:

‘Можно было догадаться, как это чтение утомляло её мозг’ → この読書がどんなに彼女の頭を疲れさせているか *kono dokusho ga donna ni kanojo no atama wo tsukaresasete iru ka* = досл. ‘как это чтение утомляло её голову’⁴.

Если бы исходный фрагмент был представлен как ‘Чтение утомляло её’ – то согласно наблюдаемой в корпусе тенденции японское предложение скорее превратилось бы в ‘Она утомлена чтением’ или ‘Она читала и утомлялась’, но в (8) ‘чтение’ в исходном варианте воздействует не на всего человека, а узконаправленно на его часть (‘мозг’/‘голова’) – такие предложения допускаются гораздо чаще и по статистическим показателям (количество и распределение вхождений), и отмечаются информантами-носителями языка как естественные. На этом основании был сделан вывод о когнитивной допустимости соматических объектов при неодушевленном субъекте.

Более того, на материале параллельного корпуса русско-японских текстов эмпирически обнаружилось дополнительное свойство, присущее японским соматическим актантам на объектной позиции: в ходе исследования был выделен их особый подвид – исходно отсутствующий дополнительный актонт, выполняющий функцию уменьшения каузативной силы, обозначенный нами как “амортизирующий”, что позволило ввести в научный оборот понятие “когнитивной амортизации” как смягчения воздействия, являющегося, как было сказано выше, избыточным для японского языкового сознания. Это смягчение необходимо с точки зрения носителей японского языка для трансформации когнитивно некорректного агентивного высказывания, содержащего каузативный антропоориентированный компонент с неодушевленным субъектом в роли каузатора. Лингвистическую основу такой когнитивной коррекции обеспечивает механизм расщепления каузативного фокуса на человека и его выделенный телесный фрагмент, иногда

⁴ Следует отметить, что при отборе анализируемых единиц рассматривались и случаи с полной лексической заменой исходного соматического объекта в языке перевода. Так, в корпусе были обнаружены следующие примеры: замена ‘голова’ → ‘глаза’: ‘надежда на счастье кружила ее голову’ → 期待で目が眩く *kitai de me ga kurumeku* = досл. ‘от надежд кружились глаза’; замена ‘кровь’ → ‘костный мозг’: ‘жизнь презренная отравила нашу кровь’ → 僕たちは骨の髄まで腐る *bokutachi wa hone no zui made kusaru* = досл. ‘мы отравлены до мозга костей’. Такие случаи были зафиксированы для дальнейшего изучения лексико-семантического представления человеческого тела, но рассматривались по общему алгоритму без вынесения в отдельную подгруппу в силу лексического характера замены, не влияющего принципиально на распределение синтаксических ролей и агентивный статус компонентов. В работе [4, с. 57–58] эти случаи обозначаются как <квази>синонимические соматизмы, а принцип создания такой синонимии объясняется актуализацией в смысловой структуре фразеологизмов общих свойств соматических объектов – наличием в их основе идентичных симптоматических жестов, схожих функций и т.д. Данные выводы сделаны в [4] на материале фразеологических единиц, но мы попробовали применить их и к свободным сочетаниям в нашей работе. Именно такие механизмы переноса мы наблюдаем в этом и похожих примерах.

сопровождающегося элиминацией человека как объекта. Приведём несколько примеров.

‘страшное бремя, давившее его так долго’ → 長いこと心にのしかかっていた恐ろしい重荷 *nagai koto kokoro ni noshikakatte ita osoroshii omoni* = досл. ‘страшное бремя, навалившееся на его душу’

В данном примере происходит замена ‘человека’ (с сохранением атрибутивной функции) на ‘его душу’ – такое смещение призвано локализовать воздействие на малом участке человеческой личности, чтобы не подставлять под каузативный удар человека целиком, что нарушает правило приоритета одушевлённого субъекта в японском языке.

‘воспоминание заставляло его вздрагивать и краснеть’ → 記憶は彼の身を震わせ、顔を赤くさせる *kioku wa kare no mi wo furuwase, kao wo akaku saseru* = досл. ‘воспоминание встряхивает его тело и делает красным его лицо’

Здесь исходный объект ‘его’ расщепляется на два разных фрагмента, обозначаемых разными соматизмами: в японском понимании необходимо уточнить, что вздрагивает – тело, а краснеет – лицо.

‘дрожь его пробирала’ → 身震いをしながら / 体じゆうを震わせていた / 体にふるいまで来ている *tiburui shinagara / karadajuu wo furuwasete ita / karada ni furue made kite iru* = досл. ‘он тряс своё тело’

В примере (11) все варианты перевода демонстрируют расширение исходного понятия ‘дрожь’ с помощью соматического компонента ‘тело’, разнясь лишь в выборе соответствующего соматизма – *mi* как ‘тело в психофизическом единстве’ и *karada* как акцент только на ‘физическую телесную составляющую’.

Как видно из примеров (9)–(11), дополнительные соматические актанты прокладывают дистанцию между человеком как объектом воздействия и агенсом, амортизируя тем самым каузативный удар, несвойственный японскому языку.

Таким образом, анализ особенностей функционирования японских соматических актантов позволил сделать выводы о необходимости трансформации исходного высказывания при воздействии неодушевлённого субъекта на человека в целом и на его фрагмент, а также проследить направление смещения фокуса воздействия в случае трансформации соматизма на объектной позиции. Было обнаружено, что:

- японские соматизмы на субъектной позиции подчиняются тем же когнитивным ограничениям, что и неодушевлённые субъекты: они преимущественно выводятся с главных актантных позиций и перемещаются на синтаксическую периферию;
- на объектной позиции наблюдается обратное явление: локализация воздействия на соматическом компоненте позволяет в некоторой степени сохранить требуемую исходную агентивность;
- коррекция не свойственной японскому языку антропоориентированной каузации обеспечивается введением дополнительного соматического актанта, принимающего на себя – частично или полностью – каузативный удар.

Первое положение о соматическом субъекте вполне укладывается как в представление о прототипической роли субъекта/агенса, так и в более жесткие рамки, описывающие прототип деятеля в японском языке; но второй и третий выводы – об особом статусе соматического объекта в японском языке – требуют, на наш взгляд, дополнительной интерпретации и объяснения, почему в японском языке обнаруживается повышенная агентивность человека в отношении своего тела как объекта воздействия. Нам видится несколько причин, обуславливающих такую выделенность в японском сознании соматических единиц, связанную с особенностями представления японцами своего телесного пространства. Представим их в следующей части работы.

Лингвокогнитивные механизмы реализации восточной концепции телесности

Когнитивный фон восприятия человеком своей телесности подробно описан у А.В. Нагорной в лингвофилософском обосновании противопоставления

двух парадигм осмысления человеком своего соматического опыта: экзистенциальной 'быть телом' и посессивной 'иметь тело', где особо подчеркивается роль центрального противоречия человеческой жизни между 'быть' и 'иметь', а также двойственный характер связи между человеком и его телом: восприятия "Я" как субъекта или как объекта [9, с. 330–359]. Причины выделенности объекта в таком случае мы находим и у О.К. Ирисхановой в описании механизма дефокусирования: отношение 'иметь', оформляющее прямое дополнение, ставит его в агентивно-акцентированную позицию и тем самым дефокусирует обладателя [3, с. 183–185]. Для описания взаимосвязи человека с собственным телом А.В. Нагорная вводит понятие модуса как континуума состояний, располагающихся между полюсами 'Я есть тело' и 'У меня есть тело': "модус переживания телесности – специфическое отношение к собственному телу, которое возникает в той или иной интероцептивной ситуации и выражается в стремлении ассоциировать себя с ним либо, напротив, противопоставить себя ему" – соответственно, в языке "модус переживания телесности выражается в выборе таких языковых (в первую очередь, синтаксических) средств, которые позволяют описать событие как происходящее либо с самим человеком, либо с его телом" [9, с. 397], что отражает когнитивную установку говорящего относительно собственного телесного воплощения. В качестве наиболее релевантной модели для осмысления телесных (интероцептивных, но данное положение, на наш взгляд, можно масштабировать на всю телесную сферу – прим. авт.) ощущений в контексте эмоциогенеза указан именно каузативный модус переживания телесных ощущений [9, с. 157]. В объяснении причин такой естественности каузативной модели для английского языка А.В. Нагорная со ссылкой на Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9, с. 383] указывает, что каузальный тип мышления характерен для западной, аналитическо-рациональной культуры: примеры каузативных цепочек типа 'Злость вынудила его сердце биться чаще' или 'Страх заставил его сердце мчаться' свойственны такому типу мышления и даже предпочтительны в англоязычном дискурсе. Это демонстрирует признание в западной культуре волевого начала у соматизмов, "навязывающего" органам определенный тип поведения [9, с. 382–396].

Проверим данный тезис на материале японского языка. В начале работы мы приводили положения, показывающие, что японский в целом тяготеет к нетранзитивной модели описания действительности, но анализ особенностей функционирования соматизмов в японском языке обнаружил тенденцию к их выдвиганию на центральные синтаксические позиции, что демонстрирует ярко выраженный каузативный характер таких структур – налицо противоречие в оформлении агентивных процессов в японском языке. В объяснении этого когнитивного парадокса прежде всего вспомним, что Р. Лангакер делает особый акцент в описании каузативных отношений на процессе передачи энергии, ответственности и функций контроля от каузатора к объекту [17, с. 492–495] и подчеркивает, что даже в случае взаимодействия человека с собственным телом происходит передача внутренней энергии между элементами процессуальной цепочки, хоть они и выступают в данном случае не более чем соучастниками события [17, с. 186]. Получается, пессимист побуждает свое обладаемое к некоторому (достаточно условному) действию и последующему изменению состояния в качестве соучастника процесса при сохранении ответственности и контроля за своим телом. Специальное же выведение объекта за пределы человеческого контроля демонстрирует когнитивную выделенность каузируемого элемента и свидетельствует об особо прилагаемом усилии по структурированию телесного события (в соматической сфере Р. Лангакер приводит примеры выделенности 'руки' при поднятии одной руки с помощью другой или специальном усилии врача по приведению в движение руки пациента, неспособного осуществить это самостоятельно, то же – при контакте с рукой манекена и т.д. [17, с.184–186]). Именно такая тенденция была выявлена в ходе анализа японских высказываний с соматическим компонентом, что означает несомненную их когнитивную выделенность в японском понимании каузативных отношений в телесной сфере.

Истоки такого понимания можно обнаружить в восточном представлении телесности, которая онтологически не разделяет понятия тела и духа – они существуют в единстве и взаимосвязи. В современном японском языке для этого понятия есть специальный термин 心身 *shinshin*, состоящий из компонентов 'душа + тело', который используют для отображения комплексности пути личностного совершенствования. А.Н. Мещеряков в исследовании японского телесного фактора особо подчеркивает, что "именно тело является первичным носителем всех антропогенных (культурных) смыслов" [8, с. 11]. Популярности приведенной выше психосоматической формулы способствуют и религиозные установки японцев, например: "Буддизм с точки зрения теории телесности – это религиозно-философское учение об изменении онтологического статуса человека, духовном пробуждении, при помощи преобразования человеческого тела" [5, с. 12]. Д. Судзуки в описании основ буддийского понимания мира называет западный ум объективным, научным и интеллектуальным, противопоставляя его восточному уму, который субъективен, эмпиричен и интуитивен, исходит из физического опыта переживания [12]. У Т.М. Гуревич мы неоднократно находим свидетельства того, что для японцев "человек, личность, индивидуальность" – это прежде всего "телесность" [2], и подтверждение идеи о том, что в японском понимании "мир проявляется как функция психического состояния, которая присутствует в опыте и воспринимается через опыт <...> Человек, его телесная и духовная составляющие неразделимы" [1, с. 211].

Следует отметить, что согласно древним текстам изначально компоненты современного термина 心身 *shinshin* 'душа + тело' шли в обратном порядке: первым стоял графический компонент 身 'тело', за которым следовал второй – 心 'душа', что подразумевало "сосредоточение прежде всего на телесном начале, которое служило истоком совершенствования духовной составляющей" [21, с. 737]. Показательно, что именно эта идея приоритета телесного над духовным актуализируется в современной психосоматической медицине – например, в журнале Japanese Society of Psychosomatic Medicine японские монахи и мыслители эпохи Камакура⁵ Эйсай и Догэн опосредованно дискутируют о первичности тела или духа, останавливаясь на первом [21]. Эта идея продолжает быть ярко выраженной и в современных духовно-образовательных практиках, где телесное начало задействовано на равных с работой духа: под влиянием религиозно-философских идей познание себя в восточных культурах происходит психосоматическим путем, без разделения на тело и душу. В результате процесс познания мира и самосовершенствования, путь к просветлению начинается с освоения собственного тела: "Тело исследуется, его способности развиваются, контроль над самыми мелкими телесными проявлениями превращается в повседневную подсознательную практику, и, когда приходит время, форма становится условным рефлексом, привычки становятся "второй натурой", а единение духовного, соматического, ментального в процессе личностного роста достигается путем актуализации аспекта "опыта или мастерства, т. е. освоения двигательного навыка" [5, с. 16; с. 15]. Японский философ Я. Юаса объясняет детерминированность автоматизированных человеческих действий и поступков сложившимся и вытекающими "из всей истории предыдущего опыта" поведенческими моделями, приобретенными прежде всего путем телесной практики [цит. по [14, с. 111]. После первичного узнавания следует этап 体得 *taidoku*, дословно: 'приобретение через тело'. Примечательно, что современная образовательная традиция Японии, испытавшая влияние буддийской доктрины, во многом отличается от западного подхода. В.П. Мазурик в своем исследовании об экзистенциальности японской педагогики говорит о принципиальной разнице в методике работы с текстами в процессе обучения: при чтении японских текстов от читателей требуется не понимание, но превращение, слияние по принципу непосредственного соприкосновения. Иначе говоря, акцент идет не на получение знания, а на переживание его; не на приобретение, а на "вращение" в знании и озарение в процессе

⁵ Японская эпоха Камакура соответствует периоду 1185–1333 гг. в европейском летоисчислении.

обучения [7, с. 95]. М. Сува приводит примеры формирования у учащихся телесных метакогнитивных навыков на основе первоочередного познания физического воплощения окружающего в виде "мира вещей" [22].

Можно сказать, что такое понимание процессов самосовершенствования по М. Хайдеггеру [13, с. 11–13] базируется не на онтологических основаниях, регулирующих порядок бытия, а на онтических, которые описывают порядок сущего; "познание <...> имеет свое онтическое фундирование в <этом> бытийном устройстве [13, с. 61]. Хайдеггеровское противопоставление "объясняющего" – "существующему" может лечь в основу понимания важности телесного в восточных образовательных практиках; ученик смотрит и повторяет за учителем без объяснений; понимание приходит через прочувствование физических действий. В результате путём многократного повторения форм приобретает навык контроля за телесными проявлениями, результирующимися в чувственном и физическом опыте. Это приводит нас к выводу, что японцы осваивают мир и через тело, отделяя и выделяя соматическое пространство как ближайший круг своего бытия. В работах японского философа Т. Вацудзи подчеркивается, что "собственное тело" как элемент окружающего мира является частью пространственного опыта человека, причем ближайшей его составляющей [цит. по [14, с. 110–111]. Интересно, что в японских духовных практиках есть специальный термин для описания опыта прижизненного внетелесного существования 幽体離脱 *yuutai ridatsu* (out-of body experience), который представляет собой временный выход человека из собственного тела и наблюдение за своим телесным воплощением со стороны. Это служит еще одним доказательством способности японцев отделить в своем внутреннем пространстве центр "Я", а телесное продолжение "себя" воспринимать как территорию "первого шага" в последовательном освоении мира (в отличие от обозначения телесных границ в русском языке: например, В.В. Красных структурирует русский мир, очерчивая ближайшую зону человека строго его телесными границами [6, с. 300]).

Представленные выше японские принципы организации телесного пространства отражают субъективизм японского миропонимания: отсчет всего происходящего ведется от конкретной персоны, если не обозначено иное – то от себя; вокруг этого центра (и в неперменной связке с ним) разворачиваются некие события, в нашем случае – структурируется свое телесное пространство. Иными словами, даже собственные части тела японцы вычленяют как первый круг взаимодействия с собой же; далее их осваивают, контролируют, организуют. В результате мы наблюдаем случаи парадоксального высокоагентивного использования соматических элементов, нарушающие японские иерархические представления о структуре отношений человека с окружающим миром; а иногда и просто идущие вразрез со здравым смыслом (описание приятной девушки с 'блестящими глазами' перерастает в устрашающее 'девушка, которая побуждает/заставляет свои глаза блестеть'; негативная семантика предиката 'убивать' распространяется на 'дыхание' в тривиальном значении 'молчать' или на 'голос' – его 'убивают' при передаче тихого смеха и т. д.).

Наряду с изложенной выше необходимостью и функциональной сущностью надзора за своими телесными проявлениями следует описать еще одну сферу ограничения японцами своей внешней воплощенности – психическую. В рамках японской ментальности контроль и тренировке подлежит не только состояние тела, но и проявление чувств; это, соответственно, проявляется и в языковых – часто транзитивных – моделях обозначения взаимодействия человека со своей психикой. В поисках причин высокоагентивного обращения со своими эмоциями, свойственного японскому языку, мы опять обратимся к аксиологическому аспекту буддийской доктрины. Система буддийских ценностей обязывает человека отказываться от сильных чувств и привязанностей, загрязняющих духовную сферу человеческого существования; идеальным признается состояние эмоциональной *невовлеченности* (вне зависимости от полярности чувства и соответствующей эмоции – негативные и позитивные проявления могут быть в равной степени

деструктивными). На начальных этапах на пути к полному отказу от чувствования с целью совершенствования личности необходим контроль за проявлением любых (=неподобающих) эмоций. Таким образом, языковые обозначения психических состояний и эмоциональных реакций в той же мере, что и описания телесных процессов, допускают (а иногда даже требуют) каузативный формат отношений человека со своими психосоматическими проявлениями. Рассмотрим несколько примеров.

Японский аналог исходного выражения 'улыбнувшись' представляет собой транзитивное сочетание 微笑を浮かべて *bishou wo ukabete* = досл. 'вызвав улыбку'. Глагол 浮かべる *ukaberu*, помимо очевидного значения 'вызывать, проявить' интересен в данном контексте своей скрытой семантикой избыточности: в качестве одного из синонимов значения 'проявить на поверхности' японские источники предлагают глагол 過ぎる *sugiru* 'проявить/ся в избыточной степени', тем самым обозначая 'выход на поверхность' чувств как ненужную, избыточную их визуализацию, явленность; усиливается данное значение еще и сопутствующим актантом 余り *amari* 'излишек, свыше необходимого'. Такой выбор, зафиксированный в японских когнитивных структурах, показывает направление мысли японцев: не надо являть миру свои эмоции – это лишнее. Аналогично в следующем примере: 'усмехнулся' передается как 笑いを漏らす *warai wo morasu* = досл. 'пролить улыбку, дать выход улыбке'. Здесь тоже показателем ярковыраженной глагольной семантики случайности выполнения непозволятельного действия (漏らす *morasu* в том числе оформляет сочетание 'выдать тайну, проболтаться, пролить воду'). Возможно, данный оттенок играет свою роль в обозначении проявления чувств, а именно подчёркивает нежелательность этого действия; а если все-таки случилось проявить чувство – то требуется перевести это в подконтрольный формат.

Здесь необходимо понимать, что 'улыбаться' – еще относительно управляемый процесс, а, например, сердцебиение гораздо меньше поддается внешнему регулированию. Тем не менее японское видение психосоматических процессов требует каузативного оформления даже неконтролируемых проявлений (под контролем мы вслед за Е.В. Рахилиной и В.А. Плунгяном понимаем наличие факта контроля субъектом всей ситуации или одной из ее фаз, включая, таким образом, и "частичный контроль" [10]). Например: выражение 'сильно билось сердце' передается как 激しい動悸を抑えながら *hageshii douki wo osaenagara* = досл. 'сдерживая ярое биение сердца'. Замедлить сердцебиение можно только значительным психофизическим усилием при определенной подготовке, а осуществляется оно и вовсе бесконтрольно – тем не менее японцы считают этот процесс вполне каузативным (примечательно, что о сдерживании в исходном тексте у А.П. Чехова речь не шла – сцена долгожданного, но внезапного свидания в произведении "Дама с собачкой" эмоционально сильно нагружена). Следующий пример с соматическим компонентом 'дрожь' относится к случаям "частичного контроля" (здесь контролируется только конечная фаза, т. к. начинается дрожь без участия субъекта в этом процессе, а вот перестать дрожать волевым усилием можно). В этом случае мы тоже наблюдаем повышение агентивности в японском варианте: 'дрожь его пробирала' получает противоположную направленность и высокоагентивную характеристику: 体ぶるぶる振るわせていた *karada buruburu furuwasete ita* = досл. 'он тряс своё тело'. Еще более показательны примеры с такими соматическими явлениями, как 'озноб' или 'покраснение', которые невозможно контролировать ни в начальной, ни в конечной фазе: 'румянец покрыл её щеки' трансформируется в 彼女は両の頬をさっと赤くした *kanojo wa ryou no hoo wo satto akaku shita* = досл. 'она свои щеки внезапно сделала красными'. С точки зрения контролируемости это нелогично, т. к. к физиологическому процессу покраснения не применимы понятия волевости и контроля, но корпусные данные показывают, что в японском языке каузативный формат психосоматических конструкций является вполне допустимым и даже желаемым. Объяснением этому могут послужить представленные выше особые механизмы осознания японцами себя в системе телесных координат.

Выводы

Итак, анализ параллельного корпуса русско-японских художественных произведений подтвердил невысокий уровень агентивности японских соматических субъектов и, напротив, показал отчётливую выраженность высокоагентивных каузативных свойств у соматических объектов, которые в том числе выполняют дополнительную задачу локализации воздействия, что выводит человека из-под каузативного удара.

Такое системное использование высокоагентивных конструкций для обозначения действий, выполняемых субъектом в отношении самого себя – как в сфере физического, так и в сфере психического – может быть объяснено с помощью восточной концепции телесности, в рамках которой человек предстаёт как единая психофизическая сущность. В результате соматическое пространство – как собственное, так и чужое – может рассматриваться как фрагмент условно отделяемой, осваиваемой и управляемой территории, что позволяет описывать происходящее в телесной сфере как каузативные процессы.

Литература

1. Гуревич Т.М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 208–212.
2. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: автореф. дис. ... д. культур.: 24.00.01. М., 2006. 45 с.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
4. Козеренко А.Д. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела / А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. 2011. №6. С. 54–66.
5. Костерина А.Б. Дух и плоть дзэн, или буддийские истоки японской телесности / А.Б. Костерина, А.С. Цесевичус // Дискуссия. 2012. № 5(23). С. 12–18.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Мазурик В.П. Уроки японской экзистенциальной педагогики // Материалы 7-й научно-методической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» (март 2012 г.). М.: Ключ-С, 2012. С. 87–102.
8. Мещеряков А.Н. Страна Япония: жить японцем. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 504 с.
9. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке // Дис. ... д. фил. н.: 10.02.04, 10.02.19. Москва, 2015. 460 с.
10. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 40–48.
11. Стрижак У.П. Японский язык в антропоцентричном пространстве: когнитивный подход в обучении: Монография. М.: Серебряные нити, 2020. 162 с.
12. Судзуки Д. Лекции о дзэн-буддизме // Фромм Э., Судзуки Д., Р. Де Мартино. Дзэн-буддизм и психоанализ. М.: Весь мир, 1997. URL: https://royallib.com/read/sudzuki_dayzetsu/dzen_buddizm_i_psihoanaliz.html#0 (дата обращения: 12.07.2022).
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
14. Цесевичус А.С. Проблемы взаимоотношения разума и тела в японской и западной культурах: сравнительный анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2(14). С. 108–113.
15. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67, No. 3. P. 547–619.
16. Ikegami Y. DO-language and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // The empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 285–326.
17. Langacker R. Cognitive grammar: a basic introduction. NY: Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. 池上 嘉彦. 「する」と「なる」の言語学. 東京: 大修館, 2011. 304ページ。= Икегами Ёсихико. Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться». Токио: Тайсюкан, 2011. 304 с.
19. 金田一春彦. 日本語の特質. 東京: NHKブックス, 2007. 245ページ。= Киндайти Харухико. Особенности японского языка. Токио: NHK books, 2007. 245 с.
20. 近藤 安月子. 「日本語らしさ」の文法. 東京: 研究者, 2018. 288ページ。= Кондо Ацукю. «Японская» грамматика японского языка. Токио: Кэнкюся, 2018. 288 с.
21. 仲 紘 嗣. 「心身一如」の由来を道元・栄西それぞれの出典と原典から探る // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. № 51(8). 737–747ページ。= Нака Хироси. Исследование о происхождении термина «синсин итинё» на основе текстов Догэна и Эйсай // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. № 51(8). С. 737–747.

22. 諏訪 正樹. “からだで学ぶ”ことの意味. 学び・教育における身体性 // Keio SFC journal. 2012. No. 12(2). 9–18ページ. = Сува Масаки. Смысл «обучения через тело»: телесность в учебном процессе // Keio SFC journal. 2012. No. 12(2). С. 9–18.

References

1. Gurevich T.M. Culturological paradigm of teaching Japanese // Bulletin of MGIMO University. 2012. № 2. P. 208–212. (In Russ.).
2. Gurevich T.M. Linguistic and cultural analysis of the concept sphere MAN in the Japanese language picture of the world: author. dis. ... d. culture: 24.00.01. M., 2006. 45 p. (In Russ.).
3. Iriskhanova O.K. Focus games in language: semantics, syntax, and defocus pragmatics. M.: Languages of Slavic culture, 2014. 320 p. (In Russ.).
4. Kozerenko A.D. Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body / A.D. Kozerenko, G.E. Kreydlin // Questions of linguistics. 2011. № 6. P. 54–66. (In Russ.).
5. Kosterina A.B. The spirit and flesh of Zen, or the Buddhist origins of Japanese physicality / A.B. Kosterina, A.S. Tsesevichus // Discussion. 2012. No. 5(23). P. 12–18. (In Russ.).
6. Krasnykh V.V. “Own” among “strangers”: myth or reality? M.: Gnosis, 2003. 375 p. (In Russ.).
7. Mazurik V.P. Lessons of Japanese existential pedagogy // Proceedings of the 7th scientific and methodological conference "Japanese in high school: actual problems of teaching" (March 2012). M.: Klyuch-S, 2012. P. 87–102. (In Russ.).
8. Meshcheryakov A.N. Country Japan: live Japanese. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2020. 504 p. (In Russ.).
9. Nagornaya A.V. Verbal representation of interoceptive sensations in modern English // Dis. ... d. fil. n.: 10.02.04, 10.02.19. Moscow, 2015. 460 p. (In Russ.).
10. Plungyan V.A., Rakhilina E.V. Notes on control // Speech: perception and semantics. M., 1988. P. 40–48. (In Russ.).
11. Strizhak U.P. Japanese language in an anthropocentric space: a cognitive approach to teaching: Monograph. Moscow: Silver threads, 2020. 162 p. (In Russ.).
12. Suzuki D. Lectures on Zen Buddhism // Fromm E., Suzuki D., R. De Martino. Zen Buddhism and Psychoanalysis. Moscow: Ves Mir, 1997. URL: https://royallib.com/read/sudzuki_dayzetsu/dzen_buddizm_i_psihoanaliz.html#0 (accessed 12.07.2022). (In Russ.).
13. Heidegger M. Being and time. Moscow: Ad Marginem, 1997. 503 p. (In Russ.).
14. Tsesevichus A.S. Problems of the relationship between mind and body in Japanese and Western cultures: a comparative analysis // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2013. No. 2(14). P. 108–113. (In Russ.).
15. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991 Vol. 67, no. 3. P. 547–619.
16. Ikegami Y. DO-language and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // The empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 285–326.
17. Langacker R. Cognitive grammar: a basic introduction. NY: Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. Ikegami Yoshihiko. Linguistics: “language-to-do” and “language-to-become”. Tokyo: Taishukan, 2011. 304 p. (In Jap.).
19. Kindaichi Haruhiko. Features of the Japanese language. Tokyo: NHK books, 2007. 245 p. (In Jap.).
20. Atsuko Kondo “Japanese” grammar of the Japanese language. Tokyo: Kenkyusha, 2018. 288 p. (In Jap.).
21. Naka Hiroshi. A study on the origin of the term “shinshin itinyo” based on texts by Dogen and Eisai // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. No. 51(8). P. 737–747. (In Jap.).
22. Suwa Masaki. The meaning of “learning through the body”: corporality in the learning process // Keio SFC journal. 2012 No. 12(2). P. 9–18. (In Jap.).

Ульяна Петровна СТРИЖАК, канд. пед. наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, г. Москва, Россия, e-mail: ustrizhak@hse.ru

Uliana P. STRIZHAK, Candidate of Pedagogical Sciences, Associated Professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: ustrizhak@hse.ru

Поступила в редакцию
(Received) 17.08.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Дзюкудзикун, атэджи и кокуджи в современном японском языке (проблема функционирования)

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы структуры лексики современного японского языка. Прослеживаются история заимствования китайской иероглифической письменности и её адаптация к нуждам японского языка. Приводятся данные о причинах закрепления в лексической системе японского языка многочисленных вариантов чтения китайских морфем в зависимости от их сочетаемости, контекста и значения, которые они передают. Проблема функционирования рассматривается на примерах лексических единиц в зависимости от их происхождения и принадлежности к слою *wago*, *kango*, *gai-raigo* или *consyugo*.

Ключевые слова: дзюкудзикун, атэджи, кокуджи, адаптация китайской письменности, три слоя японской лексики, современный японский язык

Для цитирования: Кузьменко Н.Н. Дзюкудзикун, атэджи и кокуджи в современном японском языке (проблема функционирования) // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 127–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/127-137>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/127-137>

Jukujikun, ateji and kokuji in modern Japanese (functional problem)

Natalia N. KUZMENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Abstract. The article deals with some problems of the vocabulary of the modern Japanese language. The history of borrowing Chinese hieroglyphic writing and its adaptation to the needs of the Japanese language is traced. Data are given on the reasons for the fixation in the lexical system of the Japanese language of numerous variants of reading Chinese morphemes, depending on their compatibility, context and meaning that they convey. The problem of functioning is considered on the examples of lexical units depending on their origin and belonging to the layer of *wago*, *kango*, *gai-raigo* or *consyugo*.

Keywords: jukujikun, ateji, kokuji, adaptation of Chinese script, three layers of Japanese vocabulary, modern Japanese

For citation: Kuzmenko N.N. Jukujikun, ateji and kokuji in modern Japanese (functional problem) // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 127–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/127-137>

В последнее время значительно возрос интерес к изучению особенностей японской иероглифической письменности, в частности к изучению семантической структуры иероглифа. Связано это, на наш взгляд, с вопросами присвоения одному иероглифическому знаку разных чтений, а также частое употребление знака в отрыве от чтения вообще. Явление особенно характерно для популярных жанров манга и анимэ. Эта проблема нашла отражение в статье Ананьева В.В. "Китайские иероглифы сквозь призму семантического треугольника". В статье рассматривается знаковая природа иероглифа с применением схемы семантического треугольника Огдена – Ричардса [1]. В другой своей работе "Реализация языковой игры посредством атэджи" автор приводит многочисленные примеры функционирования атэджи в разных жанрах современного японского языка – от употребления атэджи в произведениях художественной литературы до использования в рекламе и жанрах языковой игры (каламбурах, загадках, шарадах и т.п.) [2]. Вопросы атэджи как особого слоя лексики японского языка исследуются в работе Жанцановой М.Г. "Васэй-канго" – особый слой лексики японского языка" [4]. Автор рассматривает данную проблему как разновидность слов китайского происхождения, созданных заново в японском языке или подвергшихся семантической трансформации после заимствования. Вопросы обратного заимствования "васэй-канго" нашли своё отражение в статье – "К вопросу о функционировании "васэй-канго" в

китайском языке" авторов Дамдиновой Б-Х. В., Жанцановой М.Г. [3]. Из более ранних работ, в которых затрагивалась проблема японского иероглифического письма и его особенностей, следует назвать прежде всего статью "Явление аморфемности в японском иероглифическом письме" авторов Соколова А.Н., И.Ф. Вардуля [7], в которой лексика атэдзи классифицируется как аморфемная. Работа Маевского Е.В. "Идеография в японском языке" посвящена теоретическим вопросам дихотомии идеографического и фонографического письма на примерах атэдзи, дзюкудзикун и кокудзи [6]. Фундаментальная работа Маевского Е.В. "Графическая стилистика японского языка [5] доказывает на многочисленных примерах возможность использования на письме стилистических средств, которые не могут без потери передаваемого ими смысла, употребляться в устной речи.

В меньшей степени затрагиваются вопросы истории появления в структуре лексики современного японского языка лексики атэдзи, дзюкудзикун и кокудзи. В связи с этим мы поставили цель – предложить обзор исторических этапов заимствования и адаптации китайской иероглифической письменности в Японии, а также проанализировать причины закрепления в японском языке многочисленных чтений и смыслов, закрепляемых за одним иероглифом. В подборе фактологического материала автор обращался только к тем исследованиям японских лингвистов, которые в наибольшей степени соответствовали поставленной цели. Кроме того, проблема функционирования лексики атэдзи в современном японском языке самым тесным образом связана с особенностью менталитета японцев – при общей ориентированности на мнение группы, ориентацию на принцип не выделения из толпы и гармонизацию межличностных отношений, их стремление к поиску нового, неординарного, способного выразить нечто отличное, отдельное – "特徴".

Например, как следует читать слово 「明日」 "завтра" – 「あした」, 「あす」 или 「みょうにち」 – непростой вопрос. Определить это, исходя из структуры предложения или контекста невозможно, тем не менее в "Таблице общеупотребительных иероглифов" 「常用漢字表」 предписано чтение 「あす」, поэтому все другие чтения этого слова следует писать знаками хираганы [15]. Другой пример более сложного характера. Знакомый иероглиф 「女」 – "женщина" может иметь чтения 「おんな」 「むすめ」 「ひと」 и другие. Чтения этого иероглифа передают определённые нюансы и переводятся в зависимости от контекста. Чтение 「ひと」 встречается так же часто, как и привычное чтение 「おんな」 или 「むすめ」, однако область его применения в основном ограничивается индивидуальным стилем автора и встречается чаще всего в художественной литературе [10]. Примеров можно привести достаточно много. Проблема чтения таких лексических единиц широко обсуждается в Японии в связи с изучением такой лексики в японской школе, начиная с младшей, а также в связи с возникновением крайне неоднозначной ситуации свободного составления имен новорожденных из утверждённых к употреблению иероглифов и относится к проблеме различения и функционирования в структуре японского языка лексики дзюкудзикун 「熟字訓」, лексики атэдзи 「当て字」 и лексики кокудзи 「国字」.

Данная проблема имеет глубокие исторические корни. Процесс заимствования и адаптации китайской иероглифической письменности к нуждам японского языка охватывает значительные исторические и географические рамки. Эти факторы оказали самое непосредственное влияние прежде всего на систему чтения иероглифических знаков. Китайские чтения, которые впоследствии получили название онъёми 「音読み」 – онное чтение, хотя и были привнесены в японский язык, но получили неточное, часто искажённое звучание, подстраиваясь под звуковую строй японского языка. Более того, одни и те же иероглифы в сочетании с другими иероглифами приобретали различное чтение.

Произошло это потому, что процесс заимствования китайской письменности происходил в течение довольно длительного периода времени из разных областей и диалектов Китая и может быть разделён на три этапа или три волны заимствований. Эти периоды получили названия – 「呉音」 "го-он" (уские чтения), 「漢音」 "канъ-он" (ханьские чтения), 「唐音」 "то-он" (танские чтения) [17, с. 798,

527, 1502]. Самая первая и довольно обширная волна заимствований относится приблизительно к V – VI вв. и условно именуется по названию династии У эпохи Троецарствия в Китае, хотя к династии У ни в коем случае не относится. Династия У прекратила свое существование в 280 г., тогда как волна заимствования из этой области Китая приходится на V – VI вв. За период времени от 280 г. (III в.) до V – VI вв., когда происходили активные контакты Ямато с материковым Китаем, язык династии У претерпел значительные изменения. Кроме того, заимствование шло через Корейский полуостров, что также оказало влияние на звуковую строй заимствованных слов. В Японию китайская письменность V – VI вв. была привнесена с помощью буддийских текстов, поэтому уские чтения го-он – распространены в основном в буддийских и правовых текстах. Например, 如来 (にょらい – Будда), 律令 (りつりょう – закон), お香 (おこう – будд. – благовония), 煩惱 (ぼんのう – будд. – чувственные страсти), 施物 (せもつ – будд. – милостыня, подаяние), 勤行 (こんぎょう – будд. – служба, богослужение). Эти же иероглифы во времена заимствования в VII – VIII вв. в период наиболее интенсивного культурного обмена с Китаем стали читаться иначе, отражая фонетику среднекитайского языка, который получил название – ханьский. Например, 如露 (じよろ – лейка), 命令 (めいれい – приказ), 香落 (きょうおち – грамм. – связка), 煩累 (はんるい – хлопоты, заботы), 物税 (ぶつぜい – налог с имущества), 勤務 (きんむ – служебные обязанности). В современном японском языке чтения го-он относятся к словам – 肉 (にく – мясо), 胡麻 (ごま – кунжут), 門 (もん – ворота), 鉢 (はち – миска, горшок), 天井 (てんじょう – потолок), 象 (ぞう – слон), 蓮華 (れんげ – лотос), 有無 (うむ – наличие, да или нет), 功德 (くどく – благодеяние, благотворительность), 極楽 (ごくらく – рай), 人間 (にんげん – человек) и другим и считаются относящимися к слою ваго – исконно японской лексике [11, с. 8–12].

Ханьские чтения канъ-он представляют собой вторую волну заимствований китайской письменности и китайской культуры в целом. Точно также, как и уские чтения го-он, название ханьские чтения канъ-он условно и ни в коем случае не относится к империи Хань, которая существовала в Китае с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э., а лишь отражает понятие "китайский" как самоназвание народа хань. Вторая волна заимствований приходится на VII – VIII вв., в это время в Китае существовали династии Суй и Тан. В отличие от заимствований 1-й волны, когда заимствовались в основном буддийские тексты, заимствования 2-й волны связаны с китайской поэзией, философскими трудами даосов и конфуцианцев. Способ чтения, который японцы стали применять к этим произведениям, получил название "ханьский, канъ-он". Именно в этот период появляются чтения 経 (けい) и 行 (こう), которые отражали способ чтения иероглифов в заимствованных произведениях. И если заимствования 1-й волны шли через Корейский полуостров, то ханьские чтения канъ-он были привнесены в Японию непосредственно с помощью посланников династий Суй и Тан во время культурных обменов. Новый способ чтения иероглифов стал активно внедряться в фонетику японского языка. Более того, новые ханьские чтения стали восприниматься как правильные, а уские – как просторечные и даже вульгарные. В период Хэйан предпринимались попытки заменить уские чтения го-он на ханьские чтения канъ-он прежде всего для чтения буддийских сутр. Были даже изданы соответствующие приказы. Однако, эти попытки не увенчались успехом, поскольку значительно усложнили и сам процесс чтения, и понимание смысла буддийских текстов. Поэтому уские чтения го-он так и закрепились в японском языке наравне с ханьскими чтениями канъ-он. "Анналы Японии" (日本書紀) написаны на классическом китайском языке канго (канъ-он), что продиктовано дипломатической важностью этого документа и традициями официальной историографии Древней Японии. Другие древнейшие памятники – "Записи о деяниях древности" (古事記), "Собрание мириад листьев" поэтическая антология периода Нара (万葉集) написаны на старояпонском языке ваго (го-он). [11, с. 12–13]

Танские чтения то-он отражают изменения в фонологической системе китайского языка, произошедшие в период средних веков. В результате в японском языке

ке появляется слово 行燈 (あんどん – бумажный фонарь), где иероглиф 行 наряду с чтениями ぎょう и こう приобретает чтение あん. Однако, в отличие от уских чтений го-он и ханьских чтений канъ-он, танские чтения то-он использовались в поэтическом языке в качестве лексики "высокого стиля" типа выражения 五月雨 (さみだれ) – "ранний летний дождь" и представляли собой чрезвычайно узкий слой лексики, который во многом относится к идиоматической и составляет слой дзюкудзикун (熟字訓), иными словами представляет собой японское, кунное чтение идиом и сложных слов. После периода Камакура, когда в Японию проникает учение китайского чань-буддизма в форме дзэн, и особенно в период Эдо благодаря монаху Ингэн (Иньюань Лун-ци), который бежал из Китая эпохи Мин (XVII в.) и создал в Японии одно из направлений дзэн-буддизма – секту Обакусю, в японский язык вошло некоторое количество лексики из текстов этого направления буддизма, которое сохраняется в японском языке в основном в бытовой лексике – 木綿 (もめん – хлопчатобумажная ткань)、普請 (ふしん – строительные работы)、杏子 (あんず – абрикос)、羊羹 (ようかん – пастила из красных бобов)、布団 (ふとん – одеяло)、椅子 (いす – стул)、栗鼠 (りす – белка) и др. [11, с. 14].

В процессе использования иероглифов в японском языке многие чтения стали употребляться по ошибке, часто смешиваясь с диалектными формами, в результате чего появились чтения, которые отличаются от первоначальных чтений как в го-он, так и в канъ-он. Такие чтения получили название 「慣用音」 – "канъё-он", т.е. ошибочное, искаженное чтение. Например, иероглиф 匹 который имеет уское чтение ひち, ханьское чтение ひつ стал читаться как ひき и это чтение закрепилось в японском языке. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что такие "неправильные" чтения во многих случаях основываются на танских чтениях то-он, созданных самими японцами [13, с. 556; 11, с. 15].

Итак, в течение исторического процесса заимствований китайской иероглифической письменности, происходившего на протяжении нескольких столетий, с V по XVII вв., и приспособления фонологической системы китайского языка к фонетическому строю японского языка в японском языке сложилась сложная структура чтения иероглифов, которая включает в себя четыре системы чтения: уские чтения го-он, ханьские чтения канъ-он, танские чтения то-он и закрепившиеся в языке ошибочные чтения канъё-он. [15, с. 123–127]. Более того, в процессе использования разных систем чтений и с учетом исторических изменений, протекавших в языке, произошло как бы перекрёстное использование разных систем чтения. Иными словами, в современном японском языке немало случаев, когда первый иероглиф в иероглифическом сочетании может иметь уское чтение го-он, а второй – ханьское чтение канъ-он и наоборот. Есть также примеры, когда канго, которое раньше читалось с помощью уского чтения го-он, сейчас читается с помощью ханьского чтения канъ-он. Например, 頭髮 (とうはつ – волосы) в современном японском языке читается с помощью ханьского чтения, а в старину это сочетание иероглифов читалось с помощью уского чтения 頭髮 (ずはつ).

Большинство китайских иероглифов, используемых в японском языке, имеют несколько вариантов чтения – китайское чтение –онное в его различных исторических вариантах, и японское чтение – кунное. В Японии не было собственной письменности, но японский язык существовал в устной форме, поэтому в процессе освоения китайской иероглифической письменности тем иероглифам, которые соответствовали уже сложившимся в японском языке понятиям были присвоены наряду с китайскими чтениями чтения японские. Например, 生 せい (生活)、しょう (一生 – жизнь) – это чтения онные, все остальные чтения – кунные – иきる (長生き – нагайки)、いかす (生かす – оживлять)、いける (生ける – живой)、うまれる (生まれる – родиться, появиться на свет)、うむ (生む – рожать, породить)、おう – родиться, расти, жить (生立ち – происхождение, биография)、はえる – расти(о растениях, волосах, ногтях) (生える)、はやす – отращивать (бороду) (生やす)、き – чистый, настоящий, неотделанный (生糸 – кийто – шелк-сырец)、なま (生水)、ふ (芝生 – шибふ газон)、なる、ならず (生る、生らす) – плодоносить и другие значения и чтения.

Такой способ приспособления китайских иероглифов к их японскому чтению вполне объясним и понятен. Но случались и другие, более сложные и удивительные способы присвоения японского чтения китайским иероглифам. Например, 「馬」、「梅」、「寺」 в современном японском языке имеют чтения 「うま」、「うめ」、「てら」 и считаются японскими, т.е. кунными. Однако понятия 「うま」、「うめ」 относятся к древнекитайским словам, гораздо более древним, чем период, когда было заимствовано уское чтение го-он, а понятие 「てら」 относится к древнекорейским заимствованиям. Таким образом, возникает вопрос – а не являются ли эти слова 「うま」、「うめ」、「てら」 словами иностранного происхождения, гайрайго древних времен? Если обратиться к чтениям этих слов, которые были заимствованы в разные периоды влияния китайской культуры, то оказывается, что 「うま」 в го-он читает как 「マ」, в канъ-он как 「バ」, в то-он как 「マ」; 「うめ」 в го-он читается как 「メ、マイ」, в канъ-он как 「バイ」; 「てら」 в го-он читается как 「ジ」, в канъ-он как 「シ」. Таким образом, было установлено, что чтения 「うま」、「うめ」、「てら」 для иероглифов 「馬」、「梅」、「寺」 являются ваго 「和語」 и имеют японские чтения "кун". Следующий интересный факт. Чтение таких иероглифов, как 「絵 (え)」、「菊 (きく)」、「留守番 (るすばん)」、「留守 (るす)」, воспринимается как японское чтение "кун", однако это китайское чтение "он". С другой стороны, чтение слова "роза" 「薔薇 (ばら)」 относится к китайскому чтению "он", но в действительности это сокращение от японского слова "тёрн, шип" 「茨 (いばら)」, в котором убран первоначальный гласный 「い」 и поэтому чтение (ばら) – это японское чтение "кун". [3, с. 17–18]. Таким образом, даже в современных словарях родного языка 「国語辞典」 не проводится разграничения между лексикой 「和語」 и 「漢語」. Такое разграничение есть только в словаре 「新潮現代国語辞典」, в котором японская лексика 「和語」 записывается с помощью слоговой азбуки хирагана, а лексика 「漢語」 – с помощью слоговой азбуки катакана, что очень удобно. Однако есть в этом словаре лексика, чтение которой записывается с помощью слоговой азбуки катакана, но относится к гайрайго. Пишутся такие слова с помощью китайских фонетиков и относятся к разряду 「当て字」 – "атэдзи". Например, 「煙草 (たばこ)」 сигареты, 「合羽 (かっぱ)」 плащ-дождевик, 「襦袢 (じゅばん)」 японская нижняя рубашка и другие.

Появление в японском языке таких явлений, как дзюкуджикун, атэдзи и кокудзи, связано с некоторыми особенностями адаптации китайской иероглифической письменности к нуждам японского языка. Иероглифическая письменность пришла в Японию из Китая в V – VI вв. н.э. В этот период времени в Японии уже существовал свой собственный язык, но существовал он только в устной форме, т.к. собственной письменности на тот момент у японцев не было. Японцы посчитали китайские иероглифы удобными для создания на их основе собственной письменности, поэтому начался длительный процесс адаптации и приспособления китайской иероглифической письменности к нуждам формирующегося японского государства. Однако, поскольку произношение китайских слов значительно отличалось от японского, были найдены способы соответствия чтения китайских иероглифов с японским чтением. Иными словами, были найдены способы японизации китайской иероглифической письменности. Например, китайский иероглиф 「數」 имеет онное чтение 「ス」、「シユ」、「スウ」. С другой стороны, хотя этот иероглиф китайского происхождения, но выражаемое им понятие во многом соответствовало понятиям, сложившимся в японском языке. Значение иероглифа 「數」 в японском языке совпадает со значениями – 「かぞえる」 "считать, подсчитывать", 「かず」 "число, количество", 「あまた」 "множество", 「しばしば」 "часто, нередко, снова и снова". Таким образом, китайские иероглифические знаки были соотнесены с японскими чтениями и понятиями и со временем закрепились в японском языке. Одновременно стали предприниматься попытки записи японских слов с помощью китайских иероглифов. И таким образом стало понятно, что японское слово 「かぞえる」 можно было записать и с помощью иероглифа 「數」, и с помощью иероглифа 「算」. Чтение этих иероглифов было зафиксировано и названо японским чтением, или кун (кунное). В результате большинство иероглифов в японском языке имеют и китайское (онное), которое передает японизированное китайское звучание,

и японское (кунное) чтение, которое передает значение данного иероглифа [11, с. 8–9].

Кунное чтение, как правило, сопровождается одним иероглифом. Например, 「人~ひと」 "человек", 「良い~よい」 "хороший", 「美~うつくしい」 "красивый" и т.д. Тем не менее в составе лексики японского языка немало лексических единиц, которые состоят из 2-х и более иероглифов, относятся к слою ваго и имеют кунное чтение. Например, слово 「七夕~たなばた」 является словом ваго и состоит из 2-х иероглифов. Слово передает определенное понятие – "праздник встречи звезд Волопаса и Ткачихи" – и не может быть разделено на части, хотя каждый иероглиф может встречаться отдельно и иметь своё значение. Но соединённые вместе иероглифы читаются особым образом, не сводимым к чтению его отдельных частей. Подобная лексика получила название 「熟字訓~じゆくじくん」 "кунное чтение идиом, сложносоставных слов". К такой же лексике относятся следующие слова 「二人~ふたり」 – "двое", 「為替~かわせ」 – "денежный перевод", 「氷柱~つらら」 – "сосулька", 「海苔~のり」 – "съедобная морская водоросль" [11, с. 10]. В составе лексики японского языка довольно много слов, похожих на лексику 熟字訓, но таковыми не являющиеся. Например, 「前髪~まえがみ」 – "чуб, хохол", 「野原~のほら」 – "поле, равнина". Каждое из этих слов тоже состоит из 2-х иероглифов, но слово можно разделить на части его составляющего. Каждый иероглиф слова имеет то же чтение, что и в составе слова. Поэтому такая лексика не относится к лексике 熟字訓. Вопрос о времени появления лексики 熟字訓 в составе японского языка до сих пор остается открытым как не имеющий однозначного ответа. Известно, что уже в поэтической антологии эпохи Нара "Манъёсю" встречаются следующие 熟字訓: 「黄葉~もみじ」 – клен, 「丸雪~あられ」 – град, 「織女~たなばた」 – Танабата – праздник встречи звезд Волопаса и Ткачихи, 「頃日~このごろ」 – в последнее время, недавно и другие. Эти и другие 熟字訓 в современном японском языке имеют другие написания и чтения. В современном японском языке такой лексики осталось немного. Лексика 熟字訓 в ограниченном количестве изучается в японской школе, включена в таблицу общеупотребительных иероглифов в качестве приложения.

Кроме понятия 熟字訓 – дзюкудзикун в современном японском языке существует лексика, получившая название 当て字 – атэдзи. Атэдзи – это неправильно, искусственно подобранные иероглифы. Иероглифы имеют форму, чтение и значение. Однако, в составе лексики японского языка встречаются слова, которые, позаимствовав форму и чтение, передают совершенно иное значение. Такие слова называются 「当て字~あてじ」. 当て字 используются для записи японских слов, иногда китайских по происхождению слов, используя иероглифы в качестве фонетиков, и читаются без учета значений входящих в слово иероглифов. Иными словами, иероглифы в таких случаях выполняют роль букв. При записи атэдзи одна морфема может быть передана несколькими иероглифами, имеющими одинаковые чтения. Такой способ применения иероглифов для составления новых слов применялся и в самом Китае. Иероглифы, составленные таким способом, относились к категории 「仮借~かしや」, одной из шести категорий китайских иероглифов 「六書~りくしよ」 [13, с. 792]. Связано это было с тем, что в китайском языке существует огромное количество простых односложных слов, часто имеющих одинаковое звучание, что привело к возникновению огромного количества омонимов. С другой стороны, число слогов в древнем китайском языке было ограничено из-за особенностей его фонетической системы. Ограниченность числа слогов в древнем китайском языке обусловила ограниченность числа онов в японском языке – их немногим больше 300 [8, с. 11–14]. Именно на основе категории 「仮借~かしや」 в средневековой Японии была разработана система письменности Манъёгана, принципы которой используются в современном японском языке при создании 当て字 [13, с. 720, 724]. Например, слово 「餡蜜~あんみつ」 – "сладкая паста из бобов, мармелад из фасоли" можно записать иероглифами 「安満」, где значение и иероглифа 「安」, и иероглифа 「満」 совершенно не передают значение "мармелад из фасоли". Точно также заимствованное слово 「コーヒー」 – "кофе" когда-то записывалось иероглифами 「珈

璚」, где оба иероглифа и 「珈」 и 「璚」 имеют значения 「宝飾り～たからかざり」 – "драгоценность, сокровище".

Далее, написание слова 「友達～ともだち」 – "друг, друзья" стало давно привычным, однако, иероглиф 「達」 имеет значение 「通る～とおる・至る～いたる」 – "проходить, достигать", и не имеет значения "друзья". Тем не менее иероглиф с таким чтением сохранился в слове 「先達～せんだつ」 – "предтеча, предшественник, передовик" и кроме онного чтения 「タツ」 может иметь неправильное, ошибочное онное чтение 「ダチ」. Поэтому такое чтение закрепилось в языке и теперь читается как 「ダチ、ダチ」 и часто употребляется для передачи множественного числа. Подобной лексики в современном японском языке довольно много [9, с.11].

Лексика 当て字 можно объединить в следующие группы согласно её отнесению к одному из слов: к слою ваго, к слою канго, к слою гайрайго, а также и к слою консюго.

Атэдзи слоя ваго. Безусловно, не вся японская лексика ваго, записанная подобными китайскими иероглифами, относится к 当て字. Простые, односложные слова типа 「春～はる」 – "весна", 「風～かぜ」 – "ветер" и записывающиеся одним иероглифом к атэдзи не относятся. Не относятся к атэдзи также и слова, записывающиеся двумя и более иероглифами, если каждый иероглиф, входящий в такое слово, представляет собой простое, односложное слово, имеет чтение и значение, совпадающее со значением составного слова. Например, 「春風～はるかぜ」 – "весенний ветер", 「旅人～たびひと」 – "путник" и другие. Вся лексика атэдзи ваго делится на две группы. К первой группе атэдзи ваго относятся только те японские слова, слоги которых можно записать иероглифами, имеющими подходящее по звучанию или онное, или кунное чтение, но не имеющими никакого отношения к смыслу ими передаваемыми. Внутри этой группы выделяются три подгруппы атэдзи ваго в зависимости от заимствования звучания.

1. 「借音～しゃくおん」 – "заимствование китайского звучания". Примеры такой лексики: 「安本丹～あんぼんだん」 – дурак, глупец, высмеивать глупость, человека. Интересно, что в конце периода Эдо это слово употреблялось для наименования вида рыбы "морской полосатый окунь"; 「我楽多～がらくた」 – хлам, рухлядь, барахло; 「急度～きつと」 – наверняка, непременно; 「護美～ごみ」 – мусор и другие.

2. 「借訓～しゃくくん」 – "заимствование японского звучания". Примеры такой лексики: 「赤切～あかぎれ」 – трещина на коже; 「浅猿～あさまし」 – стыд, позор, подлость; 「目出度い～めでたい」 – радостный, счастливый; 「八釜敷い～やかましい」 – шумный, надоедливый и другие.

3. лексика со смешанным онным и кунным звучанием. Примеры такой лексики: 「薩張～さつぱり」 – совершенно, вовсе, совсем; 「泥坊～どろぼう」 – вор, грабитель, воровство и другие. Кроме того, в эту подгруппу атэдзи ваго включены следующие лексические единицы: 「葉書～はがき」 "открытка", 「仕事～しごと」 "дело, занятие", 「左程～さほど」 "так, до того, особенно" и другие слова, только частично представляющие собой атэдзи.

Ко второй группе атэдзи ваго относится лексика 熟字訓 как частный случай лексики атэдзи ваго. Примеры такой лексики: 「今日～きょう」 – сегодня; 「昨日～きのう」 – вчера и другие [9, с. 11–13].

Атэдзи слоя канго. Принято считать, что иероглифическая запись лексики китайского происхождения, канго, должна соответствовать установленному звучанию. Например, запись слова "железная дорога" 「鉄道」 соответствует звучанию 「てつどう」 и не относится к атэдзи. Однако из этого правила также есть исключения, вызванные разными причинами. К первой группе таких причин относятся изменения, произошедшие с течением времени. Например, слово 「進退～しんたい、(しんたい – древнее произношение)」 имело значение 「すすむしりぞく」 – "двигаться вперед и отступать назад, линия поведения". В современном японском языке понятие 「出処進退～しゅつしよしんたい」 основано на этом прежнем значении. 「出処進退を誤らず」 "ни в чем не ошибаться". Однако в средние века произошло переосмысление прежнего понятия 「進退～しんたい」 и стало пониматься в смысле 「莊園～しょうえん」 "поместье", 「領地～りょうち」 "владение территорией", а последующее за средне-

вековьем Новое время в связи с развитием экономики привнесло в это понятие новые нюансы, и понятие «進退~しんたい» стало восприниматься как «家計~かけい» "домашнее хозяйство, материальное положение семьи", как «財産~ざいさん» "имущество, состояние". Звучание слова также поменялось на «しんだい», однако запись новых понятий прежним сочетанием иероглифов «進退» слишком далеко отстояла от смысла новых понятий, поэтому были подобраны новые иероглифы, в наибольшей степени соответствующие новым понятиям «身代~しんだい», «身袋~しんだい». Так было создано понятие «身代~しんだい» – "состояние, наследство", которое соответствует атэдзи канго. Подобным изменениям подверглись и другие понятия, для которых были созданы новые атэдзи. Например: (押柄~おうへい) = «横柄~おうへい» – надменный, высокомерный, спесивый; (学文~がくもん) = «学問~がくもん» – учение, наука. (莫迦~ばか) = «馬鹿~ばか» – дурак, глупец, дурень, идиот

(未醬~みそ) = «味噌~みそ» – мисо (густая масса из соевых бобов) и другие. Интересна история создания атэдзи для слова «時計~とけい» – "часы". В древнем Китае для понятия времени суток существовал термин «土圭~どけい・とけい» – солнечные часы. Этот термин вместе с термином «漏刻~ろうこく» (水時計) – "водяные часы" – довольно рано появился в Японии. Кроме того, в конце периода Муромати в Японии появились европейские механические часы. В результате в языке появились слова «斗鶏・斗影・斗計» с чтением «とけい». Позднее в 1603 г. христианами миссионерами, жившими в Нагасаки, был создан словарь, в который было включено слово "часы" в иероглифической записи «時計», которое в те времена читалось как «ときはかり». Таким вот образом в японском языке появилось атэдзи канго со значением "часы". Ко второй группе причин относятся так называемые "замещённые иероглифы" «代用漢字». Эта проблема возникла в японском языке в послевоенный период в результате политики правительства в области национального языка. В 1946 г. была создана и введена в действие "Таблица общеупотребительных иероглифов" (当用漢字表), которая ограничивала список иероглифов. Количество иероглифов, рекомендованных для употребления, было недостаточным даже в рамках обыденной жизни японского общества. Поэтому, чтобы восполнить этот недостаток, некоторые понятия, иероглифическая запись которых теперь выходила за рамки предписанных в таблице, были заменены на другие иероглифические записи. Например: «交又てん~こうさてん» = «交差点~こうさてん» – перекрёсток; «颱風~たいふう» = «台風~たいふう» – тайфун. Интересна замена иероглифа в слове «輿論~よろん». Первый иероглиф «輿~よ» был заменён на иероглиф «世~よ», но тогда, чтобы избежать нежелательного чтения «湯桶読み~ゆとうよみ» "ютоёми", когда 1-й иероглиф слова имеет кунное чтение, а 2-й – онное, вновь созданное атэдзи приобрело чтение «世論~せろん». В результате таких замещений иероглифов в японской лексике возникло достаточно много проблемных чтений [9, с. 14–15].

Атэдзи слоя гайрайго. Атэдзи слоя гайрайго также можно разделить на две подгруппы по принципу их составления. К первой группе относятся атэдзи для записи которых стали также применять китайские иероглифы как с онным, так и с кунным чтением. Примеры таких слов: «瓦斯» = «ガス» – газ; «護謄» = «ゴム» – резина, каучук; «歌留多» = «カルタ» – игральные карты; «伊太利» = «イタリー» – Италия.

Атэдзи, созданные для иностранных географических названий, имен и фамилий в Японии XIX в., представляли собой очень пеструю картину, поскольку тогда не было закрепления одного чтения за одним иероглифическим знаком. Поэтому многие такие атэдзи могли записываться разными иероглифическими знаками с одинаковым чтением. Большинство таких атэдзи имели онные чтения. Например: «龍動» = «ロンドン» – Лондон; «華盛頓» = «ワシントン» – Вашингтон. Но встречались и кунные чтения, либо частично кунные чтения. Подбор иероглифов в таких случаях в большей степени совпадал с передаваемым смыслом. Например: «背広» = «セビロ» – пиджак; «型録» = «カタログ» – каталог; «合羽» = «カッパ» – плащ-дождевик. Ко второй группе атэдзи гайрайго относятся записи с помощью подходящих по смыслу иероглифов. Например: «ビール» = «麦酒» – пиво; «ハンカチ» = «手巾» – носовой платок; «バイオリン» = «提琴» – виолончель; «メリヤス» = «莫大小» – трикотаж; «マッチ» = «燐寸» – спички [9, с. 16–18].

На составление атэдзи в целом кроме указанных факторов прослеживается влияние различных традиционных факторов.

Заемствование китайской письменности вызвало еще одну проблему, с которой Япония столкнулась при необходимости иероглифической записи понятий, профессий, дел и вещей, которых не было в китайской культуре. Такую лексику можно было записывать или знаками слоговой азбуки или составлять собственные иероглифы. В Японии пошли по пути создания собственных иероглифов. Одним из способов составления собственных иероглифов стал способ 「会意~かいい」, который использовался и в древнем Китае и представлял собой еще одну из шести китайских категорий 「六書~りくしょ」 [13, с. 795]. Таким способом было составлено большинство японских иероглифов 国字. Например, слово 「つじ」 – перекрёсток – было составлено из двух иероглифов 「道」: дорога и 「十」 – десять. Из иероглифа 「道」 был взят ключ и к нему присоединён иероглиф 「十」. Так был получен иероглиф 「辻~つじ」. Другой способ – когда ключ иероглифа давал понятие, а остальная его часть – звучание. Например, 「塙~へい」 – ограда, стена.

Принято считать, что у иероглифов кокудзи есть только кунное чтение. Однако это далеко не так. Встречаются кокудзи только с онным чтением. Например, указанный иероглиф кокудзи 「塙」 имеет только онное чтение 「へい」. Некоторые кокудзи были составлены на основе перевода медицинских терминов с голландского языка в период Эдо и позднее проникли в Китай, где получили распространение. Среди иероглифов, которые принято считать кокудзи, встречаются такие, происхождение которых вызывает немало вопросов. Например, иероглиф 「雫~しずく」 – "капля", широко использовался японскими поэтами средневековья вплоть до Нового времени. Иероглиф считался кокудзи, однако этот иероглиф уже встречается в китайском словаре конца X в. Точно также иероглифы 「喰う~くう」 – "питаться, существовать" и 「鱈~たら」 – "треска, минтай", похоже, что тоже не являясь созданными в Японии кокудзи [9, с. 19–22].

В японской школе, начиная с младшей, изучаются иероглифы, относящиеся к кокудзи – 「働~はたらく」 – "работать" и 「畑~はたけ」 – "поле", 「峠~とうげ」 – "перевал", 「込む~こむ」 – "быть людным", 「匆~そう」 – поспешно, 「塙~へい」 – "ограда", 「枠~わく」 – "рама, рамки, лимит" и другие. Список меняется в зависимости от количества иероглифов, предписываемых для изучения.

Важность и сложность проблемы функционирования в современном японском языке подобной лексики признаётся на государственном уровне и отражается в соответствующих документах, касающихся современных предписаний по употреблению чтения и написания такой лексики. Например, атэдзи и дзюкудзюкун, кроме специально указанных в приложении к уже упомянутой таблице общеупотребительных иероглифов, писать следует знаками слоговой азбуки каны (хираганы или катаканы в зависимости от того, к какому слою – ваго, канго или гайрайго – относится слово) или сопровождать чтением фуриганы. 「何時」 = いつ、「如何」 = いかん、「流石」 = さすが и другие пишутся только знаками каны, в противоположность этому такие слова, как 「明後日」 = あさって、「十八番」 = おはこ, для которых нет в таблице утвержденных кунных чтений, читаются с помощью онных чтений 「明後日」 = みょうごにち、「十八番」 = じゅうはちばん. Иероглиф 「共」 = とも в предложении после глагола пишется знаками хираганы 「...するとともに」, в сочетании 「彼と共に...」 пишется иероглифом [10].

Более того, атэдзи в современном японском языке широко используются при составлении имён новорожденных детей. Такие атэдзи составляются из списков утверждённых иероглифов – из списка таблицы общеупотребительных иероглифов и из списка иероглифов для имен и фамилий. Комбинации иероглифов, а также присваиваемые им чтения не регламентируются, могут составляться свободно в зависимости от предпочтения родителей и вноситься в посемейные списки "косэки". Примеры имён: 空流(くうりゅう)、天(てん)、絆希(ばんき)、希星(きせい)、月雫(げつしずく) и другие. Такие имена получили название 「キラキラネーム」, что, видимо, означает – "особенные, блестящие имена". Насколько такие имена могут понравиться детям, когда они вырастут, доподлинно не известно. Известно лишь, что возможны

юридические нюансы при, например, желании того или иного лица поменять имя, внесённое в посемейные списки "косэки". [15]. Кроме того, атэдзи могут создаваться отдельными людьми для личного пользования, особенно это явление характерно для людей творческих профессий. На основе принципов создания атэдзи составляются различные загадки, шарады, реклама. Знание атэдзи проверяется на экзаменах в японских школах, а также знание атэдзи совершенно необходимо для сдачи экзамена, чтобы получить сертификат уровня владения иероглификой. В современном японском языке существует огромное количество атэдзи, которые представляют собой поздравления и пожелания, пишутся на наклейках 「熨斗~のし」 на подарках по самым разным случаям [9, с. 30–35].

Подводя итоги, можно утверждать, что японцам удалось не просто адаптировать китайскую иероглифическую письменность к нуждам своего родного языка, но и создать на её основе уникальную графическую стилистику, способную в гораздо большей степени передавать чувства, эмоции, глубину и неординарность смысла, нежели фонографическое письмо. Тем не менее исследование природы японского идеографического письма требует дальнейшего теоретического осмысления.

Литература

1. Ананьев В.В. Китайские иероглифы сквозь призму семантического треугольника. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-ieroglify-skvoz-prizmu-semanticheskogo-treugolnika> (дата обращения: 26.07.2022).
2. Ананьев В.В., Максимова Т.С. Реализация языковой игры посредством атэдзи. URL: <http://word.isu.ru/ru/news/Realizaci-zykovoj-igry-posredstvom-atdzi.pdf>. (дата обращения: 24.07.2022).
3. Дамдинова Б.-Х.В., Жанцанова М.Г. К вопросу о функционировании "васэй-канго" в китайском языке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-vasey-kango-v-kitayskom-yazyke/pdf> (дата обращения: 19.07.2022).
4. Жанцанова М.Г. "Васэй-канго" – особый слой лексики японского языка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasey-kango-osobyy-sloy-leksiki-yaponskogo-yazyka> (дата обращения: 26.07.2022).
5. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М.: Издательство Муравей-Гайд, 2000. 176 с.
6. Маевский Е.В. Идеография в японском языке. URL: http://www.ru-jp.org/yaponovedy_maevskiy_01r.htm (дата обращения: 27.07.2022).
7. Соколов А.Н., И.Ф Вардуль. Явление аморфности в японском иероглифическом письме// Японский язык: сб.ст. М.: Изд-во вост.лит., 1963. С.121–132.
8. Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. Около 5000 иероглифов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: "Русский язык", 1977. 680 с.
9. 荒尾禎秀 熟字訓と当て字・国字. 漢字マラソン第四巻. 東京: アルク株式会社, 1994. 87頁 = Арао Ёсихидэ. Дзюкудзикун и атэдзи-кокудзи. Иероглифический марафон. Т.4. Токио: АРУКУ, 1994. 87 с.
10. 新しい『公用文作成の要領』に向けて (報告) = На пути к новым "Принципам составления официальных документов" (доклад). март 2021. URL: <https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/kokugo/hokoku/> (дата обращения: 12.03.2021).
11. 小野正弘. 同音・同訓異字. 漢字マラソン第一巻. 東京: アルク株式会社, 1994. 77頁 = Оно Масахиро. Различное написание иероглифов с одинаковыми онными и кунными чтениями. Иероглифический марафон. Т.1. Токио: АРУКУ, 1994. 77 с.
12. 「女」のいろいろな読み方と例文 = Различное чтение иероглифа "онна", примеры. URL: <https://furigana.info/w/%E5%A5%B3> (дата обращения: 20.12.2021).
13. 杉本つとむ. 文字と表記 / 日本を知る事典. 東京: 社会思想社, 1971. 1005頁 = Сугимото Цутому. Письменность и способы написания / "Знать Японию", словарь-энциклопедия. Токио: Сякай сисося, 1971. 1005 с.
14. 玉村一郎. 日本語教育指導参考書 12. 語彙の研究と教育 (上). 国立国語研究所. 平成4年、6刷発行. 東京: 大蔵省印刷局, 1992. 150頁. = Тамамура Фумиро. Справочно-методические материалы по обучению японскому языку 12. Исследования лексики и образование (часть 1). Научно-исследовательский институт родного языка. Изд. 6-е, 1992. Токио: Окурасёкёку, 1992. 150 с.
15. 常用漢字表 (平成22年内閣告示第2号) = Таблица общепотребительных иероглифов. 30.11.2010. = Извещение кабинета премьер-министра, 2010 г., № 2. URL: <https://www.wikiwand.com/zh-tw/%E5%B8%B8%E7%94%A8%E6%BC%A2%E5%AD%97> (дата обращения: 23.03.2022).
16. 竹内豊. 「キラキラネーム」を付けることができる理由～「命名のルール」と「名の変更」. = Такэути Ютака. Причины, по которым можно давать детям "особые имена", правила присвоения и изменения имени. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/takeuchiyutaka/20210324-00228978> (дата обращения: 20.12.2021).

17. 日本史広辞典 東京: 山川出版社、1997. 2275頁 = История Японии, толковый словарь. Токио: Ямакава сьуппанса, 1997. 2275 с., илл.

References

1. Ananiev V.V. Chinese characters through the prism of the semantic triangle. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-ieroglify-skvoz-prizmu-semanticheskogo-treugolnika> (accessed 26.07.2022) (In Russ.).
2. Ananiev V.V., Maksimova T.S. Implementation of the language game through ateji. URL: <http://word.isu.ru/ru/news/Realizaci-zykovo-igry-posredstvom-atdzi.pdf>. (accessed 24.07.2022) (In Russ.).
3. Daminova B-Kh.V., Zhantsanova M.G. On the question of the functioning of "wasei-kango" in the Chinese language. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funkcionirovanii-vasey-kango-v-kitayskom-yazyke/pdf> (accessed 19.07.2022) (In Russ.).
4. Zhantsanova M.G. "Wasei-kango" is a special layer of Japanese vocabulary. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vasey-kango-osobyi-sloy-leksiki-yaponskogo-yazyka> (accessed 26.07.2022) (In Russ.).
5. Maevskii E.V. Graphic style of the Japanese language. Moscow: Ant-Guide Publishing House, 2000. 176 p. (In Russ.).
6. Maevskii E.V. Ideography in Japanese. URL: http://www.ru-jp.org/yaponovedy_maevskiy_01r.htm (accessed 27.07.2022) (In Russ.).
7. Sokolov A.N., I.F Vardul. The phenomenon of amorphism in Japanese hieroglyphic writing // Japanese language: collection of articles. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1963. P. 121–132. (In Russ.).
8. Feldman-Konrad N.I. Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs. About 5000 hieroglyphs. Ed. 2nd, revised. and additional. M.: "Russian language", 1977. 680 p. (In Russ.).
9. Arao Yoshihide. Jukujikun and ateji kokuji. Hieroglyphic marathon. T.4. Tokyo: ARUKU, 1994. 87 p. (In Jap.).
10. Toward a new "Principles for drafting official documents" (report). March 2021. URL: <https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/kokugo/hokoku/> (accessed 12.03. 2021) (In Jap.).
11. Ono Masahiro. Different writing of hieroglyphs with the same on and kun readings. Hieroglyphic marathon. T.1. Tokyo: ARUKU, 1994. 77 p. (In Jap.).
12. Different readings of the character "onna", examples. URL: <https://furigana.info/w/%E5%A5%B3> (accessed 20.12.2021) (In Jap.).
13. Sugimoto Tsutomu. Writing and writing methods / "Know Japan", dictionary-encyclopedia. Tokyo: Shakai shissha, 1971. 1005 p. (In Jap.).
14. Tamamura Fumiro. Reference materials for teaching Japanese 12. Vocabulary research and education (part 1). Research Institute of the Native Language. 6th ed., 1992. Tokyo: Okurashokyoku, 1992. 150 p. (In Jap.).
15. Table of commonly used characters. 11/30/2010. = Prime Minister's Office Notice, 2010 No. 2. URL: <https://www.wikiwand.com/zh-tw/%E5%B8%B8%E7%94%A8%E6%BC%A2%E5%AD%97> (accessed 23.03.2022) (In Jap.).
16. Takeuchi Yutaka. Reasons why you can give children "special names", rules for assigning and changing a name. URL: <https://news.yahoo.co.jp/byline/takeuchiyutaka/20210324-00228978> (accessed 20.12.2021) (In Jap.).
17. History of Japan, explanatory dictionary. Tokyo: Yamakawa Shuppansya, 1997. 2275 p., ill. (In Jap.).

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО, канд. ист. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Natalia N. KUZMENKO, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 26.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Раздельно-слитные слова *лихэцы* в современном китайском языке: к вопросу уровневой принадлежности

Полина Олеговна КИСЕЛЬ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 14polink@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена двусложным глагольно-именным комплексам современного китайского языка (раздельно-слитным словам *лихэцы*), компоненты которых допускают дистантное положение за счет вставки между ними знаменательных и служебных элементов. Данные единицы, фиксируемые в словаре, не отвечают критерию цельнооформленности, и дистрибутивные возможности рассматриваемых двусложных комплексов порождают множество дискуссий по вопросу их уровневой принадлежности. В статье последовательно приводятся пять основных точек зрения относительно природы раздельно-слитных единиц современного китайского языка, а также рассматриваются основные критерии, на которые опираются исследователи при установлении статуса данных единиц.

Ключевые слова: раздельно-слитные слова, *лихэцы*, разделяемый комплекс, глагольно-именная конструкция, современный китайский язык

Для цитирования: Кисель П.О. Раздельно-слитные слова *лихэцы* в современном китайском языке: к вопросу уровневой принадлежности // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 138–147. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/138-147>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/138-147>

Separable words *liheci* in modern Chinese: on the issue of level differentiation

Polina O. KISEL

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, 14polink@mail.ru

Abstract. The article is devoted to two-syllable verb-object complexes in modern Chinese (separable words *liheci*), the components of which demonstrate a distant position in the sentence due to the insertion of lexical and grammatical elements between them. Separable complexes, which are included in the dictionary, do not meet the criterion of nonseparability, and their syntagmatic features cause many discussions on the issue of level differentiation of *liheci*. The article consistently presents five main points of view regarding the nature of separable words in modern Chinese, and discusses the main criteria which linguists take into account.

Keywords: separable words, *liheci*, separable complex, verb-object construction, modern Chinese

For citation: Kisel P.O. Separable words *liheci* in modern Chinese: on the issue of level differentiation // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 138–147. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/138-147>

Введение

В современном китайском языке основным словообразовательным способом является словосложение – механическое соединение основ без каких-либо словообразовательных элементов. Следствием этого является изоморфизм сложных слов и словосочетаний, выраженный в формальном сходстве их структурных моделей.

Достаточно скудная морфология китайского языка и, как следствие, отсутствие четкой границы между морфологией и синтаксисом позволяют выделять в рассматриваемой языковой системе так называемую серую, или промежуточную, зону между такими единицами, как слово и словосочетание. В эту серую зону включаются в том числе и двусложные глаголы, построенные по глагольно-именной модели, для которых характерна высокая воспроизводимость, они зафиксированы лексикографически как словарные единицы, при этом их компоненты допускают дистантное положение в высказывании за счет вставки между ними знаменательных и/или служебных элементов, например:

(1) 每天我只能睡三四个小时觉。

Měitiān	wǒ	zhǐ	néng	shuì	sān	sì
Ежедневно	1SG	лишь	мочь	спать	три	четыре
gè	xiǎoshí	jiào				
CLF	час	сон				

‘Я сплю всего лишь по 3-4 часа в день’

(на примере лексемы 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’, букв.: ‘спать’ + ‘сон’).

Возможность формального разъединения компонентов словарной единицы в речи требует определенного лексикографического обозначения. В "Словаре современного китайского языка" [24] раздельно-слитные двуслоги сопровождаются пометой ‘глагол’, а в транскрипции пиньинь между их компонентами ставятся две косые черты, например: 吃饭 *chī/fàn* ‘есть, принимать пищу’, 睡觉 *shuì//jiào* ‘спать’. Как отмечает Ю.Д. Маматюк, такой “способ лексикографического представления китайских глагольно-именных комплексов, фиксирующий их определенную специфику, является по сути дела вынужденной мерой, к которой прибегают составители словарей в условиях нерешенности проблемы уровневой принадлежности сочетаний, ибо при признании этих комплексов словами их фонетическую транскрипцию следовало бы подавать слитно, а при признании словосочетаниями – раздельно” [10, с. 5].

Неоднозначность статуса разделяемых глаголов в языковой системе привела к появлению в китайском языкознании значительного числа их терминологических дублетов: 结合动词 *jiéhé dòngcí* ‘связанный глагол’ (Линь 1953), 可分离词 *kěfēnlí cí* ‘слово, способное к расчленению’ (Пэн 1954), 词化词组 *cíhuà cízǔ* ‘лексикализованное словосочетание’ (Хун 1957), 短语词 *duǎnyǔ cí* ‘слово-словосочетание’ (Люй 1979, Люй 1999), 组合词 *zǔhé cí* ‘составное слово’ (Хун 1980), 短语动词 *duǎnyǔ dòngcí* ‘глагол-словосочетание’ (Чжан 1982), 粘连短语 *zhānlián duǎnyǔ* ‘связанное словосочетание’ (Ши 1983), 最小宾语结构 *zuìxiǎo shùbīn jiégòu* ‘минимальная предикативно-объектная конструкция’ (Кэ 1990), 离合字组 *líhé zìzǔ* ‘сцепление’ (Хуан 2003), 紧词组 *jǐncí zǔ* ‘словосочетание с высокой спаянностью компонентов’ (Ли 2007) и др. (Обзор и обсуждение см. в [23]).

В отечественной традиции также наблюдается терминологическое разнообразие, представленное такими вариантами, как *глагольно-объектные биномы* [4], *глагольно-именные комплексы* [10], *инкорпорации* [5], *слова-словосочетания* [3], *лексические комплексы*, *комполит-комплексы* [12; 13], *слова, способные к расчленению* [16], *разрывные комплексы* [11] и др.

В англоязычных работах можно встретить такие варианты, как *verb-object compounds* [17], *separable words* [19] и др.

Однако наиболее прижившимся оказался предложенный Лу Чживэем в [21] термин 离合词 *líhé cí* (букв. ‘раздельно-слитные слова’), позволивший формально выделить данные единицы в отдельный класс в языковой системе. В данной статье мы будем использовать фонетическую транскрипцию китайского термина *лихэцы*, а также такие синонимичные варианты, как *раздельно-слитные слова*, *разделяемые глаголы*, *глагольно-именные комплексы*, *разделяемые комплексы*.

Как уже отмечалось выше, наличие специального термина позволило китайским лингвистам формально выделить данные единицы в отдельный класс в языковой системе, поэтому в настоящее время существуют списки раздельно-слитных слов, представленные в словарях Чжоу Шанчжи [20], Ван Хайфэна [25] и в различных учебно-методических программах по китайскому языку. Тем не менее количество разделяемых комплексов, входящих в данные перечни, различно, что также поднимает вопрос о критериях включения той или иной единицы в соответствующий список, однако четко определенной процедуры авторы не предлагают, так как данные пособия, главным образом, носят практический характер и снабжены примерами функционирования той или иной раздельно-слитной единицы с допустимыми вставками между компонентами.

Вопрос об уровневой принадлежности раздельно-слитных слов *лихэцы*, не получивший однозначного решения в китаистике, и по сей день не теряет своей актуальности. Отсутствие четких критериев для разграничения слова и словосо-

четания в современном китайском языке не позволяет однозначно оценить имеющийся языковой материал. Как следствие, двусложные комплексы, получившие в одних словарях статус сложных слов, в другие лексикографические источники не включаются вообще, поскольку рассматриваются их составителями как словосочетания [13, с. 139].

Целью данной статьи является систематизация и описание существующих на сегодняшний день представлений о природе разделяемых двусложных комплексов современного китайского языка, а также выявление критериев, положенных исследователями в основу при установлении уровневой принадлежности рассматриваемых единиц.

В языкознании существует пять основных трактовок статуса *лихэцы* в языковой системе. Данные единицы предлагается относить к словам и словоподобным единицам / к словам-словосочетаниям / к словосочетаниям / к словам при слитном положении компонентов, а при дистантном – к словосочетаниям. Также высказывается мнение о невозможности установления статуса *лихэцы*.

Ниже будут рассмотрены основные подходы к определению уровневой принадлежности раздельно-слитных комплексов современного китайского языка.

Лихэцы как слова / словоподобные единицы

Наделение единицы словесным статусом может осуществляться на основе разного рода критериев, например, морфологического, фонетического, синтаксического, семантического, а также при учете сразу нескольких вышеперечисленных признаков [1, с. 22]. Морфологический и синтаксический критерии могут объединяться в рамках критерия грамматического.

Согласно морфологическому критерию цельюоформленности, предложенному А.И. Смирницким для разграничения слова и словосочетания, "сочетание морфем признается одним словом, если грамматическое оформление при помощи соответствующей служебной морфемы получает все сочетание в целом, а не каждый из его членов" [Цит. по: 7, с. 65]. Очевидно, что данный признак хорошо работает на материале флективных языков, в то время как такие языковые явления, как, например, групповое оформление в агглютинативных языках (когда грамматический элемент, относясь сразу к нескольким единицам, формально примыкает лишь к одной из них), не позволяют говорить об универсальности данного критерия.

Первый (глагольный) компонент *лихэцы* глагольно-именной модели может принимать собственное грамматическое оформление из закрытого списка аспектуальных показателей, глагольных счетных слов, модификаторов направления, результативных морфем, а также показателей возможности / невозможности достижения результата действия, что идет вразрез с требованием целостного оформления единицы, претендующей на статус слова. При этом, как подчеркивает Б.С. Исаенко, существует принципиальное различие между постановкой между компонентами единицы знаменательного слова или служебного элемента. Так, систематическое включение грамматического элемента из закрытого списка в состав лексического образования выступает как средство формообразования и не нарушает целостности слова (это также отмечает и Дж. Паккард в [18]). В связи с этим глагольно-именные образования, допускающие разъединение лишь одним глагольным суффиксом *le*, теоретически можно было бы отнести к словам, однако данное предположение требует проверки в ходе комплексного исследования, в том числе и в диахроническом аспекте [6, с. 257–258].

Дистанцированное положение компонентов *лихэцы* может реализовываться и за счет оформления второго (именного) компонента: в препозиции к имени встречаются числительные, счетные слова, местоимения, именные группы, прилагательные, а также комбинации сразу нескольких вставок. Несмотря на формальную возможность разъединения компонентов, ряд авторов обращает внимание на приоритетность семантики при наделении разделяемой единицы словесным статусом.

Указывая на относительный характер таких характеристик слова, как цельность, неделимость и непроницаемость применительно к материалу китайского языка, А.Л. Семенас подчеркивает, что формальная возможность разъединения компонентов единицы еще не отрицает ее словесный статус. При опоре на семантический критерий дистантное положение компонентов сложного комплекса не исключает возможности его отнесения к особому типу разъединяемых сложных слов, если, несмотря на формальное расчленение, целостность единицы в плане содержания сохраняется. "Морфологическая цельность определенных типов сложных слов в китайском языке может нарушаться постановкой определения к одному из компонентов. Во всяком случае, если статус этих единиц в плане выражения остается не выясненным до конца, то в плане содержания они представляя собой единый семантический комплекс" [13, с. 203].

Так, А.Л. Семенас говорит о наличии между компонентами сложных комплексов современного китайского языка определенных семантических реляций, не зависящих от контактного / дистантного положения элементов двусложной единицы [13, с. 201]. В примере (2) *lǐxǔcǐ* 吃苦 *chīkǔ* 'переносить трудности, страдать' (букв.: 'есть' + 'горечь') сохраняет идиоматичность значения, несмотря на формальное разъединение компонентов местоимением *shénme* 'какой-либо':

(2) 我的负担虽然重, 可为着新平剧我吃什么苦也愿意。

Wǒ de fùdān suīrán zhòng, kě wèizhe xīn píngjù wǒ chī shénme kǔ yě yuànyì.

'Моя нагрузка хоть и тяжела, но для нового театра я готов перенести любые лишения' [13, с. 202].

На сохраняющуюся целостность семантической структуры единицы при формальном разъединении ее компонентов обращает внимание и П.П. Ветров. В конструкции *niànle sān gè yuè de shū* 'учился три месяца' *niànshū* 'учиться' представляет собой раздельно-слитный глагол, между компонентами которого помещается именная группа с темпоральной семантикой. Как отмечает автор, несмотря на то что компоненты *niànshū* дистанцированы друг от друга, данный комплекс по-прежнему следует переводить как 'учиться', а не 'читать вслух книгу' [2, с. 65–66].

Приоритет семантике отдается и в концепции раздельно-слитного существования слова Н.В. Солнцевой, согласно которой дистантное положение компонентов слова в разноструктурных языках оказывается возможным ввиду того, что такая обязательная характеристика слова, как цельность, прежде всего обеспечивается единством в плане содержания, а не в плане выражения [15, с. 485].

Чжао Юаньжэнь, опираясь одновременно на ряд таких критериев, как фонетический, морфологический, синтаксический и семантический, выдвигает следующие требования к глагольно-именному образованию, претендующему на статус сложного слова (должен быть соблюден как минимум один критерий):

- 1) наличие минимум одного связанного компонента;
- 2) нейтральный тон у именного компонента;
- 3) экзоцентричность конструкции;
- 4) идиоматичность значения;
- 5) неразделяемость компонентов [17, с. 430].

При этом, как отмечает Чжао Юаньжэнь, дистантное положение компонентов допускается и у сложного слова, однако, по сравнению со словосочетанием, стратегии, за счет которых реализуется разъединение компонентов сложного слова, ограничены. Чжао Юаньжэнь выделяет следующие типы единиц: 1) сложные слова, компоненты которых не могут разъединяться; 2) сложные слова, глагольный компонент которых может принимать аспектуальный суффикс или дополнительный элемент; 3) сложные слова, допускающие постановку определения в препозиции к именному компоненту; 4) сложные слова, допускающие инверсию компонентов; 5) сложные слова, допускающие опущение глагольного или именного компонента при вопросе / ответе [17, с. 440].

Согласно Дж. Паккарду, если комплекс обладает идиоматичностью значения, имеет в составе связанную морфему или способен принимать дополнение в пост-

позиции, то это означает, что он подвергся лексикализации и стал частью словаря, в связи с чем его следует считать словом. При этом такой лексический комплекс в определенных случаях (при инверсии именного компонента; наличии вставок, оформляющих именную компонент) может функционировать как "временное" словосочетание [18, с. 118–119].

Чжао Цзиньмин и Хуа Юйшань, трактуя *лихэцы* как единицы, приближенные к словам ввиду большей схожести их грамматических характеристик с последними, при этом отмечают, что данные комплексы стоит рассматривать как промежуточную форму, переходный этап от словосочетаний к словам [Цит. по: 23, с. 25]. Данная трактовка пересекается с пониманием раздельно-слитных комплексов как промежуточных единиц между словом и словосочетанием.

Лихэцы как промежуточные единицы между словом и словосочетанием ("слова-словосочетания").

О.М. Готлиб выделяет три типа проявлений синкретизма в языке: 1) способность единицы в одном акте своего использования выполнять функции нескольких разноуровневых единиц; 2) способность выполнять функции нескольких разнородных единиц одного уровня; 3) комбинированный тип [3, с. 31]. Одну из разновидностей единиц, относящихся к первому типу, автор определяет как "слово-словосочетание". Ввиду высокой воспроизводимости, такого рода образования могут быть отнесены к слову, в то время как возможность их компонентов употребляться дистантно наделяет их признаками словосочетания. К данному классу О.М. Готлиб относит единицы с "пустым" дополнением, построенные по глагольно-именной модели [3, с. 31].

Как отмечает А.А. Хаматова глагольно-именные комплексы 洗澡 *xǐzǎo* 'мыть, принимать ванну', 跳舞 *tiàowǔ* 'танцевать' и подобные им образования наделены не только свойствами глагола, но и свойствами словосочетания. Двойственная интерпретация природы раздельно-слитных комплексов объясняется следующими признаками данных единиц:

1. Выполнение роли одного члена предложения (свойство *лихэцы* как слова):

我洗澡了。

Wǒ xǐzǎole.

'Я помылся'

2. Наличие глагольных форм удвоения (свойство *лихэцы* как слова):

洗洗澡 *xǐxǐzǎo*, 洗—洗澡 *xǐ yī xǐ zǎo*.

3. Возможность дистантного употребления именного компонента, принимающего собственное оформление (свойство *лихэцы* как словосочетания):

洗了一个热水澡。

Xǐle yī gè rèshuǐ zǎo.

'Помыться горячей водой' [16, с. 144].

Точку зрения, согласно которой *лихэцы* совмещают в себе признаки слов и словосочетаний, также разделяют такие китайские лингвисты, как Чжан Лимин (1982), Ли Линьдин (1990), Цао Найлин (1994), Люй Вэньхуа (1999), Лян Чихуа (2000), Цай Гомэй (2002), Ван Хуэйцин (2008) [23].

Лихэцы как словосочетания

Раздельно-слитные слова *лихэцы* глагольно-именной модели представляют собой разнородный с точки зрения семантического веса компонентов и их вклада в значение всего комплекса класс единиц. Так, при систематизации *лихэцы* релевантно выделять группу единиц с "пустым" (семантически обесцвеченным / генерическим, родовым) дополнением, куда входят такие единицы, как, например, 洗澡 *xǐzǎo* 'мыть, принимать ванну' (букв.: 'мыть, купаться' + 'купанье, ванна'), 懂事 *dǒngshì* 'понимать, разбираться' (букв.: 'понимать' + 'дело') (подробнее см. [9]).

Рассматривая глагольно-именные комплексы с "пустым" дополнением в контексте актуальности проблемы их уровневой принадлежности, Б.С. Исаенко обращает внимание на то, что при разграничении слова и словосочетания одного лишь семантического критерия недостаточно [6, с. 254]. Отдавая приоритет граммати-

ческому критерию, Б.С. Исаенко относит двусложные разделяемые комплексы к словосочетаниям на основании их способности к расчленению как служебными, так и знаменательными элементами, возможности функционирования компонентов-основ в качестве членов предложения (сказуемого и дополнения), а также ввиду допустимости инверсии именного компонента. Несостоятельность отнесения данных единиц к словам лингвист аргументирует также тем, что в таком случае пришлось бы признать синтаксическую членимость слова и возможность функционирования частей слова в качестве отдельных членов предложения [6, с. 254–255].

Как было показано в [9], раздельно-слитные слова с "пустым" дополнением обладают разной степенью спаянности компонентов, что зависит от характера "пустого" дополнения, которое либо семантически дублирует глагольный компонент, либо выступает генерическим, или родовым, объектом (наиболее характерным объектом называемого глагольным компонентом действия). В связи с этим представляется целесообразным отдельное рассмотрение дистрибуции раздельно-слитных слов с генерическим "пустым" дополнением и с "пустым" дополнением-семантическим дублером глагольного компонента.

В первом случае вставка разрывает двусложный комплекс, устанавливая полноценные атрибутивные отношения с изначально "пустым" именным компонентом, в результате обретающим референцию. Получившаяся в результате разъединения конструкция схожа со словосочетанием:

(3) 十年来我们走市场经济的路。

<i>Shí</i>	<i>nián</i>	<i>lái</i>	<i>women</i>	<i>zǒu</i>	<i>shìchǎng</i>	<i>jīngjì</i>	<i>de</i>
Десять	год	DIR	1PL	идти	рынок	экономика	ATTR

lù
дорога

'На протяжении десяти лет мы идем по пути рыночной экономики'

(на примере *liхэцзы* 走路 *zǒulù* 'идти', букв.: 'идти' + 'путь, дорога') [9, с. 54].

В случае же с *liхэцзы*, в которых именной компонент выступает семантическим дублером глагольного и, как правило, является связанной морфемой, вставка лишь формально разрывает двусложный комплекс, но с семантической точки зрения относится и к модификации разделяемого предиката в целом, что является следствием схожести семантики глагольного и именного компонентов. Именной компонент в таких случаях остается связанным с глагольным:

(4) 有两天没睡什么觉。

<i>Yǒu</i>	<i>liǎng</i>	<i>tiān</i>	<i>méi</i>	<i>shuì</i>	<i>shénme</i>	<i>jiào</i>
Иметь	два	день	NEG	спать	какой-либо	сон

'Два дня вообще не спал'

(на примере *liхэцзы* 睡觉 *shuìjiào* 'спать', букв.: 'спать' + 'сон') [9, с. 45].

Люй Шусян, анализируя глагольно-именные образования, способные к разъединению, отмечает противоречие между лексическим и грамматическим аспектами. Так, например, комплексы 睡觉 *shuìjiào* 'спать' и 打仗 *dǎzhàng* 'воевать', с лексической точки зрения стоит признать словами ввиду наличия у них идиоматичности значения, однако с точки зрения грамматической – данные комплексы следует рассматривать как словосочетания. Отдавая приоритет грамматическому критерию, Люй Шусян квалифицирует рассматриваемые комплексы как словосочетания [22, с. 25–26].

В слитном виде – слова, в разъединенном – словосочетания

Китайские лингвисты Чжан Шоукан, Чжу Дэси и Лу Чживэй придерживаются концепции 离为短语合为词 *lí wéi duǎnyǔ hé wéi cí* (в разъединенном виде – словосочетание, в слитном – слово). При таком подходе слитная конструкция разделяемого комплексы рассматривается как слово, а конструкция с дистантным положением компонентов – как словосочетание [26, с. 13–14].

Как отмечает Лу Чживэй, при установлении уровневой принадлежности сложной единицы необходимо принимать во внимание как семантический критерий,

так и формальный критерий (в частности, допустимость вставки). При этом возможность разъединения компонентов еще не означает несловесный статус единицы [21, с. 87–88].

Способный к разъединению сложный комплекс, у которого образованная в результате расчленения конструкция употребляется в ограниченных контекстах или исходная конструкция которого имеет узкий круг потенциально возможных вставок, Лу Чживэй в работе "Словообразование китайского языка" [21] называет термином 离合词 *líchécí* *лихэцы*, или 'раздельно-слитное слово'. При этом данный термин лингвист фактически использует для номинации исходного, нерасчлененного комплекса. Конструкция, полученная в результате ввода вставки между компонентами сложной единицы, трактуется как словосочетание.

Невозможность установления уровневой принадлежности *лихэцы*

Согласно Н.Н. Короткову, в китайском языке существуют сложные комплексы, одновременно отвечающие требованиям и слова, и словосочетания, поэтому "в некоторых случаях в рамках бинома принципиально невозможно разграничить слово и словосочетание" [Цит. по: 14, с. 74].

К такому выводу приходит и В.С. Панфилов, который отмечает, что "слова китайского языка образуют постепенный переход от случаев их полной несопоставимости со словосочетанием к случаям, когда разграничение слова и словосочетания представляет определенные трудности" [11, с. 58]. По мнению лингвиста, решение вопроса о соотношении исходных и результирующих конструкций раздельно-слитных комплексов в рамках жесткой дихотомии "слово / словосочетание" затруднительно и бесперспективно, а данная проблема осознана в китайистике преимущественно как терминологическая, которая до сих пор не получила своего общепризнанного решения [11, с. 62].

Для практических целей В.С. Панфилов предлагает термин "разрывной комплекс", позволяющий выделять существенную формальную специфику такого рода единиц вне нежелательных ассоциаций со словом и словосочетанием [11, с. 62].

Заключение

На сегодняшний день в китаистике отсутствует единая трактовка уровневой принадлежности раздельно-слитных слов *лихэцы*. При этом актуальность обращения к семантике при разграничении сложного слова и словосочетания применительно к материалу китайского языка оказывается значительно выше, чем при рассмотрении данной проблемы, например, на материале языков флективного строя. Сохранение идиоматичности значения, несмотря на дистантное положение компонентов комплекса, является, по представлениям ряда лингвистов, важным критерием, на основании которого раздельно-слитная единица трактуется как слово.

Кроме того, при установлении уровневой принадлежности разделяемых комплексов внимание уделяется грамматическим (морфологическим и синтаксическим) характеристикам *лихэцы*, и в ряде подходов приоритет отдается формальному критерию: способность единицы к разъединению выступает главным аргументом при отнесении ее к словосочетанию.

Представляется, что одного лишь морфологического критерия цельюоформленности, без учета семантики, недостаточно для оценки материала китайского языка, в котором разделяемые лексические комплексы допускают систематическое включение в их состав грамматических элементов, но при этом являются гетерогенными с точки зрения степени идиоматичности и, как следствие, различаются характером взаимодействия именного компонента со знаменательными вставками.

Очевидно, что проблема установления статуса двусложных комплексов современного китайского языка, допускающих дистантное положение компонентов, существует в рамках актуальной проблемы определения границ слова как общем языкознании в целом, так и в китайской лингвистике в частности. Однако пред-

ставление об "универсальном слове" и ориентация в первую очередь на европейскую лингвистическую традицию при определении прототипического слова плохо соотносится с языковым материалом современного китайского языка, в котором существуют рассматриваемые двусложные глаголы, обладающие воспроизводимостью, разной степенью идиоматичности значения и фиксируемые словарями, при этом допускающие дистантное положение компонентов в речи.

Как следствие, с одной стороны, акцентируется проблема уровневой принадлежности *лихэцы* как несоответствующих прототипическому слову, с другой – происходит выделение такого рода единиц в особый класс в языковой системе. Однако наличие в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии лексических комплексов, совмещающих в себе признаки слова и словосочетания, в некоторых случаях допускающих разъединение и различающихся характером компонентов и отношениями между ними, свидетельствует о том, что возможность дистантного функционирования компонентов двусложного слова не представляет собой нечто уникальное. Класс таких единиц в современном китайском языке представляется открытым.

Как отмечает В.Б. Касевич, вхождение в словарь ничего не говорит о степени внутренней связности, цельности единицы [8, с. 168]. Представляется, что для китайского языка, не вписывающегося в рамки традиционного европейского языкознания, релевантно комплексное рассмотрение структурных, семантических и синтагматических характеристик раздельно-слитных слов *лихэцы* для выявления степени спаянности их компонентов и прояснения вопроса уровневой принадлежности.

Сокращения

- 1 – первое лицо;
- ATTR – атрибут;
- CLF – счетное слово, классификатор;
- DIR – директив;
- NEG – отрицание;
- PL – множественное число;
- SG – единственное число.

Литература

1. Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 256 с.
2. Ветров П.П. Проблемы внутреннего синтаксиса фразеологических единиц китайского языка // Вопросы языкознания. 2006. №6. С. 62–75.
3. Готлиб О.М. О природе и видах синкретизма в современном китайском языке // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию (Москва, 28–29 июня 1994 г.). М.: ИЯ РАН, 1995. С. 31–34.
4. Драгунов А.А. О зависимых членах предложения в современном китайском языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5. №6. С. 484–489.
5. Иванов А.И. Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. М.: УРСС, 2003. 304 с.
6. Исаенко Б.С. Опыт китайско-русского фонетического словаря. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 319 с.
7. Касевич В.Б. Введение в языкознание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр "Академия", 2011. 240 с.
8. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1988. 309 с.
9. Кисель П.О. К вопросу о "пустом дополнении" в раздельно-слитных словах лихэцы глагольно-именной модели в современном китайском языке // Вестник РГГУ. Серия "Литературоведение. Языкознание. Культурология". 2021. №2. С. 32–63. doi: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63
10. Маматюк Ю.Д. Глагольно-именные комплексы в китайском языке (к проблеме уровневого разграничения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: ИВ РАН, 1986. 183 с.
11. Панфилов В.С. Слово в китайском языке (прототипический подход) // Вопросы языкознания. 2008.

№ 2. С. 57–64.

12. Рукодельникова М.Б. К проблеме изучения лексических комплексов в современном китайском языке (подтип глагольных комплексов) // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию (Москва, 28–29 июня 1994 г.). М.: ИЯ РАН, 1995. С. 107–109.

13. Семенас А.П. Лексикология современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 279 с.

14. Солнцев В.М. Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи (проблема "неразличимости слова и словосочетания") // Спорные вопросы грамматики китайского языка. М., 1963. С. 73–86.

15. Солнцева Н.В. Проблема слитного и раздельного существования частей слова // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 485–489.

16. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.

17. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Beijing: Commercial Press, 2011. 861 p.

18. Jerome L. Packard. The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 335 p.

19. Petrovic M. Word sketches of separable words Liheci in Chinese. URL: <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-4WKV4QM4> (дата обращения: 14.12.2022).

20. 常用离合词用法词典 / 周上之主编. 北京: 北京语言大学出版社, 2011. 255页 = Словарь часто встречаемых раздельно-слитных слов лихэцы в современном китайском языке / Сост.: Чжоу Шанчжи. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2011. 255 с

21. 陆志伟. 汉语的构词法. 北京: 科学出版社, 1957. 155页 = Лу Чжизвэй. Словообразование китайского языка. Пекин: Изд-во "Наука", 1957. 155 с.

22. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 北京: 商务印书馆, 1979. 113页 = Люй Шусян. Вопросы грамматики китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1979. 113 с.

23. 王海峰. 半个多世纪以来的现代汉语离合词研究 / 王海峰, 姚敏 // 语文研究. 2010. №3. 第19–27页 = Ван Хайфэн. Изучение раздельно-слитных слов лихэцы за последние 50 лет / Ван Хайфэн, Яо Минь // Исследования по китайскому языку. 2010. № 3. С. 19–27.

24. 现代汉语词典(第七版). 北京: 商务印书馆, 2017 = Словарь современного китайского языка (7-е изд.). Пекин: Коммерческое издательство, 2017.

25. 现代汉语离合词学习词典 / 王海峰, 薛晶晶, 王景璞编著. 北京: 北京大学出版社, 2013. 251页 = Учебный словарь раздельно-слитных слов лихэцы / Сост.: Ван Хайфэн, Сюэ Цзинцзин, Ван Цзинпу. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013. 251 с.

26. 周上之. 汉语离合词研究 – 汉语语素, 词, 短语的特殊性. 上海: 上海外语教育出版社, 2006. 378页 = Чжоу Шанчжи. Исследование раздельно-слитных слов лихэцы в китайском языке: особенности морфем, слов, словосочетаний. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2006. 378 с.

References

1. Alpatov V.M. Word and parts of speech. M.: LRC Publishing House, 2018. 256 p. (In Russ.).
2. Vetrov P.P. Problems of internal syntax of phraseological units of the Chinese language // Voprosy Jazykoznanija. 2006. No. 6. P. 62–75. (In Russ.).
3. Gotlib O.M. The nature and types of syncretism in modern Chinese // Actual Problems of Chinese Linguistics: Proceedings of the VII All-Russian Conference on Chinese Linguistics (Moscow, June 28–29, 1994). M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1995. P. 31–34. (In Russ.).
4. Dragunov A.A. Dependent parts of the sentence in modern Chinese // Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language. 1946. Vol. 5. No. 6. P. 484–489. (In Russ.).
5. Ivanov A.I. A grammar of modern Chinese / A. I. Ivanov, E. D. Polivanov. M.: URSS, 2003. 304 p. (In Russ.).
6. Isaenko B.S. Attempt of a Sino-Russian phonetic dictionary. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957. 319 p. (In Russ.).
7. Kasevich V.B. Introduction to linguistics. SPb.: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M.: Publishing Center "Academy", 2011. 240 p. (In Russ.).
8. Kasevich V.B. Semantics. Syntax. Morphology. M.: The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house, 1988. 309 p. (In Russ.).
9. Kisel P.O. On the issue of the 'dummy object' in verb-object separable words liheci in modern Chinese // RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series. No. 2. P. 32–63. doi: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63 (In Russ.).
10. Mamatyuk Yu.D. Verb-nominal complexes in Chinese (on the problem of level differentiation). Ph.D. Thesis. M.: IOS RAS, 1986. 183 p. (In Russ.).
11. Panfilov V.S. Word in Chinese (prototypical approach) // Voprosy Jazykoznanija. 2008. No 2. P. 57–64. (In Russ.).
12. Rukodel'nikova M.B. On the problem of studying lexical complexes in modern Chinese (a subtype of

verbal complexes) // // Actual Problems of Chinese Linguistics: Proceedings of the VII All-Russian Conference on Chinese Linguistics (Moscow, June 28–29, 1994). M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1995. P. 107–109. (In Russ.).

13. Semenas A.L. Lexicology of modern Chinese. M.: Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1992. 279 p. (In Russ.).

14. Solntsev V.M. Words and phrases in their relation to units of language and units of speech (the problem of "indistinguishability of words and phrases") // Controversial issues of Chinese grammar. M., 1963. P. 73–86. (In Russ.).

15. Solntseva N.V. The problem of the fused and separate existence of parts of the word // Soviet Oriental Studies: Problems and Prospects. M.: Nauka, 1988. P. 485–489. (In Russ.).

16. Khamatova A.A. Word formation of modern Chinese. M.: Muravei, 2003. 224 p. (In Russ.).

17. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Beijing: Commercial Press, 2011. 861 p.

18. Jerome L. Packard. The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 335 p.

19. Petrovic M. Word sketches of separable words Liheci in Chinese. URL: <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-4WKV4QM4> (accessed 14.12.2022).

20. A dictionary of the usage of common Chinese separable words / Zhou Shangzhi. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2011. 255 p. (In Chin.).

21. Lu Zhiwei. Word formation of modern Chinese. Beijing: Kexue chubanshe, 1957. 155 p. (In Chin.).

22. Lü Shuxiang. Questions of the Chinese grammar. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1979. 113 p. (In Chin.).

23. Wang Haifeng. The study of separable words liheci over the past 50 years / Wang Haifeng, Yao Min // Yuwen yanjiu. 2010. №3. P. 19–27. (In Chin.).

24. Modern Chinese dictionary (7th edition). Beijing: Shangwu yinshuguan, 2017. (In Chin.).

25. A learner's dictionary of Chinese separable verbs / Wang Haifeng, Xue Jingjing, Wang Jingpu. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2013. 251 p. (In Chin.).

26. Zhou Shangzhi. The study on Chinese Separable Words – the particularity of Chinese morphemes, words and phrases. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2006. 378 p. (In Chin.).

Полина Олеговна КИСЕЛЬ, ассистент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: 14polink@mail.ru
Polina O. KISEL, Assistant, Department of Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: 14polink@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 07.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 15.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Прагматическая адаптация аудиовизуального текста как результат межкультурного взаимодействия (на примере американского ситкома "Young Sheldon" и его перевода на русский язык)

Екатерина Викторовна БОНДАРЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, bondareva.ev@dvfu.ru

Диана Денисовна ПОЖИЛОВА

бакалавр лингвистики, Владивосток, Россия, pozhilova.dd@dvfu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена стратегиям прагматической адаптации, используемым при переводе американского ситкома "Young Sheldon" на русский язык, и выявлению причин их применения при передаче элементов иностранной культуры в языке перевода. Ситуационные комедии часто опираются в своём сюжете и диалогах на культурный опыт аудитории, и перед переводчиками стоит задача адекватной подачи информации, основанной на этом опыте, и сохранения прагматического эффекта, в данном случае юмора. В работе рассмотрены три стратегии прагматической адаптации и их влияние на передачу национальной специфики.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, аудиовизуальный перевод, перевод юмора, межкультурное взаимодействие, стратегии перевода, форенизация, доместикация, нейтрализация

Для цитирования: Бондарева Е.В., Пожилова Д.Д. Прагматическая адаптация аудиовизуального текста как результат межкультурного взаимодействия (на примере американского ситкома "Young Sheldon" и его перевода на русский язык) // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 148–157. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/148-157>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/148-157>

Pragmatic adaptation of the audiovisual text as a result of intercultural interaction (based on the Russian translation of the American sitcom Young Sheldon)

Ekaterina V. BONDAREVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, bondareva.ev@dvfu.ru

Diana D. POZHILOVA

Bachelor of Linguistics, Vladivostok, Russia, pozhilova.dd@dvfu.ru

Abstract. This paper studies pragmatic adaptation strategies involved in translation of the American sitcom Young Sheldon from English into Russian, as well as identifies the reasons for choosing specific strategies in order to render cultural elements of the American culture in the Russian translation. Modern sitcoms rely heavily on cultural background of their target audience and use it as a foundation both for the overall plot and characters' profile, and dialogues development. Therefore, translation of culturally relevant information presents a challenge for those who work on adaptation of the original material to the new audience that might not have the same experience and background. This task becomes even more challenging when dealing with preserving both the cultural component and humor of the show. The analysis of three main strategies, used by Russian translators in rendering such information in Young Sheldon, is presented, and reasons for their implementation, as well as their advantages and drawbacks are justified.

Keywords: pragmatic adaptation, audiovisual translation, translation of humour, intercultural communication, strategies of translation, foreignization, domestication, neutralization

For citation: Bondareva E.V., Pozhilova D.D. Pragmatic adaptation of the audiovisual text as a result of intercultural interaction (based on the Russian translation of the American sitcom Young Sheldon) // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 148–157. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/148-157>

Аудиовизуальный текст и проблемы его передачи на иностранном языке попали в поле зрения исследователей относительно недавно, однако круг вопросов, связанных с аудиовизуальным переводом (АВП), уже достаточно обширен. В первую очередь это связано с особенностями данного вида текста, такими как интерсемиотичность, тональность, информативность кинодиалога, который может быть как полностью независим от визуального ряда и звукового сопровождения,

так и выступать в качестве дополнения к информации, передаваемой невербально [22, с. 231–232]. В данной статье проблема АВП рассматривается на материале ситуационной комедии "Young Sheldon", где связь между лингвистическими и экстралингвистическими компонентами играет особую роль.

Многие работы по специфике АВП уделяют внимание прежде всего техническим аспектам – темпу, методикам компрессии, синхронизации текста и визуального ряда [4; 6; 9; 16]. И если здесь рекомендации и мнения специалистов расходятся редко, то более противоречивым аспектом АВП является подход переводчика к передаче содержания. В этом отношении стоит прежде всего отметить как стратегии перевода, выбираемые специалистами при работе с такими текстами, культурные различия, которые необходимо учитывать при адаптации аудиовизуального произведения для зрителей, так и наличие или отсутствие формальных ограничений для переводчика, например, цензуру или адаптацию под конкретную возрастную аудиторию [3; 7; 11].

Иногда такие сложности и ограничения могут повлиять на содержательные изменения не только текста, но и видеоряда, и даже сюжета. Так, при адаптации мультипликационного фильма "Zootopia" животные-ведущие в сегменте с новостным выпуском менялись в зависимости от страны – лось в США и Канаде, коала в Австралии, панда в Китае, а брокколи как нелюбимый и вызывающий отвращение овощ в американской версии мультфильма "Inside Out" для японской публики был заменен на зелёный перец [21]. А при адаптации фильма "Fight Club" в Китае пошли ещё дальше и изменили концовку из политических соображений: в новой версии власти предотвратили взрыв, планируемый главным героем с расстройством личности для создания нового общества "с чистого листа", и отправили его в психиатрическую больницу для лечения, в то время как в оригинале герой сам смог победить недуг и остановить своё альтер эго [19]. В результате влияния как лингвистических, так и экстралингвистических факторов возникает необходимость так называемой прагматической адаптации перевода, в ходе которой требуется компенсировать культурно-историческую лауну в языке-реципиенте [14, с. 53] и создать максимально близкий и понятный контекст для аудитории перевода [1, с. 53; 13, с. 150–151; 17, с. 143].

Однако перевод юмористических аудиовизуальных текстов представляет дополнительную сложность для адаптации в силу своей национальной специфики. В комедийных жанрах необходимо сохранить не только исходную прагматику, но и учесть культурный компонент – то, что смешно в культуре оригинала, может вызвать непонимание и даже негодование у аудитории, которая будет смотреть переводную версию. Кроме того, передать юмористический эффект с помощью тех же лингвистических явлений, что и в оригинале, часто не представляется возможным в силу различия языковых систем и объема экстралингвистической информации, которая может за ними скрываться. Таким образом, многие исследователи сходятся во мнении, что перевод юмора национально специфичен и требует определённых преобразований, зависящих от конкретного способа создания комического, однако с сохранением прагматического эффекта и с учётом как языкового, так и внеязыкового контекста [2, с. 403–404; 5, с. 68; 8, с. 137; 12, с. 101; 17, с. 143; 18, с. 79–80]. Можно сделать вывод, что при прагматической адаптации нет универсальных моделей для перевода, но есть общая цель – сохранение коммуникативного эффекта.

Ситуационная комедия, или ситком, как отдельный вид юмористического аудиовизуального произведения традиционно был основан на создании комического эффекта за счёт обыгрывания стереотипных моделей поведения и ситуаций с обязательным присутствием преувеличения, игры слов и закадрового смеха, сопровождающего шутку. Современный ситком более вариативен в своём формате, и на смену стандартным шуткам приходит более субъективный юмор, повышается роль иронии и подтекста, в том числе культурного, который необходим для успешности восприятия идеи авторов [20; 23].

Необходимость прагматической адаптации именно в комедийном жанре подтверждается не только работами теоретиков перевода на данную тему. Данные интернет-опроса [15], в котором приняли участие 65 человек (39 переводчиков-профессионалов и 26 студентов-переводчиков), говорят о том, что адаптация в комедийном аудиовизуальном переводе требуется чаще всего (выбрало 32 и 23 человека из каждой группы, что составило 82,1% и 88,5%), по сравнению с другими предложенными для оценки жанрами – мультфильм, реалити-шоу, мюзикл, драма, мелодрама, приключения, фантастика, фэнтези, детектив, боевик, документальный фильм, мистика, ужасы. Важность сохранения культурного компонента была отмечена респондентами как основная причина прагматической адаптации (оценка важности 4,1 и 4,4 по пятибалльной шкале – профессионалы и студенты соответственно), наряду с другими – желание подчеркнуть национальные/речевые особенности персонажа (3,9 и 4,4 соответственно), желание усилить юмористический эффект (3, и 4,1), ограничения по времени (3,4 и 3,7) и цензура (3,3 и 3,7). Также, по мнению переводчиков-профессионалов и студентов-переводчиков, прагматическая адаптация в первую очередь вызвана присутствием реалий и культурных отсылок в тексте оригинала, а также национальными различиями в целом.

Для анализа основных способов прагматической адаптации в переводе ситкома был выбран первый сезон американского телесериала "Детство Шелдона" (*Young Sheldon*), состоящий из 22 серий длительностью примерно по 20 минут каждая. Его действие происходит в вымышленном городе Медфорд, штат Техас, в конце 1980 – начале 1990 годов. Большую роль в сюжете и образах главных героев играет тот факт, что они проживают именно в этом штате и очень этим гордятся, и это проявляется в диалогах, упоминании специфических реалий и юморе в целом. Также для понимания истории и героев важна их связь с элементами американской массовой культуры в целом – популярными в то время фильмами, музыкой, видеоиграми и т.д. Поскольку сериал является ответвлением другой ситуационной комедии, "Теория Большого взрыва", которая является одним из самых популярных телешоу США [24], возникает необходимость ещё и сохранить преемственность и характеристику исходных героев, в частности, в их речи и её стилистике. Анализу был подвергнут перевод студии озвучивания "Кураж-Бамбей", которая занималась и "Теорией Большого взрыва". Несмотря на востребованность перевода ситкомов данной студии, его часто критикуют за излишнюю вольность в адаптации, русификацию и изменение исходной стилистики. Однако Денис Колесников, основатель студии и человек, который осуществляет озвучивание, говорит об оправданности такого подхода потребностями рядового зрителя: "Бывает, есть возможность максимально точно адаптировать название и продукт, иногда, как в случае с "сырниками", это не более чем шутовское дурачество, которое было в первые месяцы моих озвучек. Кроме того, "Сырники от тети Глаши" хотя бы были понятны моей маме, не то что там "*Чизкейк Фэктори*". Не в обиду этому заведению" [10] (орфография и пунктуация автора цитаты сохранены). Поскольку подход к адаптации подвержен влиянию множества факторов (наличие лагуны, целевая аудитория, характеристики героя и т.д.), и в каждом конкретном случае следует выбирать более подходящее решение, было необходимо установить, какие стратегии доминируют в переводе выбранного для анализа материала и чем это может быть мотивировано. Разбору подвергались исключительно отрывки, требующие фоновых знаний о языке и культуре США для их корректного понимания. Единицей анализа было принято считать отрывок диалога (реплика героя или реплика и ответ на неё), в которых встречались реалии, фразеологизмы и основанные на них стилистические приёмы, а также аллюзии на элементы американской культуры.

В результате в рассмотренном материале было выделено три основные стратегии, касающиеся перевода национально-специфичного юмора в ситкоме: форенизация или сохранение компонентов иностранной культуры (33 примера – 38%), доместикация или замена иностранных культурных элементов на аналоги в куль-

туре переводного языка (10 примеров – 11%) и нейтрализация, т.е. устранение отсылки к какой-либо культуре и передача смысла вне культурного контекста (45 примеров – 51%).

Как видно из процентного соотношения, нейтрализация культурного компонента в переводе доминирует и реализуется через генерализацию, например, при замене названия марки товара на тип продукта, к которому он относится (Purell – санитайзер, Formica – ламинат, Lone Star Beer company – производитель пива) или реалий культуры, требующих объёмного объяснительного перевода (4-H camp – летний лагерь, deli – магазин). Невозможность перевода аналогом в первом случае вызвано как наличием в русском языке лакуны для номинации той или иной реалии американского быта, так и отсылкой к ней в диалоге без демонстрации данного объекта на экране, что при буквальном переводе вызовет непонимание реципиента, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями. Объяснительный перевод также далеко не всегда можно использовать, т.к. в этом случае не получится уложиться в хронометраж фразы. В исследованном материале такие реалии часто имели кулинарную тематику:

Sounds like something you eat at **Benihana's**. – Похоже на название блюда в **японском ресторане**.

В данном случае реалия – название сети ресторанов – нейтрализована за счёт генерализации, при этом потери прагматического эффекта не происходит, т.к. конкретное заведение не важно, а важна его специализация (т.е. японская кухня), что в переводе успешно передано. На экране данная реалия не появляется, поскольку является частью стилистического сравнения, а не элементом видеоряда, соответственно, генерализация позволяет сохранить юмористический эффект и не идёт вразрез с тем, что видит зритель.

Хотя далеко не со всеми кулинарными реалиями нейтрализация оправдала себя:

– You kidding me? Right now, they would be nagging you about cleaning your room and doing your homework. Instead, you're sitting in a parking lot, eating a **Blizzard** for dinner.

– With **cookie dough** in it.

Здесь героиня иронизирует над тем, что её внукам не стоит жаловаться на судьбу, т.к. вместо домашних обязанностей они наслаждаются известным в Америке десертом из сети кафе Dairy Queen, состоящим из мягкого мороженого с добавками в виде кусочков шоколада и теста для печенья. Однако в переводе реалия трансформируется как качественно, так и количественно:

– Да ты что, шутишь? Сейчас бы они твердили про уборку в комнате, домашнюю работу. А вместо этого вы сидите на парковке, едите **мороженое** на ужин.

– С **печеньками**.

Из контекста и видеоряда, где толком не видно, что дети едят, зрителю может быть непонятно, при чем здесь печенье, является ли оно компонентом мороженого, или это дополнение к десерту. Поскольку аналогичной реалии – мороженого с кусочками теста для печенья – в русской культуре нет, возможно было перевести данный отрывок как "со вкусом печенья", чтобы избежать двусмысленности, особенно учитывая, что хронометраж фразы в этом случае не был бы нарушен.

В нижеследующем примере также можно говорить о нейтрализации оригинального культурного компонента в результате буквального перевода кулинарных реалий, однако в этом случае такая нейтрализация привела к искажению фактической информации:

– What are you eating? – **An English muffin with ketchup and spray cheese**.

– А у тебя что на ужин? – **Английские маффины** с кетчупом и **жидким сыром**.

В ответе героя на вопрос о том, что он ест, содержится упоминание о двух предметах, отсутствующих в российской культуре. "English muffin" – американское название круглой и немного приплюснутой дрожжевой булочки, часто используемой как основа для бутерброда с джемом, маслом или паштетом. Причём "English" добавляется, чтобы подчеркнуть отличие блюда от "muffin" – небольшого без-

дрожевого кекса, часто сладкого и имеющего более пышную форму. В русский язык слово "маффин" попало именно в этом значении, соответственно, его выбор в качестве переводного аналога может дезориентировать зрителя. "Spray cheese" – американский продукт, представляющий собой мягкий плавленый сыр, который выдавливают из баллона на печенье, тосты и прочие блюда. Вариант перевода "жидкий сыр", который скорее будет ассоциироваться с фондю, искажает констатацию исходного продукта и не соответствует изображению на экране. Более того, такому рациону малолетнего героя, который по сюжету решил доказать свою самостоятельность и готовность к взрослой жизни, завидует его старший брат. Если опираться на перевод, то будет не ясно, как сладкий кекс, который окунули сначала в кетчуп, а потом в сырную массу, может быть вкусным и являться объектом зависти.

Еще одна реалия американской кухни "surf and turf" – довольно изысканный вид основного блюда, сочетающего в себе морепродукты и мясо – была потеряна в результате перевода:

Red Lobster, where **the surf meets the turf**. – "Красный Лобстер", **место столкновения стихий**.

Начало фразы также содержит реалию – название известной сети ресторанов, где подают указанное блюдо. Российскому зрителю, в культурном опыте которого нет такой информации, будет просто непонятна фраза про столкновение стихий, так как, несмотря на концептуальную верность перевода (сочетание этих продуктов метафорически можно назвать столкновением стихий) без экстралингвистической информации существенная часть смысла теряется.

Безусловно, одним из наиболее ярких компонентов лингвокультуры любой нации являются фразеологические единицы. Успешность их адаптации часто может зависеть от наличия словарного эквивалента в языке перевода (например, double-edged sword – палка о двух концах). В аудиовизуальном контексте сложность передачи таких единиц главным образом будет касаться учёта переводчиком длительности исходной и переводной фраз. Основными стратегиями передачи данного явления в сериале были доместикация (при наличии аналога в принимающем языке, как в примере выше) и нейтрализация – при отсутствии такого эквивалента. При использовании последней стратегии сохранения прагматического эффекта удавалось достичь за счет модуляции с наличием общей семы "зрение" в английском и русском выражениях (eyes – внешне), при этом длительность не меняется (7 слогов соответственно):

I was pretty easy on the eyes back then – ... **внешне я был огого**.

В ряде случаев идиоматичность была потеряна, особенно если идиомы имели разговорный характер. В этой ситуации используется нейтрализация через объяснительный перевод, не удлиняющий хронометраж фразы:

The doctors are doin' some tests, but, **dollars to donuts**, your daddy's just got a bad case of gas. – Доктора делают анализы. Но **готова поспорить**, что у вашего отца просто приступ газов.

Shotgun! ... I called shotgun. – Я на переднем. ... Но я же **забил место**.

Также стоит отметить примеры, в которых идиомы имели специфический тематический контекст употребления:

And then, they threw a **Hail Mary**, and the receiver stepped out of bounds, but the ref didn't see it. – Затем они сделали **решающий пасс**, принимающий вышел за линию, но судья этого не заметил.

Выделенная идиома используется в американском футболе для обозначения передачи мяча в отчаянной попытке заработать хоть какие-то очки в самом конце игры. Само выражение "Hail Mary" является отсылкой к одноименной молитве, в которой человек просит помощи у Святой Марии, когда уже ничего не может спасти его. В переводе эта фоновая информация исчезает, оставляя лишь название футбольного маневра, поскольку в случае буквального перевода значение не будет ясно – герой описывает ситуацию из прошлого, и на экране нет дополнительной визуальной подсказки, которая помогла бы успешно декодировать данную

реалию. Соответственно, такую нейтрализацию можно считать более чем оправданной, так как она передает смысл в ситуации отсутствия опоры на видеоряд.

Форенизации часто подвергались элементы, которые представляли названия произведений американской популярной культуры (сериалов, кино, комиксов). Они, как правило, калькировались или транскрибировались, например, имена героев комиксов – Циклопа, Джин Грей, Доктора Осьминога, Доктора Дум, Лекса Лютора, Зелёного Гоблина. В данном случае это может быть вполне оправданной техникой, поскольку многие из этих названий знакомы и русской публике, ведь комиксы давно стали успешны далеко за пределами Америки, а некоторые сериалы того времени транслировались в России в переводе в 1990-х ("Альф", "Утиные истории"). Однако, учитывая не только разницу культур, но и поколений, можно предположить, что не вся современная российская аудитория поймет о чём идёт речь, ведь в их культурном опыте могут отсутствовать данные реалии. Иногда в рамках форенизации переводчики использовали метонимический перевод, чтобы зрителю была лучше понятна культурная отсылка, например, заменяли имена героев на название сериала с их участием:

Fred and Wilma are still happily married. – **Флинстоуны** вон все равно счастливы.

Поскольку в этом примере упоминание мультсемейства служит как своеобразное сравнение с героями сериала и оценки их взаимоотношений, такой вариант адаптации помогает сохранить исходный функционал лучше, чем если бы перевод был буквальным. Однако ранее отмеченная вероятность того, что младшее поколение российских зрителей не знает, кто такие Флинстоуны, здесь также присутствует. Поэтому, возможно, выбор данной стратегии переводчиком оправдан не только опорой на оригинал, но и на собственный культурный опыт.

Еще один пример использования форенизации в переводе фразы с отсылкой к произведению американской поп-культуры можно считать менее успешным в плане его адаптации под аудиторию:

And if you'd done some of that, you wouldn't be saddled with **Bluto** in there. И если бы ты её придерживалась, тебе бы на шею не сел этот твой **Блутто**.

Использованная в реплике героя антономазия основана на знании зрителя о том, кто такой Блутто – антагонист главного героя популярной серии мультфильмов и комиксов о моряке Попае. В данном случае это имя используется бабушкой Шелдона для характеристики его отца – высокого и крупного мужчины. Зритель знает, что она его недолюбливает, и такой лингвистический приём привносит иронию в её высказывание, по сути, являясь выражением этой неприязни. Российскому зрителю такая отсылка вряд ли будет понятна, но общий насмешливый тон героини и контекст всего диалога позволяет сохранить иронию, хоть и с потерей культурного компонента из-за выбранной переводчиком стратегии.

Кроме того, при переводе реалий популярной культуры могла использоваться комбинация калькирования (название фильма) и транскрипции (клички героев), при которой прагматический эффект практически был утрачен:

– What are y'all watching?	– Что смотрите?
– Little Rascals .	– " Мелкого негодяя ".
– You know most of those kids are dead, right?	– Вы в курсе, что эти детишки уже мертвы?
– What?	– Что?
– Alfalfa, Stymie, Buckwheat .	– Альфальфа, Стайми, Баквит .

В данном примере можно наблюдать сразу несколько моментов потери прагматического эффекта. Во-первых, этот фильм – довольно популярная в 1990-х семейная комедия, и в российском прокате он назывался "Маленькие негодяи", соответственно, зритель может не понять, о каком фильме идёт речь. Во-вторых, утрачен эффект "говорящих имён", который присутствовал в оригинальном переводе, где герои были названы Клевер, Шлёпа, Гречиха.

В случае перевода названий спортивных команд (Aggies, Texas A&M, Cowboys-Packers, Oilers) форенизация с применением транскрипции также доминировала, однако о потере смысла здесь говорить не приходится, так как в контексте всегда было понятно, о чём идёт речь, и фоновая информация для восприятия не требовалась:

When the **Aggies** give up the ball on their own five-yard line, the opposing team has a 92% chance of scoring. – Если **Эггис** отдадут мяч на свои пятиярдовые линии, противник занесёт его с вероятностью 92%.

Вопреки заявлениям о русификации перевода студией "Кураж-Бамбей", доместикация в рассмотренном материале составила минимальный процент от общего числа (всего 10 случаев из 88). Она представляется вполне оправданной, когда в тексте есть элементы, требующие наличия определённого культурного опыта для их правильного восприятия. Так, в отрывке ниже говорящий упоминает пудинг, которую многие дети не любят:

When I was Sheldon's age, I was afraid of that **weird skin – on top of puddin'**.

В данном случае переводчики прибегли к доместикации через дифференциацию, подобрав эквивалент, который вызовет у зрителя аналогичные неприятные воспоминания из детства:

Когда я был в возрасте Шелдона, я ненавидел **молочную пенку**.

Как и форенизация, доместикация использовалась при переводе некоторых отсылок к популярной культуре Америки, хотя и гораздо реже. В данном примере такая стратегия используется для компенсации возможного отсутствия у зрителя экстралингвистической информации, необходимой для понятия иронии героя:

Mind if I take a crack at catching the **Road Runner**? – Можно я попробую поймать нашего **скорохода**?

В исходном тексте бабушка Шелдона так в шутку называет его самого в эпизоде, где он убегает от мамы, а она никак не может его поймать. Здесь можно увидеть сравнение с героями известного мультфильма про Койота и птицу Бегуна. Поскольку российский зритель может не уловить эту связь, переводчики заменили "Road Runner" на слово "скороход", которое в старину обозначало гонца, а теперь – любого быстро передвигающегося человека, часто в ироничном ключе.

О доместикации также можно говорить в случае перевода фразеологических единиц путём подбора идиоматичного эквивалента в русском языке, например, "peas in a pod" – "два сапога пара". Эта стратегия применялась и в случае внесения авторами изменений в устойчивую единицу для достижения комического эффекта и передачи особенностей речи говорящего, в данном случае бабушки Шелдона:

Just when you think **he's gonna zig, you get a big old zag**. – **He понос так золотуха**, да?

В этом примере можно отметить изменение структуры исходного фразеологизма – zig when (one) should zag, что означает непредсказуемое поведение, нетипичное для большинства или странное для сложившейся ситуации. Такая модификация позволяет придать фразе более неформальный характер, поскольку бабушка Шелдона остра на язык и может выражаться довольно грубо, а также усилить оценку героя (Шелдона) и привнести ироничность. В русском переводе был подобран аналог, который соответствует по стилистике, что сохраняет исходную прагматическую функцию.

Ситуация усложняется, когда фразеологическая единица подвергается изменению в тексте и развёртывается в авторскую метафору:

My father took pride in saying that he **ran our house like a tight ship. The ship got a lot looser** when my meemaw came over to babysit. – Отец с гордостью говорил, что всегда **держал нас в ежовых рукавицах. Но рукавицы становились намного мягче**, когда с нами сидела бабуленька.

В данном случае фразеологизм, основанный на образе корабля, был адаптирован при помощи реметафоризации и использования аналогичного по смыслу, но уже исконно русского выражения с другим образом. Кроме того, переводчикам

удалось развить этот новый образ так, что прагматика оригинала была передана в полной мере.

Подводя итог, стоит в первую очередь сказать, что важность адаптации лингвокультурных элементов в аудиовизуальном материале отмечается как теоретиками, так и практиками. При работе с лингвокультурными единицами необходимо, во-первых, понимать их значение в рамках того контекста, где они используются, и, во-вторых, оценить их прагматическую функцию в аудиовизуальном материале, их взаимоотношения с происходящим на экране, сюжетом в целом, а также то, какая фоновая информация должна присутствовать в лингвокультурном опыте зрителя, чтобы он смог адекватно воспринять перевод. Особенно важно это в тех случаях, когда подобные единицы никак не отражены в видеоряде, то есть зритель должен уметь интерпретировать их значение, опираясь только на свои знания о данной культуре. И, наконец, в любом аудиовизуальном переводе требуется учитывать хронометраж фразы оригинала и не превышать его при создании эквивалента, что добавляет сложности в работу, ведь многие реалии полноценно можно передать только через объяснительный перевод, который зачастую удлинняет высказывание. Исходя из всех этих факторов, переводчик и должен принимать решение о выборе той или иной стратегии при адаптации материала для аудитории с иным культурным опытом.

Было отмечено, что форенизация посредством калькирования или транскрипции оправдана в переводе таких культурно-связанных элементов как имена собственные, номинирующие феномены массовой медиаккультуры (такие как фильмы и сериалы), спортивные команды и некоторые бытовые наименования, хотя иногда это вызывает потерю игры слов и юмористического эффекта. Нейтрализация была необходима при передаче реалий бытового характера, которые не имеют аналогов в культуре языка перевода, а также ряда идиом, причём в большинстве случаев прагматический эффект удавалось сохранить. Доместикация успешно позволяла компенсировать разницу в культурном опыте за счёт замены образного компонента или реалии одной нации на реалию другой, однако возможности её использования ограничены, что подтверждается незначительным количеством случаев использования этой стратегии. Доминирование нейтрализации в переводе культурно-обусловленных единиц говорит о том, что в практической деятельности переводчика во главу угла всё же ставится не сохранение национальной специфики аудиовизуального текста, а адаптация его под любую аудиторию, независимо от её фоновых знаний о культуре переводимого сериала. Кроме того, многие реалии могут требовать объяснительного перевода, который не всегда подходит для аудиовизуального текста, ограниченного такими формальными факторами, как хронометраж фразы и необходимость совпадения артикуляции при дубляже..

Литература

1. Бубнова И. А. Прагматическая адаптация при переводе как способ преодоления лингвокультурного барьера / И.А. Бубнова, А.А. Сардарова // Вестник ЮУрГУ. Серия "Лингвистика". 2014. том 11, №4. С. 53–57.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
3. Зеленцова М. Г. Аудиовизуальный перевод: основные подходы и его специфика / М. Г. Зеленцова, А. В. Кашанская // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2021. С. 94–100.
4. Зеленцова М. Г. Аудиовизуальный перевод: фансаб или субтитры? / М. Г. Зеленцова, М. С. Васильев // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы VI международной научно-практической конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2022 г. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2022. С. 112–117.
5. Исмаилова Т. А. Особенности перевода юмора на примере мультипликационного фильма "Зверополис" // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2018. №16. С.67–69.
6. Карпенко В. Л. Аудиовизуальный перевод как особый вид перевода / В. Л. Карпенко, С. О. Стоянова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: Материалы V Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 18–19 ноября

2020 г. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. – С. 211–214.

7. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф.: в 4 т. Т. I. СПб., 2013. С. 374–381.

8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

9. Кузьмичев С. А. Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 642. С. 140–149.

10. Кураж-Бамбей, сайт. URL: <https://kuraj-bambey.ru/articles/view/id/32> (дата обращения: 10.07.2022).

11. Маленова Е. Д. Аудиовизуальный перевод в СССР и России: краткая историческая ретроспектива // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. № 55. С. 61–83.

12. Молчанова Л. В. Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №4 (57). С. 101–104.

13. Новицкая О. В. Прагматическая адаптация в художественном переводе: цели, задачи, методы // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (789). С. 146–161.

14. Новичков А. А. Культурно-историческая адаптация: профессиональный и любительский переводы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 52–55.

15. Прагматическая адаптация аудиовизуального текста: Интернет-опрос. URL: <https://docs.google.com/forms/d/1qos4lw6HQ5KVAjO0cnfU4oJp9eXOoTc6hujpBP384yM/edit?usp=sharing> (дата обращения: 28.06.2022).

16. Уразова Л. А. Аудиовизуальный перевод: сравнение субтитрования и дубляжа / Л. А. Уразова, А. Ю. Ивлева // Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 14 января 2022 г. Стерлитамак: ООО "Агентство международных исследований". 2022. С. 193–199.

17. Федорова И. К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. №43 (181), Вып. 39. С. 142–149.

18. Хухрянская В. Е. Английский юмор в аудиовизуальном произведении и средства его передачи при переводе на русский язык (на материале ситкома "Чёрная гадюка") / В. Е. Хухрянская, Е. Д. Маленова // Дайджест–2020: сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 77–85.

19. BBC, сайт. China changes Fight Club film ending so the authorities win URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-60138866> (дата обращения: 10.07.2022).

20. Bonaut-Iriarte J. Los nuevos horizontes de la comedia televisiva en el siglo XXI / J. Bonaut-Iriarte, M. M. Grandío-Pérez // Revista Latina de Comunicación Social/ 2009. №64. P. 753–765.

21. Business Insider, сайт. Disney changed a minor character in 'Zootopia' for foreign audiences. URL: <https://www.businessinsider.com/zootopia-for-foreign-audiences-2016-4> (дата обращения: 10.07.2022).

22. Gorshkova V. E. Film Translation: to Be or Not to Be // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7. No 2. P. 230–237.

23. Larrea-Espinar Á. Sitcom as a tool for cultural learning in the EFL Classroom / Á. Larrea-Espinar, A. Raigón-Rodríguez // Pixel-BIT Revista de Medios y Educación. 2019. № 56. P. 33–50.

24. Statista, сайт. Average number of the Big Bang Theory viewers in the United States as of May 2019, by season. URL: <https://www.statista.com/statistics/607266/big-bang-theory-viewers-season/> (дата обращения: 10.07.2022).

References

1. Bubnova I.A. Pragmatic adaptation in translation as a way of overcoming a linguocultural barrier / I.A. Bubnova, A.A. Sardarova // SUSU Bulletin. Series «Linguistics». 2014. Vol. 11, № 4. P. 53–57. (In Russ.).

2. Garbovskiy N. K. Theory of translation. M.: MSU Publishing House, 2004. 544 p. (In Russ.).

3. Zelentsova M. G. Audiovisual translation: main approaches and peculiarities / M. G. Zelentsova, A. V. Kashanskaya // Translation discourse: interdisciplinary approach: Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Simferopol, 29–30 April 2021. Simferopol: "Publishing House "Arial" Ltd., 2021. P. 94–100. (In Russ.).

4. Zelentsova M. G. Audiovisual translation: fansub or subtitles? / M. G. Zelentsova, M. S. Vasilyev // Translation discourse: interdisciplinary approach: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Simferopol, 28–29 April 2021. Simferopol: "Publishing House "Arial" Ltd., 2022. P. 112–117. (In Russ.).

5. Ismailova T. A. Humour translation peculiarities in the Zootopia cartoon, // VolSU Bulletin. Series 9: Young researchers' studies. 2018. №16. P. 67–69. (In Russ.).

6. Karpenko V. L. Audiovisual translation as a special translation method / V. L. Karpenko, S. O. Stoyanova

// Literature and journalism of Asian-Pacific Rim countries in intercultural communication of the XX–XXI centuries: Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, 18–19 November 2020. Khabarovsk: Pacific State University, 2021. P. 211–214. (In Russ.).

7. Kozulyaev A. V. Audiovisual polysemantic translation as a special form of translation job // XVII Tzarskoselskie readings: Materials of the International Scientific Conference: Issue. 4. V. T. I. SPb., 2013. P. 374–381. (In Russ.).

8. Komissarov V. N. Modern translation science. Textbook, M.: ETS, 2002. 424 p. (In Russ.).

9. Kuzmichev S. A. Movie translations as a specific type of translation // Moscow State Linguistic University Bulletin. 2012. № 642. P. 140–149. (In Russ.).

10. Kuraj-Bambey, website. URL: <https://kuraj-bambey.ru/articles/view/id/32> (accessed: 10.07.2022). (In Russ.).

11. Malenova E. D. Audiovisual translation in the USSR and Russia: brief retrospect // Bulletin of the Linguistics University of Nizhny Novgorod. 2021. № 55. P. 61–83. (In Russ.).

12. Molchanova L.V. Humour and Translation: on adaptation of humouristic text to a foreign culture // Cherepovets State University Bulletin. 2014. №4 (57). P. 101–104. (In Russ.).

13. Novitskaya O. V. Pragmatic adaptation in literary translation: objectives, goals, methods // MSLU Bulletin. Humanities. 2018. Issue. 1 (789). P. 146–161. (In Russ.).

14. Novichkov A. A. Cultural and historical adaptation: professional and amateur translation // Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2010. № 1. P. 52–55. (In Russ.).

15. Pragmatic adaptation of audiovisual text: Internet poll. URL: <https://docs.google.com/forms/d/1qos4lw6H Q5KVajO0cnfU4oJp9eXOoTc6hujpBP384yM/edit?usp=sharing> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.).

16. Urazova L. A. Audiovisual translation: comparison of subtitling and dubbing / L. A. Urazova, A. Yu. Ivleva // Fundamental and applied research in science and education: articles collection from the International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, 14 January 2022. Sterlitamak: "International Studies Agency" Ltd. 2022. P. 193–199. (In Russ.).

17. Fyodorova I. K. Cinema text translation in the light of cultural transference paradigm: the issue of translation adaptation // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies. 2009. №43 (181), Issue. 39. P. 142–149. (In Russ.).

18. Khukhryanskaya V. E. English humour in audiovisual translation studies and means of its rendering into Russian (based on Blackadder sitcom) / V. E. Khukhryanskaya, E. D. Malenova // Digest–2020: Article collection (based on the materials of graduation papers of the foreign languages department) Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoyevskiy, 2021. P. 77–85. (In Russ.).

19. BBC, website China changes Fight Club film ending so the authorities win URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-60138866> (accessed: 10.07.2022).

20. Bonaut-Iriarte J. Los nuevos horizontes de la comedia televisiva en el siglo XXI / J. Bonaut-Iriarte, M. M. Grandío-Pérez // Revista Latina de Comunicación Social. 2009. № 64. P. 753–765.

21. Business Insider, website. Disney changed a minor character in 'Zootopia' for foreign audiences. URL: <https://www.businessinsider.com/zootopia-for-foreign-audiences-2016-4> (accessed: 10.07.2022).

22. Gorshkova V. E. Film Translation: to Be or Not to Be // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7. No 2. P. 230–237.

23. Larrea-Espinar, Á. Sitcom as a tool for cultural learning in the EFL Classroom / Á. Larrea-Espinar, A. Raigón-Rodríguez // Pixel-BIT Revista de Medios y Educación. 2019. №56. P. 33–50.

24. Statista, website. Average number of the Big Bang Theory viewers in the United States as of May 2019, by season. URL: <https://www.statista.com/statistics/607266/big-bang-theory-viewers-season/> (accessed: 10.07.2022).

Екатерина Викторовна БОНДАРЕВА, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: bondareva.ev@dvfu.ru

Диана Денисовна ПОЖИЛОВА, бакалавр лингвистики, г. Владивосток, Россия, e-mail: pozhilova.dd@dvfu.ru

Ekaterina V. BONDAREVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: bondareva.ev@dvfu.ru

Diana D. POZHILOVA, Bachelor of Linguistics, Vladivostok, Russia, e-mail: pozhilova.dd@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 09.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Эволюция концепции безопасности Китая и её практика в Северо-Восточной Азии

Сочжу ХУАН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, Li0451-0451@yandex.ru

Аннотация. Концепция дипломатической безопасности Китая – от пяти принципов мирного сосуществования до всеобъемлющей концепции национальной безопасности – с течением времени эволюционировала и развивалась. Она претерпевала соответствующие изменения по мере постоянного укрепления общей мощи Китая и изменение структуры его отношений со странами Северо-Восточной Азии. В силу исторических и реальных причин проблемы безопасности в СВА по-прежнему доминируют среди традиционных проблем региона. Реализация общей концепции безопасности в Азии сталкивается с множеством препятствий, а существующие механизмы укрепления международных отношений оказываются неспособными решить существующие проблемы. В этой статье рассматриваются изменения в подходах Китая к пониманию проблемы безопасности и ее обеспечению в СВА с обсуждением теоретических преимуществ и препятствий на пути реализации перспектив общей концепции безопасности в Азии.

Ключевые слова: изменения концепции безопасности, пять принципов мирного сосуществования, Северо-Восточная Азия, концепция безопасности в Азии, теоретические дилеммы, факторы влияния

Для цитирования: Хуан Сочжу. Эволюция концепции безопасности Китая и её практика в Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 158–168. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Evolution of China's Security Concept and its practice in Northeast Asia

Suo Zhu HUANG

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Li0451-0451@yandex.ru

Abstract. From the five principles of peaceful coexistence we see comprehensive concept of national security. China's concept of diplomatic security has been constantly evolving. With the constant strengthening of China's overall power and its structure of relations become with the countries of Northeast Asia has also undergone corresponding changes. Under the influence of historical and real factors, the security risks in the NEA are caused by traditional security threats. The implementation of the general concept of security in Asia faces many obstacles, and the existing mechanisms for strengthening international relations are unable to solve the existing problems. This article examines the changes in China's approaches to understanding the security problem and ensuring it in the NEA, with a discussion of the theoretical advantages and obstacles to the implementation of the prospects for a common security concept in Asia.

Keywords: changes in the security concept, five principles of peaceful coexistence, Northeast Asia, the concept of security in Asia, theoretical dilemmas, influencing factors

For citation: Huang Suozhu. Evolution of China's Security Concept and its practice in Northeast Asia // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 158–168. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/158-168>

Концепция безопасности напрямую связана с национальными интересами страны, интегрируя ключевые переменные механизма обеспечения ее безопасности. Обычно считается, что концепция безопасности связана с субъективной интерпретацией людьми проблем безопасности. Она отражает общее понимание того, что такое безопасность, кто является объектами и субъектами безопасности, что выступает источником угроз и средствами ее достижения. Концепция безопасности определяет категорию интересов страны, связанных с безопасностью, и отражает основные принципы и методы, на которые она опирается в процессе реализации своих интересов безопасности. С момента создания Нового Китая китайское правительство начало определять основные параметры внешней полити-

ки и формировать ключевые принципы независимости, защиты национального суверенитета и территориальной целостности, а также обеспечения мира. Исходя из понимания и меняющихся представлений интересов национальной безопасности, процесс эволюции концепции безопасности Китая с 1949 года по настоящее время может быть разделен на пять основных этапов [17]. Первый этап включает в себя период 1949–1969 годы. Второй этап соотносится с 1969–1982 годами. Третий этап включает 1982–1996 годы. Четвертый этап относится к 1996–2014 годам. Началом пятого этапа, который продолжается по настоящее время, стал 2014 год.

Первый этап охватывает период от создания Нового Китая в 1949 году до пограничного конфликта на острове Даманский в 1969 году. Международная ситуация осложнилась практически сразу с образованием Нового Китая. В 1950 году США направляют войска в Северную Корею и последовательно подписывают двусторонние военные договоры с региональными соседями Китая, создавая угрозу его военного окружения. С целью организации экономического давления был создан Координационный комитет для торговой политики Восток-Запад (далее – КОКОМ), решением которого вводились экономические санкции против Нового Китая. В качестве средства политического принуждения США изо всех сил старалась не допустить вступления Китая в ООН. Все это напрямую угрожало безопасности Нового Китая. В этом контексте председатель Мао Цзэдун принял дипломатическую стратегию "склонения в одну сторону" и сотрудничество с Советским Союзом, а также другими социалистическими странами для поддержания национальной безопасности Нового Китая [3].

После окончания Корейской войны в 1953 году международная ситуация перешла от конфронтации к разрядке. Китайские лидеры начали рассматривать возможность налаживания отношений со странами разных систем. Новый Китай, как и многие развивающиеся независимые страны Азии и Африки, остро нуждался в долгосрочной стабильной международной мирной обстановке для экономического развития. Именно в этом международном контексте в 1956 году на Женевской конференции Китай предложил Пять принципов мирного сосуществования. Одновременно концепция безопасности Китая начала постепенно меняться вместе с отказом от принципа придерживаться исключительно одной стороны. В качестве основного направления выступало обеспечение гарантий независимости и активное реагирование на политические и военные угрозы со стороны США.

Начало второму этапу, продлившемуся до созыва в 1982 году 12-го съезда Коммунистической партии Китая, было положено пограничным конфликтом на острове Даманский в 1969 году. В конце 1960-х и начале 1970-х гг. Китай предложил дипломатическую стратегию "одной линии, одного массива". Стратегия "Одна линия" подразумевает собой формирование международного единого фронта для сдерживания советского экспансионизма Китаем и другими дружественными странами. Стратегия "Один массив" подразумевает собой расширение стратегии "Одна линия". В частности, это относится к тесной солидарности Китая с азиатскими и африканскими странами для совместного противостояния угрозе со стороны советской гегемонии. Наиболее прямым результатом дипломатической стратегии "Одна линия" стало то, что Китай улучшил свои отношения с США, Западной Европой и Японией [2]. Что касается региона СВА, то в рамках дипломатической стратегии "одной линии, одного массива" к сфере "одного массива" была отнесена Япония. Китай начинает активно налаживать неправительственные экономические и культурные обмены с Японией, установив с ней в сентябре 1972 года официальные дипломатические отношения, демонстрируя стремление к построению мирной окружающей международной обстановки [21]. В том же году президент США Р. Никсон посетил Китай, и США полностью признали законное положение Китая.

Политическая угроза со стороны США ослабла, и они превратились из самого опасного врага в партнера, готового оказывать помощь. После того, как Китай получил международное политическое признание, политическая безопасность перестала быть самой насущной проблемой безопасности Китая. Пограничный конфликт на острове Даманский привел к значительному ухудшению китайско-

советских отношениях. Военная угроза со стороны Советского Союза стала самой важной проблемой национальной безопасности Китая. В этот период Китай в рамках своей концепции безопасности следовал основным принципам мирного сосуществования и независимости, преодолевая препятствия социальной системы и сотрудничая с США в области стратегической безопасности для противодействия военной угрозе Советского Союза.

Третий этап продолжался с 12-го съезда КПК в 1982 году до формирования новой Концепции безопасности Китая в 1996 году. В 1982 году 12-й съезд КПК провозгласил независимую внешнюю политику, в рамках которой страна не будет связана ни с одной державой. В соответствии со стратегией реформы и открытости, Китай начал смещать свое внимание на экономическое развитие. В середине и конце 1980-х годов Китай ясно дал понять, что военная безопасность больше не является самой насущной проблемой, определив мир и развитие в качестве основных тем современного мира.

На практике Китай приступил к развитию добрососедских, дружественных отношений и отношений сотрудничества с 15 соседними странами, что создало благоприятные международные условия для реформ и открытости, а также экономического развития Китая. Руководствуясь принципом защиты основных интересов страны, надлежащим образом Китай урегулировал китайско-советские отношения, китайско-американские отношения и китайско-японские отношения, прилагая усилия для поддержания мира и стабильности в СВА. Одной из наиболее важных корректировок дипломатической стратегии Китая в 1990-х годах стало установление дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей, позволившее Китаю получать экономические и торговые выгоды от Южной Кореи и политические и военные выгоды от Северной Кореи [13]. В этот период на первое место для Китая выходит экономическая безопасность. Он по-прежнему придерживается политики независимости и противостояния гегемонии. Двусторонний и многосторонний диалоги по проблемам безопасности и сотрудничество с другими странами мира становятся важным средством обеспечения его национальной безопасности.

В рамках четвертого этапа – с 1996 по 2014 год – происходит формирование и всестороннее развитие Новой концепции безопасности. В 2001 году на Конференции, посвященной 80-летию основания КПК, Президент Китая Цзян Цзэминь всесторонне изложил новое видение безопасности, полагая, что международное сообщество должно установить Новую концепцию безопасности, в основе которой лежат взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество. В качестве одной из основных ее целей было определено стремление к созданию долгосрочной стабильной, безопасной и надежной международной мирной обстановки [20]. Новая концепция безопасности выступала за всеобъемлющую безопасность, подчеркивала безопасность на основе сотрудничества, общую безопасность и отказ от стремления к абсолютной безопасности страны. Путь к достижению безопасности – это взаимное доверие, сотрудничество и диалог.

В начале XXI века, в период осложнения обстановки в СВА, Новая концепция безопасности Китая переживает дальнейшую эволюцию. В 2002 году Северная Корея объявила о разработке программы создания ядерного оружия, что спровоцировало северокорейский ядерный кризис. После начала кризиса Китай содействовал шестисторонним переговорам, благодаря которым был сделан исторический шаг к решению северокорейской ядерной проблемы. В 2003 году в контексте Новой концепции безопасности Китай предложил периферийную стратегию "добрососедства, безопасного и богатого соседства". В рамках данной концепции подчеркивался путь укрепления диалога, взаимного доверия и мирных переговоров вместо того, чтобы создать мирную и стабильную благоприятную региональную среду для регионального развития с конечной целью достижения общей региональной безопасности. Западные ученые считают, что развитие китайской дипломатии в новом веке означает то, что Китай участвует в международных делах не конфрон-

тационным, а позитивным, конструктивным, более гибким и более уверенным образом [9].

Пятый этап – с 2014 года по настоящее время – стал временем реализации Всеобъемлющей концепции национальной безопасности. С подъёмом Китая национальная безопасность также быстро расширяется в глубину и ширину. Концепция безопасности в контексте глобализации охватывает различные области и средства поддержания национальной безопасности, что отражается в разнообразии и сложности. В 2014 году Китай выдвинул идею всеобъемлющей национальной безопасности. В ней подчеркивается необходимость уделения внимания как внешней, так и внутренней безопасности. Она придает большое значение как внутренней безопасности, так и национальной безопасности, а также традиционной и нетрадиционной безопасности [14]. В рамках Всеобъемлющей концепции национальной безопасности Китай отстаивает Концепцию безопасности на территории всей Азии. Она является важной концепцией, которая определяет периферийную безопасность Китая. Данная Концепция безопасности взаимосвязана с Всеобъемлющей концепцией национальной безопасности с точки зрения дипломатической идеи и стратегии. Концепция безопасности в Азии не только наследует, но и развивает Пять принципов мирного сосуществования и новое видение безопасности, способствует региональному расширению всеобъемлющей концепции национальной безопасности Китая.

Таким образом, от Пяти принципов мирного сосуществования до понятия всеобъемлющей безопасности концепция национальной безопасности Китая постоянно развивалась. Из практики в США видно, что концепция безопасности эволюционировала от акцента на военную безопасность к идее всеобъемлющей безопасности. Отношение к соседним странам изменилось от подчеркивания принципа взаимности к признанию важности и пользы периферии. Цель периферийной дипломатической политики изменилась с акцента мирного сосуществования на устойчивую безопасность.

2. Современная Концепция безопасности в Азии.

После холодной войны практика сложных взаимоотношений всех акторов в США сформировала текущую ситуацию и структуру безопасности в регионе. Основной геополитической его характеристикой традиционно выступает напряженность, что определило понимание региона как "Азиатских Балкан" и "живого ископаемого холодной войны" [1].

Вступая в XXI век, конфронтация в США усилилась, а Корейский полуостров все еще находится в состоянии войны. Северокорейская ядерная проблема существенно влияет на региональную ситуацию. Участие США посредством Индо-Тихоокеанской стратегии стало более агрессивным и прямым, а также отсутствует механизм по региональному сотрудничеству в области безопасности.

Для решения проблемы безопасности в США явно требуются инновационные концепции безопасности. На этом фоне в мае 2014 года на совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в 2014 году председатель Китая Си Цзиньпин предложил Концепцию безопасности в Азии или общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой региональной безопасности.

Эта концепция предполагает учет всех аспектов безопасности. Она выступает за фундаментальное устранение основ небезопасности для достижения устойчивости безопасности. У нее есть определенные общие черты с концепцией позитивного мира (positive peace). В последней подчеркивается необходимость уделять внимание широкой сфере безопасности, как взаимосвязи между странами, экономическим развитием и социальной справедливостью, а не рассматривается безопасность как отсутствие войны [5]. Концепция безопасности в Азии также подчеркивает устойчивость безопасности, признает диалектическую взаимосвязь между безопасностью и развитием и считает, что только путем сочетания развития и безопасности можно достичь прочной безопасности. Это объясняется тем, что развитие – это основа безопасности, а безопасность – это условие развития [15].

Что касается СВА, то, основываясь на сложной и реалистичной обстановке безопасности в этом регионе и глубоком историческом фоне, Концепция безопасности в Азии также предлагает новые идеи для решения проблем безопасности в регионе. Она нацелена на помощь странам в достижении устойчивой безопасности на основе взаимного уважения, доверия и консультации, а также содействие созданию сообщества судьбы в СВА.

Концепция безопасности в Азии дает новые идеи для теоретической дилеммы проблем безопасности в СВА

После окончания холодной войны северокорейский ядерный кризис неоднократно ставил Корейский полуостров на грань военного конфликта. Между странами в СВА по-прежнему существует множество территориальных (как правило, морских) споров. По сравнению с другими проблемами странам труднее идти на компромиссы и уступки по таким проблемам, связанным с суверенитетом. США используют эти проблемы для публичного вмешательства в дела безопасности СВА. Таким образом, страны в СВА сталкиваются с традиционными проблемами безопасности, в которых доминируют геополитические проблемы, а не с нетрадиционными проблемами безопасности, возникшими после холодной войны. Существующая теория международных отношений не дает убедительных ответов для решения подобного рода проблем.

Западные ученые считают, что возможность избавиться от дилеммы безопасности и выйти за рамки традиционных методов поддержания безопасности и стабильности посредством сдерживания или военных угроз, создания двусторонних или многосторонних союзов и построения системы коллективной безопасности открывают два концептуальных направления – теорию интеграции и теорию управления безопасностью. Однако пути, предлагаемые ими, не вполне применимы к СВА. Теоретические исследования показывают, что успешная региональная интеграция в конечном итоге ведет к созданию наднациональной организации, подобного Европейскому союзу [4]. Однако, как свидетельствует современная практика европейского региона с его зрелой интеграцией, экономические кризисы, кризисы с беженцами и террористические атаки следуют один за другим, внося неопределенность в будущее развитие Европейского союза. Интеграция, таким образом, не привела к улучшению ситуации безопасности, а ухудшила ее по сравнению с исходной. Другими словами, развитие региональной интеграции не сделало зрелые или растущие регионы более безопасными. Напротив, регионализированный мир становится все более и более небезопасным. Это связано с тем, что интеграция постепенно приведет к консолидации распределения выгод в регионе, и некоторые страны также будут обеспокоены тем, что вместо выгод она будет наносить им ущерб. Из-за эффекта постепенного уменьшения выгоды некоторые страны, которые были более удовлетворены выгодами на ранних этапах интеграции, также могут испытывать беспокойство по поводу снижения выгод в будущем [22].

Классическая теория интеграции считает, что углубление экономической интернационализации и возникающая в результате его взаимозависимость заставят страны осознать необходимость поиска общего решения проблем, с которыми сталкиваются все страны в мире сложной взаимозависимости. Но в СВА объяснение этой теории крайне ограничено. Напряженность и противоречия в этом регионе не уменьшились с ростом экономической взаимозависимости между странами. В частности, Китай и Япония имеют тесные торговые обмены, но противоречия между двумя сторонами не были скомпрометированы или разрешены. В то же время двусторонний военный союз между Японией, Южной Кореей и США также сдерживает оперативные возможности этих двух стран, делая их неспособными самостоятельно решать проблемы региональной безопасности, как и в случае европейских стран.

Теория глобального управления безопасностью предлагает другой способ мышления для решения проблем безопасности. В настоящее время академическое сообщество достигло консенсуса относительно объектов глобального управ-

ления, то есть тех, которые сопровождают глобализацию и являются сложными, неопределенными и несбалансированными. Они требуют от людей рационального понимания глобальных проблем и управления ими [18]. Основные проблемы безопасности в СВА – северокорейская ядерная проблема и территориальные споры. Они являются наследием холодной войны. Хотя эти проблемы возникают в эпоху углубляющейся глобализации, их нельзя интерпретировать как глобальные проблемы. Мышление о глобальном управлении не может быть использовано для их решения. Ядром существующей теории управления безопасностью является "объединённый суверенитет" стран в рамках многосторонних механизмов, а также проблемы, вызывающие озабоченность – это транснациональные угрозы, такие как изменение климата, организованная преступность и терроризм. Одна страна не может управлять этими угрозами с помощью своих сил [6].

Очевидно, что нынешние угрозы безопасности, с которыми сталкивается СВА, по-прежнему являются традиционными, основанными на военных конфликтах, которые отличаются от проблем теории управления безопасностью. Все это говорит о том, что идею решения трансграничных нетрадиционных угроз безопасности вряд ли возможно использовать для решения дилеммы безопасности в СВА.

Поскольку основные проблемы безопасности в СВА являются не побочным продуктом глобализации, а наследием холодной войны, наднациональная организация теории интеграции или принятия суверенитета теории глобального управления не играют эффективной роли для решения проблем в СВА. В то же время факты также доказали, что неуместное вмешательство внерегиональных держав в ситуацию региональной безопасности и взаимные угрозы между странами региона могут только еще больше стимулировать эскалацию напряженности, ещё раз подтверждая важность концептуальных инноваций в решении проблем безопасности в СВА. Общая, всеобъемлющая, кооперативная и устойчивая безопасность в рамках концепции Азии предлагает новые идеи для решения проблем безопасности в СВА и помогает способствовать формированию взаимного доверия в области безопасности между странами. Также уделяется внимание фундаментальному решению глубинных причин проблем безопасности в целях содействия реализации устойчивой безопасности.

Факторы влияния на практику обеспечения безопасности в Азии в СВА

Концепция безопасности в Азии подчеркивает взаимное доверие как основу для поддержания безопасности между странами, и выступает за сотрудничество в области безопасности на основе взаимного уважения национального суверенитета, но не стремится к созданию региональных наднациональных организаций. Это может предложить новые идеи для решения проблем безопасности в СВА. Однако в ходе практической реализации Концепция безопасности в Азии подверглась влиянию таких объективных факторов, как вмешательство великих держав, неопределенность экономического развития и рост национализма и популизма.

1. Вмешательство США. Деструктивное вмешательство великих держав в интеграцию СВА является серьезным вызовом, который необходимо решать в процессе реализации Концепции безопасности в Азии. Быстрый рост экономики Китая, с одной стороны, улучшил статус СВА в мировой экономике, а с другой стороны, он также изменил соотношение экономической мощи между странами в этом регионе и способствовал изменениям в экономической структуре внутри региона. Из-за усиления собственной экономической мощи СВА влияние США, которые долгое время играли важную роль в этом регионе, снизилось [19]. В США также существует опасение, что экономическое развитие Северо-Восточной Азии будет способствовать формированию беспрецедентного "азиатского внутреннего рынка" [7].

С. Роберт указал, что политика США в Восточной Азии заключается в поддержании баланса сил в этом регионе, чтобы сохранить регион внутренне разделенным и помешать расширению региональных держав. Без США ни одна страна из стран Восточной Азии не сможет остановить "гегемонистскую политику" Китая, поэтому США необходимо напрямую вмешиваться в дела этого региона, чтобы сохранить внутреннее разделение региона [11]. Д. Миршаймер утверждает, что Китай

будет стремиться доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) так же, как США доминируют в Западном полушарии. Это неизбежно приведет к увеличению силы, и Китай будет пытаться исключить США из АТР точно так же, как США исторически исключали мощь европейских держав из Западного полушария. Наиболее вероятно, по их мнению, Китай будет продвигать свою Доктрину Монро в Азии [8].

Что касается США, то СВА является регионом с важными интересами, поэтому необходимо обеспечить невозможность Китаю занимать доминирующее положение в этом регионе. Чтобы добиться обеспечения долгосрочного преимущества в СВА путём офшорного балансирования, США необходимо полагаться на своих союзников в этом регионе или, как говорят некоторые ученые, США необходимо полагаться на свою систему ступица и спицы.

После окончания холодной войны важность системы альянсов для поддержания глобальной гегемонии США не только не уменьшилась, но и возросла. В СВА два союзника США – Япония и Южная Корея – являются основными участниками в стратегии офшорного балансирования и важной опорой для США в создании эксклюзивной системы коллективной безопасности в СВА, чтобы США могли сохранить свое стратегическое доминирующее положение в этом регионе.

Администрация Д. Байдена настаивала на том, чтобы США снова возглавляли мир. США старались поддерживать гегемонистские позиции во всем мире. Стремительное экономическое развитие Китая для США стало предупредительным сигналом. США приняли множество стратегических методов с целью подавления Китая и разрыва торгового сотрудничества. США используют Японию и Южную Корею в качестве объектов, настроенных на сдерживание Китая в СВА, подчеркивая важность расширения системы альянсов и сдерживания Китая в политической, экономической, научно-технической и других областях, тем самым достигая цели гегемонистской стабильности.

2. Неопределенность экономической среды. С развитием регионализации и глобализации экономики между странами становятся взаимозависимыми и влияют друг на друга. На общую экономику СВА приходится около четверти всей мировой экономики, при этом двустороннее и многостороннее экономические сотрудничества в регионе активно и структурно дополняют друг друга. После многих лет развития общие интересы продолжают расти, регион СВА превратился в регион с мировым влиянием [16].

В 2020 году было подписано Соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнёрстве (RCEP), в рамках которого Китай выразил четкое требование присоединиться к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (далее – СРТПП). Перспективы сотрудничества между Китаем, Японией и Южной Кореей в рамках этого соглашения весьма обширны. Однако с учетом интересов великих держав и горячих точек противоречий в СВА региональное экономическое сотрудничество в СВА сталкивается с препятствиями, особенно в контексте глобальной пандемии COVID-19. Все это вызывает распространение антиглобализма и унилатерализма.

В рамках конкуренции с Китаем США делают экономические проблемы политизированными, объединив усилия с Японией и другими странами для создания Индо-Тихоокеанской цепочки ценности с целью достижения декитаизации и использования четырехстороннего механизма стратегического давления на Китай.

В марте 2020 года четырехсторонний диалог по безопасности направлен на переход от политической и военной сфер к экономической, осуществлению реструктуризации цепочки поставок и формирования надёжного альянса по цепочке поставок, чтобы сократить экономическую долю Китая. Кроме того, США продолжают убеждать соответствующие страны региона отделиться от экономики Китая и поддерживают Инициативу по обеспечению устойчивости цепей поставок (далее – SRCI), инициированную Японией, проводят различие между политической окраской и идеологией, а также усиливают сдерживание цепочки поставок Китая с целью достижения экономической изоляции от Китая.

В то же время Южная Корея и Япония ввели политику, направленную на расширение возврата предприятий, а также на корректировку и передачу производственных цепочек, и постоянно усиливают административное вмешательство в деятельность предприятий, что приводит к переводу некоторых предприятий на местные рынки или рынки Юго-Восточной Азии. Это представляет серьезную проблему для стабильности промышленной цепочки Китая в СВА, а также построения новой модели развития с двойной циркуляцией. Экономическое влияние Китая в СВА и основы регионального развития были в определенной степени ослаблены.

3. Подъем национализма и популизма. Основываясь на колониальной истории, страны в СВА высоко ценят свою национальную независимость и национальный суверенитет. В силу исторических причин между странами в СВА имеется ряд проблем. Подъем Китая рассматривается как угроза для многих азиатских стран, особенно для СВА, формирующая структурные противоречия в азиатском регионе, стимулируя тем самым территориальные националистические настроения в странах СВА.

Япония с агрессивной стратегией в территориальных спорах время от времени провоцирует споры. В то же время страны Восточной Азии хранят глубокую память об огромной травме, нанесенной японской агрессией в истории. В течение длительного времени отсутствие взаимного доверия между Японией и ее соседями стало тенью, препятствующей региональному сотрудничеству в области безопасности [12]. Спор из-за островов Дяоюйдао привел к антагонистическим национальным эмоциям между Китаем и Японией. Столкновение с китайским рыболовецким судном в 2010 году привело к эскалации территориального спора между Китаем и Японией. Из-за этого инцидента восприятие японской ответственностью китайской угрозы значительно возросло, и правительству рекомендуется разработать защитный механизм, чтобы Китай не думал, что возможности и решимость Японии сильно слабы [10].

Вопрос Токто (Такэсима, Японии) всегда был важным очагом, сдерживающим развитие южнокорейско-японских отношений. Антияпонские настроения в Южной Корее стремительно растут. После того, как японское правительство ограничило экспорт полупроводниковых материалов, призывы к бойкоту японских товаров и бойкоту поездок в Японию в Южной Корее становятся все более сильными. Более 140 местных органов власти в Южной Корее совместно создали организации для бойкота японских товаров и приостановки поездок в Японию. Все это проявления яркого растущего национализма. Если национализм различных стран не может быть эффективно контролирован, правительства различных стран будут продолжать шантажироваться национализмом. При разрешении споров или создании соответствующих механизмов безопасности правительство не сможет пойти на соответствующие компромиссы, что неизбежно приведет к тому, что соответствующее устройство повестки дня столкнется с большими препятствиями.

СВА остается регионом с острыми и часто обостряющимися проблемами безопасности из-за сохранения в ней многих наследий холодной войны, что привело к серьезному отсутствию доверия в области безопасности между странами в СВА. Между ними нередко возникают конфликты, вызванные дилеммами безопасности, что сказывается на попытках создания механизмов сотрудничества в области безопасности в краткосрочной перспективе. В этом контексте простое применение существующих теорий не поможет решить реальные проблемы в регионе СВА, в то время как концепция безопасности в Азии с общей, всеобъемлющей, кооперативной и устойчивой региональной безопасностью предлагает новые идеи для решения дилемм региональной безопасности и помогает странам достичь устойчивой безопасности на основе взаимного уважения, взаимного доверия и взаимной консультаций. На практике Китай развил партнерские отношения и углубил двустороннее и многостороннее сотрудничество в СВА, стремясь найти общие интересы со странами СВА посредством стратегий партнерства и устранить небезопасные факторы в СВА. Безопасность является основной гарантией построения любого сообщества, поэтому концепция безопасности в Азии является ос-

новой построения сообщества судьбы в США. В качестве инициатора концепции безопасности в Азии и Сообщества единой судьбы человечества Китай, который является региональной державой, также должен в полной мере сыграть свою роль в этом процессе и взять на себя ответственность великой державы. Проблемы безопасности в этом регионе затрагивают не только соседние страны, но могут даже спровоцировать глобальные конфликты. Например, напряженность на Корейском полуострове может втянуть в конфликт Китай и США. В нынешних условиях, когда доверие к безопасности всех сторон в регионе по-прежнему отсутствует, Китай должен стать поборником региональной безопасности и стабильности, поощрять все стороны к разрешению разногласий мирными средствами, такими как переговоры и консультации, и создать культуру региональной безопасности, основанную на равенстве, сотрудничестве и взаимовыгодной ситуации.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска – Господство Америки и его стратегические императивы / Б. Збигнев / Перевод Китайским институтом международных проблем. Шанхай, Шанхайское народное издательство. 2010. 126 с.
2. Бирюков С.В. Россия – Китай: непростой путь к стратегическому партнерству (к 70-летию установления дипломатических отношений) / С.В. Бирюков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 237–238.
3. Помозова Н.Б. "Сообщество единой судьбы": эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) / Н.Б. Помозова // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". 2019. № 2. С. 76–88.
4. Breslin S.B. Comparative Theory, China, and the Future of East Asia Regionalism / B. Shaun // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. No.3. P. 709–711.
5. Diehl P. F. Exploring Peace : Looking beyond War and Negative Peace / F. Paul // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No.1. P. 4–9.
6. Hameiri S.J. Security Governance and the Politics of State Transformation: Moving from Description to Explanation / H. Shahar, J. Lee, S. Adam // Journal of Global Security Studies. 2018. Vol. 3. No.1. P. 464–467.
7. Kraig M.R. Military Planning for East Asia : A Clausewitzian Approach / R.K. Michael // Strategic Studies Quarterly. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 100–104.
8. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm : China's Challenge to US Power in Asia / J.M. John // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 387–389.
9. Medeiros E.S. and Fravel. M.T. "China's New Diplomacy" / S. Evan // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No. 6. P. 22–36.
10. Nakano R. The Sino-Japanese territorial dispute and threat perception in power transition / R. Nakano // Pacific Review. 2016. № 29(2). P. 165–186.
11. Ross R.S. US Grand Strategy, the Rise of China, and US National Security Strategy for East Asia / S.R. Robert // Strategic Studies Quarterly. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 20–28.
12. Yinan H.E. The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II / H.E. Yinan // Cambridge: Cambridge University Press. 2009. № 2. P. 3–9.
13. 叶自成: 《探索面向21世纪的中国国际战略的新思维》载于《世界经济与政治》, 1997年第9期, 第71–74页 = Е Ц. Изучение нового мышления о международной стратегии Китая на 21 век / Ц. Е // Мировая экономика и политика. 1997. № 9. С. 71–74.
14. 习近平主持召开中央国家安全委员会第一次会议强调坚持总体国家安全观, 走中国特色国家安全道路, 《人民日报》, 2014年04月16日 = Си Цзиньпин председательствовал на первом заседании Центрального совета национальной безопасности, подчеркнув, что придерживается всеобъемлющей концепции национальной безопасности и следует по пути национальной безопасности с китайской спецификой. // Жэньминь жибао. 16 апреля 2014 г.
15. 习近平, 论坚持推动构建人类命运共同体[M].北京: 中央文献出版社, 2018, 114 = Си Ц. О настоячивом продвижении строения Сообщества единой судьбы человечества. Пекин: издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ". 2018. 114 с.
16. 宋宁而. 被建构的东北亚安全困境--基于对综合安全海洋保障政策的分析[J]. 亚太安全与海洋研究, 2021(1):72-87 = Сун Н. Сконструированная дилемма безопасности Северо-Восточной Азии – На основе анализа всеобъемлющей политики безопасности на море / Н. Сун // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и океанологические исследования. 2021. № 1. С. 72–87.
17. 秦亚青, 国家身份、战略文化和安全利益关于中国与国际社会关系的三个假设, 《世界经济与政治》, 2003年第1期, 第13-15页 = Цинь Я. Три гипотезы об отношениях Китая с международным сообществом в отношении национальной идентичности, стратегической культуры и интересов безопасности / Я. Цинь // Мировая экономика и политика. 2003. № 1. С. 13–15.
18. 蔡拓. 全球学: 概念、范畴、方法与学科定位 [J]. 国际政治研究, 2013 (3) : 11 = Цай Т. Глобали-

стика: Концепции, категории, методы и позиционирование учебной дисциплины / Т. Цай // Международные политические исследования. 2013. № 3. С. 11–16.

19. 崔岩. 东北亚国际关系的新动向与地区秩序重构 [J]. 日本研究, 2014 (3): 2. = Цуй Я. Новые тенденции в международных отношениях в Северо-Восточной Азии и восстановление регионального порядка / Я. Цуй // Японские исследования. 2014. № 3. С. 2–6

20. 江泽民: 在庆祝中国共产党成立八十周年大会上的讲话, 中央电视台, 2010年12月3日。http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html = Цзян Ц. Выступление на Конференции, посвященной 80-летию основания КПК / Ц. Цзян // CCTV. 2010. URL: http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html (дата обращения: 06.06.2022).

21. 张键. 冷战后中国东亚外交战略的学理分析[D]. 外交学院, 2011, 第150-156页 = Чжан Ц. Теоретический анализ восточноазиатской дипломатической стратегии Китая после холодной войны / Ц. Чжан // Китайский дипломатический университет. 2011. № 6. С. 150–156.

22. 张景全, 吴昊. 区域化与安全化悖论: 东北亚区域的国家与同盟角色 [J]. 东北亚论坛, 2017 (1): 100-102 = Чжан Ц. Парадокс регионализации и безопасности: Роль стран и альянсов в Северо-Восточной Азии / Ц. Чжан, Х. У // Форум Северо-Восточной Азии. 2017. № 1. С. 100–102.

References

1. Brzezinsky Z. The Great Chessboard – The Dominance of America and its strategic imperatives / B. Zbigniew // Translated by the Chinese Institute of International Problems. Shanghai, Shanghai People's Publishing House. 2010. p. 126.

2. Biryukov S.V. Russia – China: a difficult path to strategic partnership (to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations) / S.V. Biryukov // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2021. Vol. 26, No. 2. P. 237–238.

3. Pomozova N.B. "Community of One Destiny": The Evolution of China's Foreign Policy Concept (late 1990s – present) / N.B. Pomozova // Bulletin of the Russian State University. The series "Political Science. History. International relations". 2019. No. 2. P. 76–88.

4. Breslin S.B. Comparative Theory, China, and the Future of East Asia Regionalism / B. Shaun // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. No. 3. P. 709–711.

5. Diehl P. F. Exploring Peace : Looking beyond War and Negative Peace / F. Paul // International Studies Quarterly. 2016. Vol. 60. No.1. P. 4–9.

6. Hameiri S.J. Security Governance and the Politics of State Transformation: Moving from Description to Explanation / H. Shahar, J. Lee, S. Adam // Journal of Global Security Studies. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 464–467.

7. Kraig M.R. Military Planning for East Asia : A Clausewitzian Approach / R.K. Michael // Strategic Studies Quarterly. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 100–104.

8. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm : China's Challenge to US Power in Asia / J.M. John // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 387–389.

9. Medeiros E.S. and Fravel. M.T, "China's New Diplomacy" / S. Evan // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. No. 6. P. 22–36.

10. Nakano R. The Sino-Japanese territorial dispute and threat perception in power transition / R. Nakano // Pacific Review. 2016. № 29(2). P. 165–186.

11. Ross R.S. US Grand Strategy, the Rise of China, and US National Security Strategy for East Asia / S.R. Robert // Strategic Studies Quarterly. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 20–28.

12. Yanan H.E. The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations since World War II / H.E. Yanan // Cambridge: Cambridge University Press. 2009. № 2. P. 3–9.

13. E Zicheng. The study of new thinking about China's international strategy for the 21st century / Ts. E // World Economy and Politics. 1997. No. 9. P. 71–74.

14. Xi Jinping chaired the first meeting of the Central National Security Council, stressing that he adheres to the comprehensive concept of national security and follows the path of national security with Chinese specifics, People's Daily, April 16, 2014.

15. Xi Jinping chaired the first meeting of the Central National Security Council, stressing that he adheres to the comprehensive concept of national security and follows the path of national security with Chinese specifics, People's Daily, April 16, 2014.

16. Sun Ninger. The constructed security dilemma of Northeast Asia – Based on the analysis of a comprehensive maritime security policy / N. Sun // Asia-Pacific security and oceanological research. 2021. No. 1. P. 72–87.

17. Qin Yanqing. Three hypotheses about China's relations with the international community in relation to national identity, strategic culture and security interests / Ya. Qin // World Economy and Politics. 2003. No. 1. P. 13–15.

18. Cai Tuo. Globalistics: Concepts, categories, methods and positioning of the academic discipline / T. Tsai // International political studies. 2013. No. 3. P. 11–16.

19. Cui Yan. New trends in international relations in Northeast Asia and the restoration of regional order / Ya.

Cui // *Japanese Studies*. 2014. No. 3. P. 2–6.

20. Jiang Zemin. Speech at the Conference dedicated to the 80th anniversary of the founding of the CPC / Ts. Jiang // CCTV. 2010. URL: <http://2008.cctv.com/special/733/-1/47001.html>.

21. ZhangJian. Theoretical analysis of China's East Asian Diplomatic strategy after the Cold War / Jian. Zhang // *Chinese Diplomatic University*. 2011. No. 6. P. 150–156.

22. Zhang Jingquan, Wu Hao. The paradox of regionalization and security: The role of countries and alliances in Northeast Asia /Zhang, Wu // *Forum of Northeast Asia*. 2017. No. 1. P. 100–102.

Сочжу ХУАН, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Li0451-0451@yandex.ru

Suozhu HUANG, Postgraduate student, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: Li0451-0451@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 10.05.2023

Принята к публикации

(Accepted) 05.06.2023

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различия "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутри одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.
27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).

28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
30. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (58) • 2023

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 23.06.2023.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 14,19. Уч.-изд. л. 16,95.
Тираж 100 экз.
Заказ 193.

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006